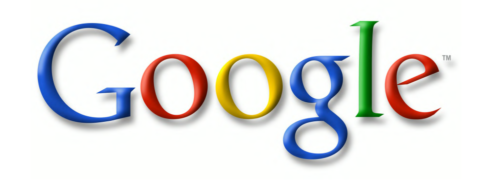
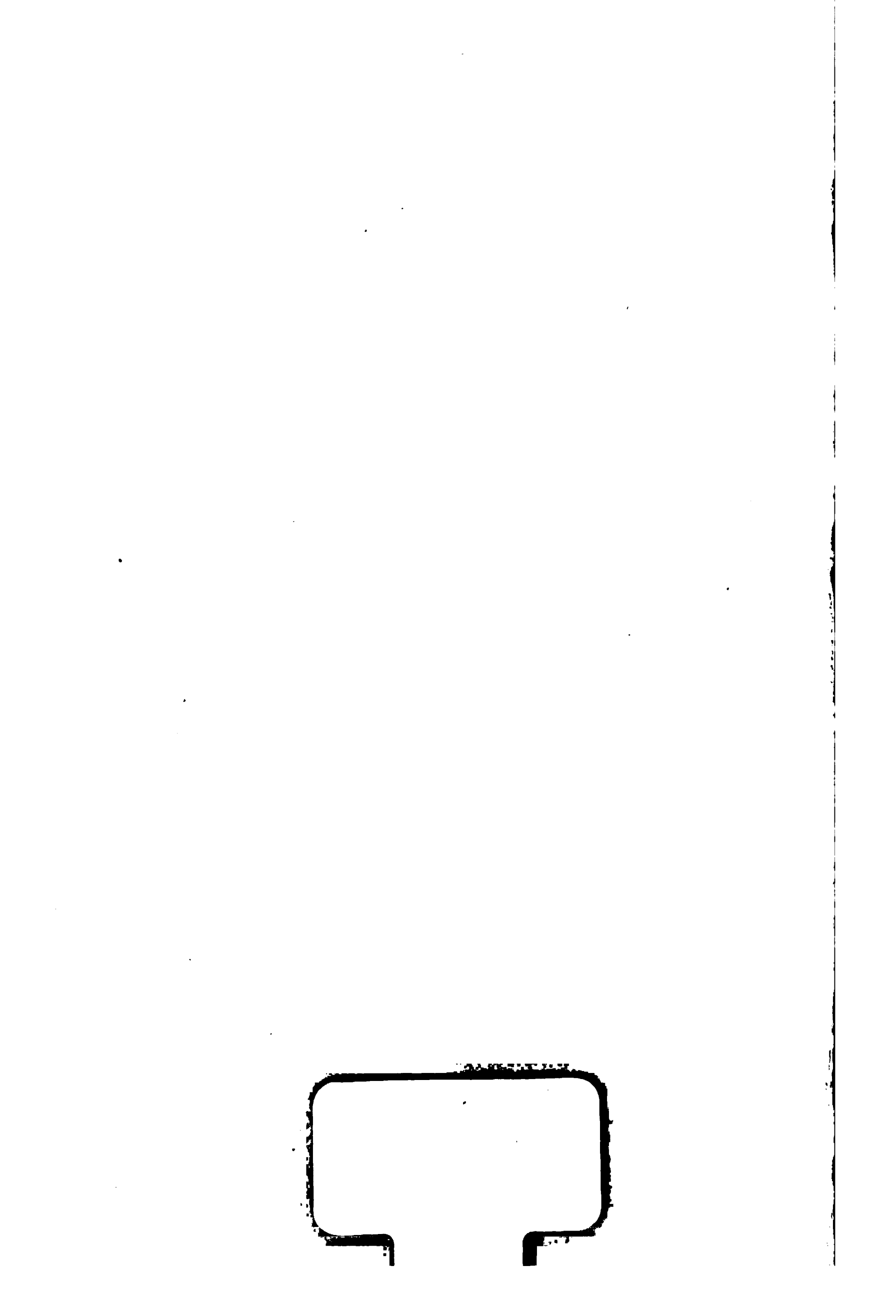

Google

Архіепископъ Евдокимъ.

ПО ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ДОБРОЕ ПРОШЛОЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

Московской Духовной Академіи.

(Къ столѣтнему юбилею Академіи).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1915.

Печатать дозволяется. Іюня 15 дня, 1915 года.
Цензоръ-Редакторъ *Архіепископъ Евдокимъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ моихъ литературныхъ трудовъ „По церковно-общественнымъ вопросамъ“ посвящается родной мнѣ Московской Духовной Академіи, только что вступившей въ новое столѣтіе своего историческаго бытія. Къ столѣтнему юбилею вышелъ рядъ изданій, посвященныхъ изображенію и отчасти оцѣнкѣ историческаго прошлаго славнаго святилища богословской науки. Ко всему сдѣланному въ этомъ направленіи мнѣ хотѣлось бы привнести и нѣчто отъ себя.— Господь судилъ мнѣ болѣе десяти лѣтъ стоять во главѣ родной Академіи въ должностяхъ инспектора и ректора. Я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ ея жизни въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія. На мою долю выпалъ тяжелый жребій быть ея кормчимъ въ чрезвычайный историческій моментъ (1905 и слѣд. годы)—въ бурный періодъ грандіознаго перелома церковно-общественной и въ связи съ этимъ академической жизни, въ

періодъ свободной борьбы идей и страстей и внутри Академіи, какъ и вокругъ ея—на всей широтѣ церковно-общественной жизни. Много было пережито, выстрадано и передумано съ Академіей и объ Академіи! Но пока не пришло еще время говорить обо всемъ этомъ печатно. —Въ настоящей книжкѣ собрана часть моихъ статей и замѣтокъ объ академической жизни за періодъ моего инспекторства; лишь первая и послѣдняя статьи книги затрогиваютъ и періодъ ректорства. Я раскрываю здѣсь предъ читателями нѣсколько страницъ изъ „добраго прошлаго“ Академіи въ надеждѣ, что образы свѣтлаго прошлаго будутъ вдохновлять къ лучшему будущему.

Архіепископъ Евдокимъ.

Рѣчь предъ молебномъ при началѣ учебныхъ занятій въ Московской Духовной Академіи [1]).

Простите, если я, учитель краснорѣчія, скажу вамъ сегодня некраснорѣчивое слово. Лично я мало сожалѣю объ этомъ. Нынѣ вездѣ и всюду такъ много говорится краснорѣчивыхъ словъ, что, кажется, ими наполнена сплошь вся вселенная. А между тѣмъ, несмотря на все это краснорѣчіе, всѣмъ живется почти такъ же худо, какъ жилось и тогда, когда нашего слуха не утомляли этими безконечными громкими рѣчами, этой феерической смѣной различныхъ направленій, теченій, плановъ и гаданій.

Какъ пастырь и стражъ этого дражайшаго для меня духовнаго вертограда, я долженъ сказать вамъ всю правду, какъ бы она не была горька и непріятна для многихъ. И я скажу ее вамъ. Можетъ быть, выслушавъ ее, нѣкоторые скажутъ: „жестоко слово сіе: и кто можетъ его послушать“ и начнутъ оста-

---

1) Произнесена въ 1904 году.

влять меня. Пусть говорятъ и пусть оставляютъ.

Когда я смотрю сейчасъ на васъ, то моя мысль переносится отсюда, изъ этого тѣснаго нашего храма, на далекій просторъ священной земли Палестины. Я забываю свое время и переношусь мыслью къ тѣмъ безпримѣрно счастливымъ годамъ для всего человѣчества, когда среди людей жилъ и дѣйствовалъ небесный Посланникъ, безпримѣрный Учитель Христосъ. Вотъ я мысленно вижу, какъ Онъ переходитъ изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ. Вижу, какое неотразимомощное вліяніе на людей производитъ Его новое, неслыханное дотолѣ ученіе. Около Христа собираются толпы слушателей. Всѣ хотятъ знать какъ это можно какъ-то жить по новому, лучше, чѣмъ какъ они жили до сихъ поръ. Всматриваюсь въ толпу, окружавшую Христа, и вижу среди нея многихъ, какъ бы еще живыми. Вижу ихъ напряженныя лица, взоры, устремленные на Христа. Вотъ стоитъ блудница, вотъ разбойникъ, здѣсь мытарь, тамъ гордый фарисей, тутъ самодовольный саддукей. Стоятъ здѣсь и простолюдины, и богачи, и женщины съ маленькими дѣтьми, и старцы.

Всматриваюсь въ толпу и вижу среди нея,

какъ бы живого, одного юношу. Вотъ онъ... Взоръ его устремленъ на Христа. На лицѣ можно видѣть прозрачные слѣды глубокаго волненія отъ новаго, никогда неслыханнаго ученія. Напряженіе все болѣе и болѣе растетъ и наконецъ достигаетъ послѣдней степени. Какъ сильные громы небесные потрясаютъ землю, такъ слово небеснаго Учителя потрясаетъ всю душу юноши. Заколебались старые устои жизни, казавшіеся прежде такими несокрушимыми и вѣрными. Забрезжилъ въ душѣ какой-то новый свѣтъ, повлекло къ чему-то новому, свѣжему, ласкающему, невыразимо прекрасному, хорошему. Вотъ онъ протискивается сквозь толпу ко Христу и спрашиваетъ Его: „что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную?“ (Мѳ. 19, 16). Спаситель отвѣчалъ ему: „не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, люби ближняго, какъ самого себя“ (19, 18). Что же юноша? Не трудными кажутся ему тѣ заповѣди, научиться исполнять которыя многіе не могутъ въ теченіе цѣлой своей жизни. Онъ не знаетъ немощей человѣческой природы, не знаетъ жизненныхъ невзгодъ, бурь, паденій. Все это кажется ему слишкомъ легкимъ. Онъ готовъ и на болѣе трудные подвиги. Увѣ-

ренный въ себѣ и своихъ силахъ, юноша смѣло и безбоязненно отвѣчаетъ Спасителю:— „все это сохранилъ я отъ юности моей. Чего еще не достаетъ мнѣ?“ (—20). Все это я исполнилъ. Скажи, открой, научи, чего еще не достаетъ мнѣ?...

Спаситель полюбилъ этого юношу за его горячее желаніе быть истинно хорошимъ и совершеннымъ. Но когда Онъ сказалъ ему: „если хочешь быть совершеннымъ, продай имѣніе твое и раздай нищимъ“, юноша отошелъ отъ Него съ печалію, потому что у него было большое имѣніе (—21—22). Итакъ, когда потребовалось отъ юноши не слово, которыми всѣ люди такъ богаты, а дѣло,—онъ отошелъ отъ Спасителя „скорбя“...

Когда я смотрю сейчасъ на васъ и мысленно стараюсь заглянуть въ ваши души, представить ваши думы, чувства, надежды, то мнѣ кажется, какъ-будто я вижу предъ собою еще воочію того самаго евангельскаго юношу, о которомъ лишь говорилъ вамъ. Такъ много сходнаго въ теперешнемъ вашемъ настроеніи съ настроеніемъ Христова любимца. Двери таинственнаго храма науки, о которомъ вы почти съ самаго дѣтства привыкли хранить самыя высокія представленія, раскрыты предъ вами. Всѣ затрудненія, какія стояли на пути

къ этому храму, вами препобѣждены. Вы переступили уже черезъ порогъ этого святилища и ждете быть обвѣянными свѣтомъ высшаго богословскаго и гуманитарнаго знанія. Не устами только, а и всѣмъ своимъ существомъ вы теперь какъ бы кричите, подобно евангельскому юношѣ, что вамъ дѣлать, куда итти, чего избѣгать...

Школа и мудрецы этой школы, изъ которыхъ имена нѣкоторыхъ извѣстны не только въ Россіи, но и за границей, научатъ васъ тому, что теперь вамъ слѣдуетъ дѣлать. Я же лишь предупрежду васъ, чего вамъ слѣдуетъ въ общемъ старательно, заботливо избѣгать на пути четырехлѣтняго вашего дѣланія и труда въ Академіи.

Сказать правду—молодежь нашего времени не особенно любитъ учиться и трудиться. Школьныя дисциплины она считаетъ устарѣлыми и почти уже никому ненужными. Это—ветошь, старый мусоръ, въ лучшемъ случаѣ скорлупа. Каждый день несетъ тысячи новыхъ жгучихъ вопросовъ, волнуются бѣдные обездоленные классы, растутъ различныя партіи, на церковь нападаютъ съ различныхъ сторонъ. Время ли сидѣть за книжками? Молодежи хочется прямого, живого дѣла, которое она могла бы видѣть

своими глазами и осязать своими руками. Ей хочется итти, минуя науку, итти прямо къ людямъ, нести имъ счастіе, свѣтъ, помогать во всякой нуждѣ и во всякомъ горѣ. Ей хочется заключить въ свои объятія всю вселенную, уничтожить всякое горе, зло, неправду, создать, устроить рай Божій еще здѣсь на землѣ. Отсюда ея постоянныя мечты о счастіи земномъ и жгучіе разговоры о служеніи ближнимъ, безконечные планы, проекты и различныя даже начинанія. Когда смотришь на подобныхъ юношей, сердце наполняется невыразимой радостью, взору рисуется золотая нива съ пышными, богатыми колосьями, которая несетъ обильный урожай людямъ. И невольно при этомъ думаешь, какъ счастливы будутъ въ жизни эти юноши и тѣ люди, которымъ они будутъ служить.

Таковы мечты, но не такова дѣйствительность. Вотъ что мнѣ приходилось уже не разъ наблюдать въ своей жизни надъ тѣми изъ моихъ питомцевъ, которые такъ много говорили о своемъ будущемъ плодотворномъ служеніи ближнимъ и такъ были недовольны настоящимъ, порицая всѣхъ и все. Въ одного уже стрѣляли, другимъ разбивали окна, третьихъ—освистывали, четвертые давно бѣжали съ учебной службы во всевозмож-

ныя учрежденія до акциза включительно, пятые стали несносными деспотами, шестые давно уже и безповоротно опустились на самое дно. Гдѣ же клятвы? Гдѣ обѣщанія? Гдѣ жгучіе разговоры? Гдѣ планы и гаданія? Что осталось отъ безсонныхъ ночей? Какимъ волшебствомъ и какими чарами все такъ рѣзко измѣнилось?

Я вижу предъ собою сейчасъ представителей почти всѣхъ семинарій. Будемъ откровенны. Каждый изъ васъ, озираясь назадъ, несомнѣнно вспомнитъ немало темныхъ сторонъ въ оставленной имъ школѣ, за многое осудитъ эту школу съ досадой и болью въ сердцѣ, и осудитъ справедливо. Но не будемъ особенно спѣшить съ осужденіемъ и порицаніемъ. Осуждая другихъ, не себя ли въ дѣйствительности мы осуждаемъ? Вѣдь и тѣ, которыхъ мы осуждаемъ, были когда-то на вашемъ мѣстѣ и они когда-то такъ же горячо говорили о самоотверженномъ служеніи ближнимъ, какъ говорите и вы. Можетъ быть, у нихъ даже было больше словъ и рѣчей, чѣмъ у насъ съ вами. И однако мы видимъ, что слова и клятвы многими изъ нихъ давно-давно забыты и надъ всѣмъ давно царитъ неумолимая грозная дѣйствительность, которую ничѣмъ не обѣлишь, не

расцвѣтишь никакими цвѣтами, не оживишь никакими силами.

Посмотримъ шире на міръ Божій. Говорить-ли о томъ, какая масса въ немъ нестроеній, паденій, возстаній, ожесточенной, непримиримой борьбы другъ съ другомъ, корпораціи съ корпораціей, сословія съ сословіемъ. Глядя на тяжелую картину этой какъ бы всеобщей войны, вы хотите бѣжать къ людямъ, простереть къ нимъ свои руки и крикнуть на весь Божій міръ: остановитесь, безумные, что вы дѣлаете? Забудьте ваши ссоры, вспомните, что вѣдь вы братья другъ другу. Други мои, не забудьте, на фонѣ этой мрачной картины дѣйствительной жизни предъ нами проходятъ люди, которые мечтали и мечтаютъ о служеніи ближнимъ и которые считаютъ себя еще и сейчасъ хорошими людьми. Поразительно: такъ много нынѣ у людей радѣтелей, братьевъ, служителей готовыхъ даже умереть за ближняго, и такъ тяжело на землѣ, столько на ней горя, столько слезъ... Старые человѣколюбцы смѣняются новыми, увеличиваются полки хорошихъ людей, а все жизнь неладна, Вотъ и вы говорите уже объ ея недочетахъ...

Теперь, други мои, я близко подошелъ къ тому, что хотѣлъ сказать вамъ предъ нача-

ломъ учебныхъ занятій. Не спѣшите жить, не спѣшите итти въ міръ на служеніе людямъ, не спѣшите все осуждать, не спѣшите все переустроивать по вашимъ планамъ и намѣреніямъ. Ваши намѣренія и планы еще не тверже и не крѣпче паутины, которую паукъ сплетаетъ надъ могучимъ деревомъ. Я не видалъ плодовъ на молодомъ деревцѣ, не зрѣютъ колосья на озими. Все ваше вниманіе, всѣ ваши усилія вы должны теперь сосредоточить исключительно на себѣ, на упорной работѣ надъ собой. Вы должны бороться съ немощами своей природы такъ же настойчиво, какъ настойчиво боролись съ нею св. подвижники и лучшіе изъ мірскихъ людей. Не другихъ вамъ нужно спѣшить просвѣщать, а самихъ себя прежде всего. Вамъ теперь нужно прежде всего создать внутри самихъ себя крѣпчайшіе устои, которыхъ не смогла бы сломить никакая жизненная невзгода, никакая стихійная буря. Другимъ же отдавайте пока лишь то, что останется у васъ отъ работы надъ собой и своимъ внутреннимъ міромъ. Вотъ когда, други мои, вы опытно познаете и поймете, что значитъ дѣлать и говорить, какъ трудно научиться служить людямъ не словомъ, а дѣломъ,— поймете какая непроходимая почти пропасть

лежитъ между тѣмъ и другимъ, научитесь понимать немощи людей, прощать ихъ и цѣнить ихъ успѣхи. Не сорвется съ вашихъ устъ тогда неосторожное слово осужденія, непродуманная затѣя, неосмотрительное дѣло. Научившись же не измѣнять своимъ словамъ еще здѣсь, на школьной скамьѣ, вы не будете измѣнять имъ и впослѣдствіи на самомъ жизненномъ поприщѣ. Помните, въ жизнь вы не понесете больше того, чѣмъ сколько здѣсь получите. Ваша послѣдующая дѣятельность будетъ въ поразительной точности соотвѣтствовать вашимъ внутреннимъ капиталамъ. Всѣ мы хорошо знаемъ, что, имѣя рубль въ карманѣ, нельзя изъ него подать нуждающимся два. На разбитомъ или разстроенномъ инструментѣ, какой бы дороговизной онъ ни отличался, нельзя играть ничего дѣльнаго. Больной не вылѣчитъ больного. Слѣпой не растолкуетъ слѣпому прелести красокъ свѣта и цвѣтовъ. Глухой не разскажетъ глухому о чудной гармоніи звуковъ. Евангельскій юноша можетъ быть, имѣлъ въ своей душѣ гораздо больше, чѣмъ имѣете вы. Однако, его мечты разлетѣлись прахомъ отъ мимолетнаго прикосновенія къ нимъ живой, настоящей, невыдуманной и несочиненной дѣйствительности. То же будетъ и съ вами. Вы сможете дать

другимъ лишь только то, что сами сумѣете здѣсь накопить.

Други мои, только что высказанная мною мысль такъ проста и понятна, что едва ли нужно ее еще какъ-либо пояснять и раскрывать. Но, можетъ быть, вы мнѣ не повѣрите въ данномъ случаѣ, такъ какъ я слишкомъ молодъ, и мой авторитетъ можетъ показаться малымъ для васъ. Если такъ, то я могу въ защиту себя привести множество авторитетовъ. Изъ многихъ приведу хотя немногіе.

Вотъ предъ нами Предтеча Христовъ. Свое безпримѣрно великое служеніе людямъ онъ предваряетъ продолжительнымъ суровымъ подвигомъ въ пустынѣ. Вотъ предъ нами Христосъ Спаситель. И этотъ Посланникъ небесъ многіе годы созрѣваетъ въ тиши бѣднаго родительскаго крова для того дѣла, какое пришелъ Онъ совершить на землѣ. А предъ самымъ временемъ выступленія на вышечеловѣческій подвигъ служенія людямъ, мы видимъ Его даже въ пустынѣ, проводящимъ дни и ночи въ великомъ постѣ и глубочайшей молитвѣ. Вотъ предъ нами два единственныхъ въ своемъ родѣ христіанскихъ св. друга—Василій и Григорій. Они живутъ въ самомъ шумномъ языческомъ центрѣ, въ водоворотѣ различныхъ теченій и направленій.

Но несмотря на все это, вотъ что мы знаемъ о нихъ. „Намъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—извѣстны были только двѣ дороги: одна первая и превосходнѣйшая — вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; вторая вела къ наставникамъ внѣшнихъ наукъ; другія же дороги—на праздники, на зрѣлища, на народныя собранія, на пиршества—предоставляли мы желающимъ".

Но, можетъ быть, васъ не удовлетворятъ эти примѣры, потому что они взяты изъ церковной жизни и далекаго прошлаго. Тогда я приведу вамъ примѣры другіе. Ваши взоры, конечно, привлекаютъ къ себѣ иностранныя школы. Съ завистью вы смотрите на вашихъ коллегъ, имѣющихъ возможность получать образованіе среди такихъ чудныхъ условій. Но послушайте, какъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ (Хомяковъ) описываетъ жизнь студентовъ, наприм., англійскихъ университетовъ.

„Въ тихій лѣтній вечеръ, когда садящееся солнце освѣщаетъ румянымъ свѣтомъ всѣ 22 коллегіи стараго Оксфорда съ ихъ готическими стрѣлками и прозрачными аркадами, когда длинныя тѣни старыхъ дубовъ и каштановъ ложатся на зеленыя лужайки и парки, и стада оленей рѣзвятся по освѣщенному

лугу и по тѣнямъ, и сами мелькаютъ какъ тѣни и довѣрчиво прибѣгаютъ къ университетскимъ зданіямъ и келліямъ студентовъ,— тогда, повѣрь мнѣ, Оксфордъ волшебнѣе самой Венеціи. Въ Венеціи роскошь и нѣга: надъ Оксфордомъ носится какая-то строгая и свѣтлая дума. Верхъ дерева шумитъ и качается: въ тишинѣ и безмолвіи растутъ и крѣпнутъ его вѣковые корни. Дисциплина университетская похожа на монастырскую, игры учениковъ имѣютъ еще весь характеръ дѣтскихъ забавъ. Но за то это долгое дѣтство приготовляетъ здоровую и разумную возмужалость. За то изъ строгой тишины монастырской выходятъ тѣ могучіе и смѣлые умы, которые развиваютъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ духовную и вещественную силу Англіи и правятъ ею, сквозь шумъ и бурю торговой и политической жизни. За то Англіи неизвѣстны эти цѣлыя поколѣнія, которыя въ иныхъ земляхъ являются съ такимъ полнымъ безсиліемъ на поприще дѣятельности, какъ мальчишки, безвременно убѣжавшіе изъ родительскаго дома, въ слишкомъ раннихъ галстукахъ и фракахъ, съ слишкомъ модными бадинками въ рукѣ, съ полнымъ незнаніемъ своей земли, съ самодовольной пустотой въ головѣ, съ неспособ-

ностью къ мысли самобытной и съ хвастливой готовностью вѣкъ свой насвистывать чужую пѣсню, воображая, что она сложена ими самими. Рѣдкій англичанинъ спроситъ у васъ, видѣли ли вы Ливерпуль или Бирмингамъ. Но всякій спроситъ, видѣли ли вы Оксфордъ и Кембриджъ".

Не забудьте, что одинъ изъ высокихъ англійскихъ путешественниковъ, бывшій въ нашей Академіи, сравнилъ ее именно съ Оксфордомъ.

Другой нашъ соотечественникъ (Чичеринъ), выдающійся ученый, философъ, апологетъ свободы и правъ личности, горячо преданный молодежи, весьма любимый не только молодежью, но и выдающимися мыслящими людьми до старца-профессора включительно, пишетъ: „Россія нуждается въ людяхъ съ крѣпкими убѣжденіями. Но крѣпкія убѣжденія не пріобрѣтаются на площади. Они добываются серьезнымъ, упорнымъ умственнымъ трудомъ. Направить васъ на этотъ путь, представить вамъ образецъ науки строгой и спокойной, независимой отъ внѣшнихъ партій, стремленій и страстей, науки, способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и пріобрѣтаютъ новый полетъ, таковъ для меня былъ идеалъ пре-

подаванія". Такъ думали и говорили люди различныхъ положеній и направленій. „Наука для науки и есть наука для жизни" (Тимирязевъ). „Образованіе — крупная соціальная сила, это—цѣннѣйшая часть народнаго капитала". „Если не хотите работать, уступите мѣсто другимъ. Зачѣмъ заѣдать народныя средства?" (Ляммене), а я добавлю еще—и церковныя. „Содѣйствовать ускоренію наступленія Царства Божія человѣкъ будетъ только работой надъ собой, гдѣ все въ его власти, и сердиться и упрекать никого не будетъ, кромѣ себя, которому всѣ упреки всегда во благо". „Истинное благо заключается не во внѣшнемъ осуществленіи Царства Божія, которое никогда не осуществится, къ которому человѣчество всегда будетъ приближаться (какъ асимптота къ кривой)—а въ томъ, что жизнь человѣка въ этомъ мірѣ, въ короткій срокъ этой жизни, получаетъ вѣчный, радостный смыслъ" (Толстой). Вспомните древнюю школу Пиѳагорейцевъ. Питомцы этой школы строгостью своей жизни напоминали отчасти монаховъ, а любомудріемъ—выдающихся людей древняго и новаго времени. Вспомните стоиковъ и ихъ практическіе и теоретическіе завѣты о борьбѣ со зломъ. Не говорю о Сократѣ и его ученикахъ. Даже

невѣрующіе философы, писатели, общественные дѣятели держались въ жизни своей этого мудрѣйшаго правила и благодаря этому удивляли всѣхъ многими сторонами своей жизни.

Но довольно...

Итакъ, дорогіе питомцы, поставьте себѣ за правило не терять даромъ ни одной минуты въ Академіи. Трудитесь, работайте постоянно. Если для другихъ время — деньги, то для насъ съ вами оно еще и ступень къ безпредѣльному совершенству въ добрѣ (Мѳ. 5, 48) и тому служенію, къ какому мы готовимся съ вами. Помните, васъ ждетъ молодое подрастающее поколѣніе, ждетъ съ живымъ, горячимъ, умнымъ словомъ. Оно хочетъ, чтобы вы вели его по иному пути, чѣмъ по какому иногда шли сами. Помните, на службѣ учиться некогда да и негдѣ. Вы не встрѣтите нигдѣ такихъ книжныхъ сокровищъ, какъ здѣсь. Нигдѣ не встрѣтите такихъ руководителей, какъ здѣсь. Говорю по личному наблюденію надъ многими. На какомъ градусѣ остановится ваша жизнь здѣсь въ Академіи, съ тѣмъ вы пойдете и въ міръ на службу ему. Вы не скажете міру никакого новаго слова. Мало того, многіе изъ васъ постепенно потеряютъ многое, если не все, и изъ того, что здѣсь пріобрѣли. Съ каждымъ годомъ вашей

самостоятельной жизни Академія будетъ становиться отъ васъ все дальше и дальше. Вы будете въ тоскѣ по ней простирать къ ней свои руки, но напрасно. Она, какъ неуловимый призракъ, будетъ исчезать отъ васъ. Вы будете смотрѣть на нее, какъ смотрятъ люди съ низины на городъ, стоящій на самомъ верху самой высокой горы. Какъ бы вы ни желали, но не подняться вамъ снова на гору. Ваше сердце будетъ наполняться радостью даже при одномъ воспоминаніи объ Академіи. Объ академическихъ годахъ вы будете разсказывать всѣмъ, какъ о золотой порѣ своего существованія, какъ о невозвратномъ, дорогомъ и миломъ прошломъ. Не проживите же безплодно эти четыре академическихъ года.

Господи! призри съ небесе на насъ здѣсь предстоящихъ предъ Тобою. Я вѣрю, что Ты съ нами сейчасъ, видишь и знаешь всѣ наши мысли, думы, чувства, настроенія, немощи. Сотвори, чтобы мое немощное слово не было безплоднымъ, а принесло бы, если не обильный, то хотя какой-либо плодъ. Я буду доволенъ и малымъ. Молюсь Тебѣ, какъ молились Тебѣ древніе св. проповѣдники, возвѣщая міру Твое ученіе. Ты слышалъ ихъ. Услышь и меня, хотя не ради меня, а ради ихъ.

Изъ хроники академической жизни.

1899—1900 годъ.

Конченъ учебный годъ. Опустѣли академическія зданія. Не слышно болѣе оживленнаго говора молодежи на коридорахъ. Не встрѣтишь почти никого въ прекрасномъ академическомъ садикѣ. Торопливо пробѣжитъ по нему кто-либо изъ 5—6 студентовъ, оставшихся на лѣто въ Академіи, и опять никого не видно. Высокіе, зеленые своды, образуемые густо разросшими тѣнистыми, почти столѣтними липами, подъ которыми во время самаго сильнаго зноя царитъ прохлада, остаются безъ посѣтителей. Некому любоваться на прелесть цвѣтовъ богатаго академическаго цвѣтника. Опустѣли аудиторіи. Не видно и не слышно тамъ болѣе служителей науки, которые будили духовныя силы своихъ питомцевъ, влекли ихъ на путь широкаго просвѣщенія, глубокой образованности, освѣжали жизненные идеалы, укрѣпляли неустойчивую волю въ неуклонной борьбѣ со зломъ, указывали свѣтъ и тѣни въ различныхъ явле-

ніяхъ современной жизни — русской и иностранной. Какъ бы ураганъ какой пронесся по храму науки и развѣялъ всѣхъ ея насельниковъ.

Бродя одиноко по академическому садику, невольно живешь дорогими минувшими днями, когда жизнь била ключомъ въ Академіи. Невольно припоминаются въ эти минуты различныя отдѣльныя событія изъ минувшаго года. Перебирая въ своей памяти все, что пережила и совершила Академія въ теченіе истекшаго года, отчетливѣе и лучше представляешь ея труды, успѣхи и недочеты, пріобрѣтенія и лишенія.

Стоя на берегу многоводнаго потока, путникъ видитъ, какъ онъ молчаливо, непрерывной стезей несетъ свои воды вглубь страны, чтобы тамъ орошать луга и поля, давать жизнь всему живому. Академія—такой же могучій, живой, многоводный потокъ. Непрерывной чередой проходятъ чрезъ нее одно поколѣніе за другимъ. Сотни и десятки сотенъ черпаютъ изъ этого живительнаго источника. Вотъ раскрылись ея двери, вышли на дѣланіе до вечера старшіе ея питомцы, разсѣялись или какъ бы разлились по всему обширному отечеству, неся съ собою святые завѣты родной школы. Опустѣло ихъ мѣсто.

Но не надолго. Жизненная волна скоро снова заполнила опустѣвшіе ряды юношества новыми пришельцами, жаждущими свѣта и знанія. Почти изъ всѣхъ уголковъ обширнаго отечества пришли они къ вратамъ Академіи, горячо желая стать ея духовными сынами, желая учиться истинѣ, добру, разрѣшить жгучіе вѣковѣчные вопросы жизни. Но какъ не больно было отказывать этимъ юнымъ силамъ, горячо ищущимъ свѣта и истины, Академія могла принять въ этомъ учебномъ году изъ нихъ только 65 человѣкъ. Въ числѣ поступившихъ на первый курсъ были и пришельцы изъ далекихъ южныхъ странъ, пріѣхавшіе учиться въ странѣ, братской имъ по вѣрѣ, а иногда и по крови. Въ составъ новаго перваго курса поступилъ одинъ изъ Сиріи, трое изъ Греціи, пять человѣкъ изъ Болгаріи. Двое изъ студентовъ иностранцевъ были въ священномъ санѣ іеродіаконовъ. Въ рядахъ юношескихъ были и люди, пожившіе уже и послужившіе обществу. Разумѣемъ двоихъ русскихъ священниковъ, лишившихся подругъ жизни и рѣшившихъ посвятить остатокъ жизни исключительному служенію обществу. Поступилъ одинъ юный іеродіаконъ, принявшій постригъ вскорѣ по окончаніи курса въ семинаріи. Его

думы склонялись къ жизни въ тихой обители, но властное слово мудраго и глубоко-просвѣщеннаго архипастыря заставило его оставить иноческую обитель, чтобы искать высшаго просвѣщенія въ высшей богословской школѣ.

Учебный годъ мы начали молитвой. Чтобы провести большой корабль по бурному житейскому морю, надо много силъ, умѣнья и искусства. Поэтому слова горячей молитвы лились обильно изъ устъ молящихся. Молились о томъ, чтобы силы трудящихся не пропадали даромъ въ безплодныхъ дѣяніяхъ. Преосвященный Ректоръ Академіи (епископъ Арсеній) [1]) обратился къ юношеству съ глубоко назидательнымъ словомъ. Тема этого слова весьма глубока, жизненна и въ педагогическомъ отношеніи чрезвычайно важна. Преосвященный Ректоръ говорилъ „объ образованіи характера, какъ цѣли воспитанія". Въ своей рѣчи Преосвященный ораторъ между прочимъ говорилъ: „Мы больше заботимся объ наученіи, чѣмъ объ осуществленіи познаннаго на дѣлѣ, обращаемъ преимущественное вниманіе на учебную, а не воспитательную сторону, которая имѣетъ для воспитанника большое значеніе, чѣмъ пріобрѣтенныя имъ познанія. Послѣднія, въ крайнемъ случаѣ, при несовершенствѣ

[1]) Нынѣ архіеп. Новгородскій.

ихъ, могутъ быть, такъ или иначе впослѣдствіи восполняемы. Но самый воспитательный строй учебной жизни учащагося, характеръ его занятій, его личное отношеніе къ своимъ занятіямъ и къ обязанностямъ, — все это оставляетъ глубокіе слѣды и направляетъ въ ту или иную сторону всю послѣдующую дѣятельность человѣка на избранномъ имъ поприщѣ. Вотъ почему въ періодъ образованія нужно особенно заботиться о воспитаніи и развитіи въ себѣ той дисциплины ума и воли, тѣхъ нравственныхъ устоевъ, той нравственной силы, которая именуется характеромъ и состоитъ въ строгомъ и всецѣломъ подчиненіи закону Господню и въ сознаніи чувствъ долга и любви къ исполненію возлагаемыхъ на человѣка тѣхъ или иныхъ обязанностей". „Цѣлью воспитанія должно быть своевременное обузданіе, ограниченіе, дисциплинированіе воли, какъ условія выработки и образованія силы духовной, именуемой характеромъ... Сильное чувство—одно не составляетъ еще характера и не означаетъ сильной воли. Воля выработывается лишь самоограниченіемъ. Не тотъ сильный человѣкъ, кто даетъ волю своему чувству, а тотъ, кто подчиняетъ свое чувство себѣ, свои страсти. Посему, кто не научился повиноваться,

тотъ никогда не научится повелѣвать; повиноваться же значитъ ограничивать себя". „Это духовное возрастаніе отъ силы въ силу совершается медленно и требуетъ особеннаго труда и вниманія, и тогда только, при содѣйствіи благодати Божіей, возрастающій постепенно будетъ достигать мужа совершенна, уготованнаго на дѣла благая. Къ прискорбію, большинство не любитъ трудиться надъ собой, молиться и выжидать извѣстнаго періода времени, потребнаго для созрѣванія. Вмѣсто этого они стремятся преждевременно „проявить" себя, показать въ себѣ что-нибудь, или сказать что-нибудь особенное. И дѣйствительно, „проявляютъ" себя: еще не научившись слушаться, хотятъ уже предписывать; не выросши въ силу, принимаются дѣйствовать и распоряжаться; не выработавъ и не укрѣпивъ мысли въ себѣ, говорятъ и проповѣдуютъ о какихъ-то „попранныхъ правахъ". Всѣ стремятся говорить и обличать: кажется, никогда не слышалось столько рѣчей, и не было такъ мало истиннаго дѣла, отъ котораго сами говоруны бѣгаютъ и другихъ насильно отвлекаютъ отъ дѣла, или если и дѣлаютъ дѣло, то съ небреженіемъ, не переставая мечтать и вести праздныя рѣчи о томъ, что нельзя ничего дѣлать, покуда все не перемѣнится".

Вотъ на эту то мысль и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Не нова она, не разъ она высказывалась устно и печатно даже на-дняхъ великими умами, просвѣщенными общественными дѣятелями. Но она чрезвычайно глубока и важна въ педагогическомъ отношеніи. Спаситель, смотря нѣкогда съ высоты Елеона на Іерусалимъ, говорилъ: „о если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему. Но сіе сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ". (Лк. 19, 42). Нѣчто подобное мы наблюдаемъ и въ данномъ случаѣ. Много говорятъ и пишутъ, что одно знаніе, безъ добродѣтели, какими бы размѣрами оно не отличалось, не имѣетъ почти никакого значенія. Но какъ мало внимающихъ нынѣ этимъ простымъ, но великимъ по мысли словамъ. Юношество ищетъ смысла жизни за предѣлами тѣхъ жизненныхъ условій, среди которыхъ оно вращается. Мы ищемъ смысла жизни, порываясь отъ настоящей минуты въ глубь вѣковъ минувшихъ, отрываясь отъ того мѣста, въ которомъ вращаемся, въ надавѣздные міры и необозримую даль временъ, земель и пространствъ. Мы думаемъ, что тамъ въ неизвѣстной для насъ дали и выси царство Божіе. Мы думаемъ, что нашъ міръ находится тамъ—гдѣ-то за

милліарды верстъ. А между тѣмъ царство Божіе внутри насъ самихъ, на всякомъ мѣстѣ, въ каждой душѣ, въ каждомъ возрастѣ. Этотъ міръ, къ которому мы такъ порываемся, отдѣленъ отъ насъ не внѣшними далекими пространствами. Свѣтъ и дыханіе этого міра непосредственно близки намъ. Они обвѣваютъ насъ, наполняютъ каждый уголокъ нашей души во всякомъ мѣстѣ, во всякую минуту, при всякомъ нашемъ добромъ трудѣ и начинаніи. Поэтому искать смысла жизни не значитъ стремиться куда-то въ безпредѣльную даль, проникать въ надзвѣздные міры, въ неизвѣстныя пространства созвѣздій и солнцъ. Мудренѣйшій и вѣковѣчный вопросъ о смыслѣ жизни рѣшается проще. Искать смысла жизни — это значитъ просто войти внутрь того, что находится въ насъ самихъ, въ окружающей насъ жизни людей и природы. Въ нашей душѣ, какова бы она не была, все же есть отблески, просвѣты небеснаго свѣта, небеснаго духа въ видѣ святыхъ, благородныхъ, возвышенныхъ желаній, хорошихъ мыслей и стремленій. Иди туда, къ тому небесному просвѣту, что ты видишь и чувствуешь. Осваивайся съ нимъ, вживайся въ его атмосферу, тки изъ нея свои жизненныя нити. Иди этимъ путемъ и не останав-

ливайся ни на одну минуту. Твои отдѣльныя жизненныя нити неизвѣстнымъ для тебя образомъ, чудно будутъ слагаться въ прекраснѣйшую жизненную ткань. Ты откроешь новые міры, которые доселѣ тебѣ были неизвѣстны; твоя душа отчасти будетъ носительницею того, что не всходило еще на умъ и на сердце человѣка, чего не слышало ухо человѣческое и чего не видѣло ни одно око человѣка.

Христіанская исторія сохранила до нашихъ дней сказаніе о двухъ великихъ св. друзьяхъ Василіи и Григоріи, которые, учась въ языческихъ Аѳинахъ, знали только двѣ дороги— въ храмъ науки и въ храмъ Божій, а прочіе пути предоставляли желающимъ. О если бы эти пути стали путями всего нашего юношества, пока оно находится на школьной скамейкѣ!

1-го октября Академія торжественно праздновала годовщину своего основанія. Въ этотъ день были подведены итоги всей ея годичной дѣятельности. Академія ежегодно пріобщаетъ къ сонму своихъ почетныхъ членовъ людей, стяжавшихъ себѣ извѣстность на поприщѣ науки или потрудившихся на поприщѣ служенія родной Академіи. Въ этомъ году она пріобщила къ числу этихъ из-

бранниковъ: Преосвященнаго Никодима, епископа Далматскаго и Истрійскаго, Ректора Кіевской Академіи Преосвященнаго Димитрія, епископа Чигиринскаго, Ректора Казанской Академіи преосвященнаго Антонія, епископа Чистопольскаго, бывшихъ профессоровъ Московской Академіи П. И. Казанскаго, П. И. Горскаго-Платонова и ординарнаго профессора Московскаго Университета А. П. Лебедева.

5-го октября, въ знаменательный день празднованія памяти святителей Московскихъ—Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, состоялось скромное, но въ высшей степени отрадное торжество освященія академической церковно-приходской Свято-Покровской школы. Устройство школы предпринято по почину Преосвященнаго Ректора Академіи, при дружномъ содѣйствіи членовъ академической корпораціи и бывшихъ воспитанниковъ Академіи. Постройка школы началась въ маѣ, а къ началу октября она уже была совершенно закончена. Школа расчитана на 50 человѣкъ. Несмотря на то, что на нее израсходовано всего только около 4000 рублей, зданіе производило весьма отрадное впечатлѣніе и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Школа должна содержаться на сред-

ства академической корпораціи впредь до образованія особаго фонда, начало которому уже положено. Неприкосновеннаго капитала собрано болѣе 1200 рублей. Но средства эти, конечно, недостаточны для полнаго обезпеченія школы на будущее время и нуждаются въ значительномъ пополненіи. Устроители школы, пополняя фондъ своими жертвами, надѣялись, что на это благое дѣло откликнутся и бывшіе питомцы Академіи. Нѣкоторые изъ нихъ горячо откликнулись на это несомнѣнно благое и святое дѣло.

На скромное торжество освященія академической школы собрались члены профессорской корпораціи, студенты, дѣти, имѣющія обучаться въ школѣ и ихъ родители. Въ помѣщеніи школы былъ отслуженъ молебенъ самимъ Преосвященнымъ Ректоромъ въ сослуженіи моемъ [1]) и прочаго академическаго духовенства. По окончаніи молебна Преосвященный Ректоръ благословилъ новое дѣтище Академіи прекрасной чеканной работы иконой Преп. Сергія и обратился къ присутствующимъ съ словомъ назиданія. Владыка говорилъ между прочимъ: „Скромно настоящее торжество; нѣтъ здѣсь блистательной внѣшней обста-

[1]) Я былъ тогда инспекторомъ Академіи.

новки: но минуты переживаемыя нами, радостно торжественны въ виду того важнаго значенія, которое имѣетъ наша новоустроенная школа. Нѣтъ нужды говорить мнѣ вамъ, просвѣщенные мужи науки и братіе, о значеніи школьнаго образованія; лишнимъ считаю говорить вамъ учителямъ церковно-богословскаго знанія, о важности и значеніи именно церковной школы, какъ школы всецѣло народной, соотвѣтствующей стремленіямъ и воззрѣніямъ нашего православнаго русскаго народа. Скажу только нѣсколько словъ о мѣстномъ значеніи этой школы, именуемой „академическою“ школою. Учрежденіемъ этой школы расширяется просвѣтительная дѣятельность нашей Академіи на пользу нашего богоспасаемаго Посада. Сергіевъ Посадъ, находясь подъ небеснымъ кровомъ Преп. отца нашего Сергія, молитвенника земли русской, обязанъ развитіемъ въ немъ просвѣтительной дѣятельности по преимуществу нашей Академіи, съ тѣхъ поръ какъ она нашла себѣ здѣсь пріютъ. Объ этомъ прежде всего говоритъ то, что во главѣ Посада стояли и стоятъ просвѣщенные члены ея, дѣятельность которыхъ посему направлялась и направляется на развитіе этой именно главной стороны жизни

ввѣренныхъ ихъ попеченію жителей Посада. Благодаря этому всѣ учебныя и благотворительныя учрежденія Посада имѣютъ если не своими основателями, то дѣятельными сотрудниками членовъ нашей школы. А что сказать о просвѣтительной дѣятельности нашихъ питомцевъ, назидающихъ своими бесѣдами въ академическомъ и въ посадскихъ храмахъ стекающихся сюда во множествѣ богомольцевъ... Чувствовался до сихъ поръ только недостатокъ въ такой школѣ, гдѣ бы малые сіи съ самаго ранняго дѣтства были научаемы святымъ истинамъ вѣры и дѣятельности. Ибо никогда не можетъ быть такъ плодоносно сѣяніе слова Божія, какъ тогда, когда оно сѣется въ дѣтскую невинную чистую душу, въ которой оно потомъ глубоко запечатлѣвается на всю жизнь. Академія наша въ стремленіи расширить свою просвѣтительную дѣятельность не могла не видѣть недостатка въ такой школѣ. И вотъ, когда въ Посадѣ еще не было ни одной такой школы, она и рѣшила восполнить этотъ недостатокъ. Такимъ образомъ, школа эта поистинѣ является нашимъ роднымъ дѣтищемъ, нашимъ дорогимъ достояніемъ, которое мы должны хранить и прилагать всѣ заботы къ его пріумноженію“.

Обращаясь къ дѣтямъ, Владыка просилъ ихъ учиться прилежнѣе, молить Бога о дарованіи имъ разума, подобно тому какъ нѣкогда просилъ объ этомъ Бога отрокъ Варѳоломей, впослѣдствіи великій угодникъ земли русской Преп. Сергій.

Законоучителями въ школѣ были студенты-священники, а учителемъ студентъ семинаріи. Бывшимъ на торжествѣ освященія школы пріятно было присутствовать на экзаменѣ и видѣть, какъ юная еще школа успѣшно насаждаетъ свѣтъ и знанія въ дѣтскихъ душахъ, а чрезъ нихъ даетъ его и людямъ взрослымъ, мужамъ, сѣдовласымъ старцамъ. Ясные, разумные, твердые отвѣты школьниковъ въ области элементарныхъ свѣдѣній, въ области первоначальныхъ наукъ невольно наполняли души присутствующихъ чувствами удивленія, радости и надежды на грядущее свѣтлое будущее школы.

Въ слѣдующемъ году юная академическая школа еще болѣе расширила кругъ своей дѣятельности. Я разумѣю учрежденіе при школѣ „воскресной школы для взрослыхъ“. Эта идея назрѣла еще въ этомъ году; ее не удалось осуществить лишь по недостатку времени.

Просвѣтительная дѣятельность Академіи

на пользу Посада далеко не ограничилас устроеніемъ церковно-приходской школы. Го воря объ этой сторонѣ жизни и дѣятельност Академіи, нельзя не упомянуть о внѣбого служебныхъ собесѣдованіяхъ въ академиче скомъ храмѣ, о проповѣдничествѣ студен товъ по приходскимъ храмамъ и о чтеніяхъ съ туманными картинами въ Думѣ.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія велис въ Академіи по всѣмъ воскреснымъ днямъ (за исключеніемъ каникулъ) и многимъ празд ничнымъ. Въ великомъ „служеніи слова" участвовали Преосвященный Ректоръ Акаде міи, Помощникъ Инспектора іеромонахъ Ана стасій, академическое духовенство, свѣтскіе студенты-добровольцы. Недостатка въ усерд ствующихъ не только не было, но чувство вался еще избытокъ духовныхъ силъ. Одно время даже думали открыть внѣбогослужеб ныя чтенія въ другомъ мѣстѣ; и если не открыли ихъ, то по обстоятельствамъ, не отъ Академіи зависящимъ.

Бесѣдамъ обыкновенно предшествовала мо литва. Иногда служили молебенъ съ акаѳи стами и безъ акаѳистовъ, вечерни, пани хиды. Благодаря обилію духовныхъ лицъ въ Академіи, служенія эти всегда были весьма торжественны. Во главѣ академическаго со-

бора всегда были или Преосвященный Ректоръ или я. Особенную прелесть богослуженія, если такъ можно выразиться, составляло общее народное пѣніе. Нельзя было безъ восторга и умиленія смотрѣть на эти массы народныя, едиными устами отъ всего сердца сознательно прославляющія Бога. Особенно трогательно было смотрѣть на дѣтей, принимавшихъ горячее участіе въ пѣніи. Въ общемъ стройномъ хорѣ сливались дѣтскіе и старческіе голоса, мужскіе и женскіе и стройно неслись къ небеснымъ высотамъ. Молящіеся въ это время забывали всѣ свои различія, общественныя перегородки и сливались въ одну неразрывную, тѣсно сплоченную семью. Въ церкви въ это время былъ какъ бы одинъ человѣкъ, а не сотни людей. Въ эти минуты болѣе чѣмъ когда-либо, кажется, можно постигнуть великую мысль Ап. Павла, что всѣ вѣрующіе, несмотря на различіе званія, состоянія, возраста, положенія, составляютъ единое тѣло, возглавляемое единой невидимой Главой—Іисусомъ Христомъ.

Общее пѣніе настолько привилось, что въ теченіе года народнымъ хоромъ исполнялись всѣ церковныя службы. Я не забуду особенно двухъ службъ — это стоянія

Маріи Египетской и похвалы Богородицы. Въ храмѣ, слабо освѣщенномъ свѣтильниками кругомъ священнослужителей тѣсными рядами стоялъ народъ, внимательно прислушиваясь къ покаяннымъ словамъ великаго по мысли и одушевленію канона. Въ отвѣтъ на слова священнослужителя раздавалось тихое, стройное, льющееся изъ глубины души, и невольно трогающее каждаго „помилуй мя, Боже, помилуй мя". Стоя въ этой толпѣ, невольно чувствовалось, что нѣчто великое дѣется въ этихъ сосредоточенныхъ душахъ, что памятенъ надолго для нихъ будетъ этотъ св. вечеръ. Богослуженіе, продолжавшееся болѣе трехъ часовъ, прошло совершенно незамѣтно. Молитвенно настроенныя толпы невольно переносили мысль къ временамъ первохристіанскимъ, когда христіане всѣ вмѣстѣ собирались на продолжительныя богослуженія, мужественно переживали общія несчастія, были близки другъ другу, были братьями другъ для друга. Общее пѣніе—великое средство въ рукахъ пастырей въ дѣлѣ воспитанія паствы въ духѣ св. Церкви, великое средство въ борьбѣ съ сектантствомъ. Вотъ почему въ древности мудрые пастыри Церкви для сохраненія христіанъ отъ увлеченія еретическими уче-

ніями составляли особые православные гимны и давали ихъ народу для пѣнія.

Несмотря на то, что собесѣдованія были назначены въ академическомъ храмѣ сравнительно въ неудобные часы дня, народъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ академическій храмъ. Такъ онъ нуждается въ словѣ назиданія и такъ онъ умѣетъ его цѣнить! Въ теченіе всего года ни на одной бесѣдѣ не было меньше 250 человѣкъ и очень часто бывало болѣе 1000 человѣкъ. Любопытно было наблюдать, какъ народъ шелъ въ академическій храмъ въ обычный молитвенный часъ, несмотря ни на непогоду, ни на большіе холода. Не останавливала посѣтителей и страшная духота и давка, какія почти постоянно бываютъ въ храмѣ благодаря его малопомѣстительности. Видно, что онъ здѣсь почерпалъ для себя нѣчто такое, что давало ему силы жертвовать другими интересами, иногда очень значительными. Приходившимъ на собесѣдованія всегда раздавались или Троицкіе листки или крестики.

Митрополитъ Филаретъ неоднократно говорилъ, что самымъ лучшимъ условіемъ отдыха отъ тяжелыхъ работъ является не бездѣліе, какъ обыкновенно думаютъ, а перемѣна дѣятельности. Прекрасной иллюстра-

ціей этихъ словъ можетъ служить та дѣ
тельность, которой заявили себя питом
Академіи въ дѣлѣ веденія народныхъ чтен
Чтенія организованы были еще въ 1898
1899 году. Одобряемые и воодушевляем
въ своей дѣятельности начальствомъ, ст
денты вели чтенія, показывали картин
при помощи волшебнаго фонаря, участв
вали въ пѣніи гимновъ на чтеніяхъ, з
ботились о размѣщеніи публики, собирающе
ся на чтенія, слѣдили за порядкомъ
время чтеній и т. п. На чтенія при это
являлись не только тѣ студенты, которые в
каждомъ отдѣльномъ случаѣ принимал
непосредственное участіе въ чтеніи, но
многіе другіе. Новизна дѣла, сознаніе пол
зы его влекло ихъ сюда. Очевидно, мног
изъ нихъ приходили сюда для того, чтоб
впослѣдствіи устроить гдѣ-нибудь нѣчто п
добное.

Выписка картинъ изъ Московской Комиссіи Народныхъ чтеній, поправка фонаря, покупка карбида для добыванія газа, необходимаго для демонстрированія картинъ, плата служителямъ за работы въ залѣ чтеній и т. п.,—все это требовало не незначительныхъ затратъ. Не имѣя спеціальныхъ

средствъ для веденія чтеній народныхъ, Московская Академія нашла однако ихъ въ видѣ добровольныхъ пожертвованій, которыя шли отъ академическаго начальства, г.г. профессоровъ, студентовъ Академіи и нѣкоторыхъ интеллигентныхъ жителей Посада. Доброе дѣло не погибаетъ. Не могли погибнуть и народныя чтенія. Какъ только являлась нужда въ деньгахъ, такъ сейчасъ же являлись и деньги. На чтенія всего израсходовано 178 руб. 27 коп.

Не оставляла насъ своимъ вниманіемъ и помощью и Комиссія Народныхъ чтеній. Въ этомъ году въ видѣ исключенія она разрѣшила безплатное пользованіе картинами ея склада, а особымъ отношеніемъ на имя Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 24 апрѣля текущаго года за № 1584 разрѣшила таковое же пользованіе и на слѣдующій 1900—1901 годъ. За такое сочувственное отношеніе къ просьбѣ завѣдывающаго Народными чтеніями въ Посадѣ Московская Академія приноситъ уважаемой Комиссіи глубокую благодарность.

Сначала чтенія происходили въ залѣ Сергіево-посадскаго общественнаго собранія, а затѣмъ были перенесены въ залъ городской Думы. То и другое зало были уступлены

безплатно. Каждое чтеніе состояло изъ трехъ частей. 1) Читалась книжка, присланная Комиссіей и показывались соотвѣтствующія ей картины. 2) Читались стихотворенія, одобренныя Комиссіей для публичнаго чтенія. 3) Пѣлись патріотическаго характера гимны или по постамъ св. пѣснопѣнія. Всѣхъ чтеній за истекшее время было 32. Картинъ было показано 544, количество посѣщеній равняется 8330 человѣкамъ. На каждомъ чтеніи присутствовалъ въ качествѣ Завѣдующаго чтеніями я, за исключеніемъ 2—3 случаевъ, когда моими замѣстителями являлись помощники. Студентовъ, участвовавшихъ въ веденіи чтеній, было 74.

Чтенія пользовались большимъ успѣхомъ среди народа. Не было ни одного чтенія, когда нашъ Думскій залъ могъ бы вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на чтеніи. Вотъ почему съ большою скорбію приходилось постоянно отказывать многимъ въ билетахъ, дающихъ право на входъ на чтенія. Хорошее чтеніе, стройное исполненіе гимновъ и весьма интересныя картины иногда вызывали буквально восторженное настроеніе въ публикѣ. Завѣдующему чтеніями и студентамъ, участникамъ чтеній, неоднократно приходилось

выслушивать сердечныя слова благодарности отъ посѣтителей чтеній. Много успѣху чтеній содѣйствовалъ и профессоръ нашей Академіи Д. Ѳ. Голубинскій, немало потратившій силъ на ознакомленіе студентовъ съ дѣломъ веденія чтеній и самъ дважды выступавшій въ качествѣ лектора.

Сначала шли чтенія о святой землѣ и ея святыняхъ. Извѣстна безъ сомнѣнія всѣмъ та сила стремленія къ Палестинѣ, которая живетъ въ русскомъ народѣ и воспитана въ немъ 9-ю вѣками его христіанской жизни. Затѣмъ шли чтенія изъ исторіи Россіи. Нечего и говорить о томъ, насколько эти чтенія симпатичны нашему народу. Вотъ почему такъ часто приходилось слышать отъ нашихъ посѣтителей: „вѣдь вотъ сегодня праздникъ; не повѣрите ли: въ трактирѣ сидѣлъ бы; да только ужъ говорятъ, что очень-то хорошо на чтеніяхъ; тутъ жена или дѣтишки поразскажутъ, что бываетъ у васъ на чтеніяхъ; подумаешь, подумаешь, не сходитъ ли? да и пойдешь; а разъ пошелъ, значитъ и сталъ вашимъ: и въ другой разъ потянетъ въ Думу“. Другіе говорили: „далеко живемъ отъ Думы, а все идемъ за билетомъ; ужъ очень хорошо у васъ: послушаешь хорошее чтеніе, дурныя мысли бѣжатъ изъ головы“. Третьи

заявляли: „не уходилъ бы отъ васъ; потому наслушавшись хорошаго всякую мерзость забываешь". Лица не имѣющія возможности бывать на чтеніяхъ, неоднократно заявляли, что они испытываютъ особенное удовольствіе, когда члены ихъ семьи, возвратившись изъ залы чтеній, разсказываютъ имъ о томъ, что они видѣли и слышали въ залѣ.

Кстати здѣсь мы намѣрены указать на одно чтеніе, бывшее 17 февраля, и спеціально устроенное для школьниковъ Посадскихъ низшихъ училищъ. Чтеніе было устроено на средства академической корпораціи о. Помощникомъ Инспектора Академіи іеромонахомъ Анастасіемъ подъ завѣдываніемъ меня и при участіи студентовъ. Занимательный разсказъ о Суворовѣ, чтеніе дѣтьми басенъ Крылова въ лицахъ, масса интересныхъ картинъ, стройное пѣніе 4-хъ голоснаго хора, декорація залы, комнатные фейерверки, раздача гостинцевъ каждому изъ маленькихъ посѣтителей,—все это произвело сильное, неизгладимое впечатлѣніе на дѣтей. Отъ восторга дѣти шумно кричали „ура", „спасибо" и т. п.

Дай Богъ, чтобы прекрасное дѣло служенія духовнымъ нуждамъ ближнихъ шло такъ же успѣшно и въ будущемъ, какъ оно шло

тогда. Такое пожеланіе высказывалось въ свое время и нашей столичной — церковной и свѣтской прессой, отмѣтившей успѣхи народно-просвѣтительнаго дѣла, организованнаго при нашей Академіи.

Когда люди достигаютъ хотя въ незначительной степени исполненія своихъ завѣтныхъ желаній, то они оказываются уже недовольными ими. Такъ было и съ нами. „Прекрасное дѣло—народныя чтенія. Но еще лучше было бы оно, думалось намъ, если бы удалось завести общество трезвости, открыть чайную и организовать хотя бы на первыхъ порахъ небольшую библіотечку. Если бы это удалось осуществить намъ, то много бы слезъ мы отерли, много горя бы изгнали изъ семейныхъ очаговъ... Еще шире и глубже потекла бы струя просвѣщенія, внося въ семью и нашъ бытъ новыя животворящія начала. Если бы это суждено намъ когда-нибудь исполнить, то можно было бы двинутся и дальше... Область добродѣланія такъ обширна, что работы достанетъ на всѣхъ на цѣлыя столѣтія". Впослѣдствіи, когда я былъ ректоромъ Академіи, удалось осуществить кое что и изъ этого.

Въ этомъ учебномъ году, какъ и въ прежніе годы, въ стѣнахъ Академіи состоялось нѣсколько магистерскихъ коллоквіумовъ.

28 сентября 1899 года, М. Н. Сменцовскі
помощникъ столоначальника Хозяйственна
Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, защ
щалъ магистерскую диссертацію подъ загл
віемъ „Братья Лихуды“. 1—2 ч. СПБ. 1899 г
Оффиціальными оппонентами были Н. Ѳ. Каптеревъ и Г. А. Воскресенскій. Выступали и неоффиціальные оппоненты. 5 октября И. А. Артоболевскій, преподаватель Виѳанской духовной семинаріи, защищалъ диссертацію „Первое путешествіе Св. Апостола Павла съ проповѣдью Евангелія. Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія“. Серг. Пос. 1900. Оппонентами были М. Д. Муретовъ и П. И. Казанскій. 7 декабря П. Н. Лупповъ, дѣлопроизводитель статистическаго отдѣла Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, защищалъ диссертацію „Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до 19 вѣка“. СПБ. 1899 г. Оппонентами были В. О. Ключевскій и Н. Ѳ. Каптеревъ. 31 марта 1900 г. Н. М. Боголюбовъ, преподаватель Нижегородскаго Епархіальнаго женскаго училища, защищалъ диссертацію „Теизмъ и пантеизмъ. Опытъ выясненія логическаго взаимоотношенія данныхъ системъ“. Оппонентами были А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ. 10 мая Н. Виноградскій, преподаватель Смолен-

ской духовной семинаріи, защищалъ диссертацію „Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія“. Смоленскъ 1899 г. Оппонентами были В. О. Ключевскій и И. М. Громогласовъ.

Такимъ образомъ въ теченіе этого года пять бывшихъ питомцевъ Академіи были пріобщены ареопагомъ ученыхъ къ высокому званію магистра богословія. Нельзя смотрѣть безъ чувства радости на ищущихъ этого высокаго званія. Велика радость магистранта-диспутанта, настойчивые, продолжительные труды котораго увѣнчались успѣхомъ, который увѣнчанъ высокимъ и почетнымъ званіемъ магистра богословія. Но едва ли меньше при этомъ и радость самой Академіи. Академія въ лицѣ своихъ питомцевъ, увѣнчанныхъ высшими учеными степенями, можетъ видѣть, что она не напрасно трудится, что ея серьезное, ученое направленіе не пропадаетъ безслѣдно, не принося никому никакой пользы. Процвѣтаніе богословскихъ и философскихъ наукъ настраиваетъ ея питомцевъ на серьезный, ученый ладъ. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ руководителей, они и сами настраиваются въ одинъ съ ними тонъ, неся съ собою изъ Академіи на жизненное поприще

любовь къ труду, просвѣщенію и глубокой образованности.

Академія въ этомъ году увѣнчала одного изъ своихъ питомцевъ и высшею ученою степенью доктора богословія. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ экстраординарнаго профессора Академіи А. Д. Бѣляева. А. Д. всю свою жизнь посвятилъ наукѣ. Его имя хорошо извѣстно въ богословской литературѣ. Изъ многихъ трудовъ его мы назовемъ хотя нѣкоторые. Вотъ они: 1) О безбожіи и антихристѣ. Т. I. Подготовленіе, признаки и время пришествія антихриста. Серг. Пос. 1898 г. 2) Любовь божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви Божіей. Изд. 2. 3) Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетовъ для религіознаго развитія этихъ группъ народовъ. 4) О соединеніи церквей. 5) Очерки современной умственной жизни. 6) Характеристика археологіи. 7) Значеніе повѣствованія пророка Моисея о сотвореніи человѣка.

Мы перечислили только самыя крупныя сочиненія, написанныя А. Д. Первое изъ нихъ, наприм., имѣетъ 24 главы и болѣе 1034 страницъ. Кромѣ этихъ сочиненій, ав-

торомъ написано немало обширныхъ, дѣльныхъ ученыхъ статей по различнымъ вопросамъ теоретическаго и практическаго характера въ различныхъ богословскихъ журналахъ.

12-го декабря прошлаго года Академія схоронила своего ординарнаго профессора, доктора богословія, Ивана Николаевича Корсунскаго. Въ лицѣ почившаго сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся дѣятелей академической семьи, неутомимый, рѣдкій труженикъ, много поработавшій въ области богословской науки, духовнаго просвѣщенія и христіанской благотворительности. Это былъ человѣкъ прекрасныхъ дарованій, поразительнаго трудолюбія и самоотверженія. Для него не существовало никакихъ препятствій. Все онъ преодолѣвалъ, что бы не встрѣчалъ на своемъ жизненномъ пути. Поэтому весь его жизненный путь ознаменованъ дѣлами, достойными вниманія, удивленія и подражанія. На какомъ бы служебномъ посту не стоялъ И. Н. всюду онъ оставилъ по себѣ добрую память. Будучи смотрителемъ Тульскаго духовнаго училища, онъ зарекомендовалъ себя съ самыхъ лучшихъ сторонъ. Соединяя въ себѣ общительный и мягкій характеръ съ любящимъ сердцемъ, И. Н. какъ

бы самой природой былъ приспособленъ къ тому, чтобы руководить дѣтьми въ непривычной для нихъ школьной обстановкѣ, облегчать для нихъ своимъ ласковымъ обхожденіемъ горькій корень ученія. Въ отношеніи къ ученикамъ онъ былъ скорѣе попечительнымъ отцомъ, старшимъ, занимательнымъ товарищемъ, чѣмъ строгимъ, грознымъ начальникомъ. Педагогическія заботы его были по справедливости оцѣнены и ближайшимъ начальствомъ.

Служеніе И. Н. въ Академіи ознаменовано цѣлымъ длиннымъ рядомъ дѣяній, которыя нескоро будутъ забыты. Когда онъ былъ библіотекаремъ Академіи, имъ составлено 5 выпусковъ систематическаго каталога книгъ Фундаментальной библіотеки. Это былъ подарокъ, цѣнный не только для Академіи, но и для всего ученаго міра. О количествѣ труда, положеннаго И. Н. въ этотъ даръ Академіи можно судить уже по тому одному, что имъ описано было 11,455 названій книгъ, при чемъ нерѣдко подъ однимъ названіемъ значились десятки, а иногда даже и сотни книгъ. Въ изданіяхъ многотомныхъ имъ отмѣчено ихъ содержаніе, къ каждому тому каталога приложенъ образцово составленный указатель. Многолѣтнія и тщательныя заня-

тія по библіотекѣ дали возможность И. Н. имѣть рѣдкое знаніе книжныхъ сокровищъ. Его можно назвать ходячей библіотекой. Онъ зналъ не только то, имѣется ли извѣстное изданіе въ академической библіотекѣ, но и то, въ какомъ отдѣленіи, въ какомъ шкафѣ оно хранится, и охотно дѣлился своими свѣдѣніями съ желающими.

Избранный доцентомъ по каѳедрѣ греческаго языка, И. Н. получилъ возможность еще болѣе служить дѣлу просвѣщенія. Какъ профессоръ, онъ заявилъ себя двумя драгоцѣнными качествами въ этомъ положеніи: прекраснымъ знаніемъ своей науки и примѣрною любовью къ своему дѣлу. Продолжительныя и сосредоточенныя занятія греческимъ языкомъ сдѣлали И. Н. выдающимся знатокомъ его, какіе въ настоящее время встрѣчаются рѣдко. Онъ зналъ греческую рѣчь во всѣхъ ея тонкостяхъ, прекрасно изучилъ какъ древне-греческую классическую литературу, такъ и греческіе памятники христіанской эпохи. „Знаніе греческаго языка настолько хорошо у него, что онъ положительно перестаетъ быть для него мертвымъ языкомъ, а становится живымъ, едва не роднымъ“. Благодаря этому и его лекціи по греческому языку давали слушателямъ обиль-

ное и интересное содержаніе, стоявшее всегда на высотѣ научныхъ требованій. Къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ И. Н. относился весьма строго. Чрезвычайно тщательный, аккуратный во всѣхъ своихъ поступкахъ, онъ старался не только не пропустить лекцію, но даже запоздать на лекцію. Но замѣчательно, что это ригористическое отношеніе къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ отнюдь не ложилось тяжелымъ бременемъ на его слушателей. Въ отношеніи къ студентамъ онъ былъ весьма снисходителенъ. И. Н. цѣнилъ только свободныя усилія учащихся и былъ далекъ отъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, отъ всякаго принужденія. Подобныя мѣры совершенно были не въ его духѣ и претили его мягкой, гуманной, благородной натурѣ. Его кабинетъ былъ ежечасно открытъ для студентовъ. Каждому, входившему туда съ жаждою знанія, онъ готовъ былъ дать всѣ необходимыя свѣдѣнія. Постоянныя сношенія съ студентами въ теченіе всей службы въ Академіи имѣли для нихъ не малое воспитательное и образовательное значеніе. Это хорошо понимали сами студенты и высоко умѣли цѣнить такое отношеніе къ нимъ со стороны своего наставника.

Свободные часы отъ занятій по каѳедрѣ

греческаго языка И. Н. посвящалъ главнымъ образомъ ученымъ и литературнымъ трудамъ. Эти труды составляютъ самую видную, самую богатую сторону его дѣятельности въ теченіе 25-ти лѣтней службы въ Академіи. Въ ней наиболѣе наглядно проявились присущіе ему таланты: обширныя знанія, ученость и рѣдкое трудолюбіе. При изученіи его литературныхъ трудовъ, невольно поражаешься его необыкновенной плодовитостью. И. Н. писалъ много, писалъ постоянно и по различнымъ вопросамъ. Можно сказать, что литературный трудъ составлялъ для него необходимую потребность, безъ которой онъ не могъ чувствовать себя довольнымъ. Перо его не знало устали и одинаково работало какъ надъ ученой диссертаціей, такъ и надъ мелкой замѣткой вызванной событіями дня. Очень часто случалось, что одновременно онъ велъ нѣсколько литературныхъ работъ. Онъ оставилъ послѣ себя такое литературное наслѣдство, которое по своему обилію поразительно. Въ спискѣ его трудовъ, составленномъ однимъ изъ его почитателей, значится болѣе 200 названій отдѣльныхъ его изслѣдованій, книгъ, большихъ статей, при чемъ еще не считаются мелкія замѣтки, библіографическія сообщенія, небольшія корреспонденціи.

Нельзя не отмѣтить еще одной замѣчательной особенности почившаго профессора. „Изучая мертвый языкъ и умершихъ дѣятелей, И. Н. оставался натурой крайне живой, отзывчивой, и не только не прерывалъ сношеній съ окружающимъ его обществомъ, а напротивъ, дорожилъ этими сношеніями и, при всей массѣ собственныхъ занятій, былъ однимъ изъ энергичныхъ членовъ общества. Въ академическомъ кругу онъ является всегда желаннымъ человѣкомъ, искренно раздѣлявшимъ его печали и радости, готовымъ помочь и услужить всѣмъ, что было въ его власти. Необыкновенно сдержанный, скромный, никогда не говорившій о своихъ заслугахъ и очень рѣдко о своихъ трудахъ, онъ безусловно не позволялъ себѣ никакого рѣзкаго, неловкаго слова и со всѣми находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Его домъ и семья собирали у себя всю профессорскую корпорацію, и здѣсь въ свободные часы (у него былъ назначенъ для этого опредѣленный день въ недѣлѣ), самъ хозяинъ, обладавшій превосходнымъ голосомъ, замѣчательный пѣвецъ, искусный чтецъ, и разсказчикъ, являлся душею, оживляющей все общество. И эта общительность, эта готовновть къ услугамъ не ограничивалась тѣсными предѣлами

академическихъ сослуживцевъ. Она простиралась гораздо дальше, къ меньшей братіи, и здѣсь уже выражалась въ формѣ благотворительности. Благотворительность можно сказать составляла такую же существенную стихію жизни И. Н., какъ ученая и литературная дѣятельность. Всѣ, служащіе этой цѣли, учрежденія Сергіева Посада имѣли его своимъ сотрудникомъ, при чемъ обыкновенно случалось такъ, что главная масса работы въ этихъ учрежденіяхъ какъ по самой ихъ организаціи, такъ и по веденію дѣла падала именно на И. Н. И онъ никогда не отказывался отъ этой работы и не тяготился ею“.

Масса труда, принятаго на себя И. Н., требовала отъ него и массы времени. „И онъ умѣлъ дорожить временемъ, какъ никто другой. Онъ выработалъ себѣ своеобразный порядокъ жизни, отъ котораго позволялъ себѣ отступать лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Вставая въ четыре или даже въ три часа утра, онъ тотчасъ же принимался за ученую или литературную работу, за которой и проводилъ все утро. Затѣмъ, начиналась его профессорская или общественная дѣятельность. Онъ шелъ въ Академію на лекціи, въ библіотеку за справками, исполнялъ разныя порученія и обязанности по участію въ бла-

готворительныхъ заведеніяхъ. Вечеромъ, если не предстояло какихъ-либо засѣданій, снова начиналась ученая и литературная работа. Рѣдкій день его нельзя было встрѣтить на улицахъ Посада, спѣшащимъ по какому-либо дѣлу съ портфелемъ въ рукахъ или съ карманами, набитыми бумагами. Въ самой походкѣ, рѣчи, въ манерѣ держать себя было у него что-то порывистое, торопливое, какъ будто бы онъ боялся куда-нибудь опоздать или потерять даромъ одну минуту. Короче, это былъ человѣкъ, который совсѣмъ не зналъ, что значитъ бездѣлье“.

И. Н. отличался и щедрою благотворительностью. Многочисленный бѣдный людъ имѣлъ въ лицѣ его щедраго помощника. Хорошо зная его доброту, всюду осаждалъ его своими различными просьбами. Замѣчательно, самъ И. Н. тщательно скрывалъ эту сторону своей дѣятельности отъ взора постороннихъ. Только послѣ смерти его стало извѣстнымъ, что почти весь свой, довольно обширный, литературный заработокъ онъ раздавалъ нуждающимся жителямъ Посада. Ласковое обхожденіе, сострадательность, полная готовность помочь ближнему сдѣлали его популярнѣйшей личностью среди посадскаго населенія. Въ кружкѣ этихъ лицъ, какъ и среди профес-

соровъ и студентовъ, онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „добрѣйшаго“.

Не удивительно поэтому, что вѣсть о кончинѣ такого человѣка повсюду была принята съ глубокимъ сожалѣніемъ. Въ академическомъ храмѣ, какъ только оказалось возможнымъ собрать всѣхъ служащихъ, тотчасъ была совершена торжественная панихида Преосвященнымъ Ректоромъ въ сослуженіи всего академическаго духовенства. Отслужены были панихиды и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ покойный былъ сотрудникомъ или имѣлъ почитателей. На гробъ почившаго были возложены вѣнки отъ сослуживцевъ, студентовъ, членовъ Братства и проч. Почившій былъ окруженъ такою любовію, какая выпадаетъ на долю весьма немногихъ. Трогательно, торжественно было перенесеніе покойнаго изъ его дома въ академическій храмъ. Всюду массы народа. Среди вечерняго мрака, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства въ бѣлыхъ ризахъ, при заунывномъ звонѣ колоколовъ, это печальное шествіе, освѣщаемое факелами, представляло собой величественную картину, производившую на всѣхъ сильное впечатлѣніе. На пути процессія останавливалась нѣсколько разъ для совершенія панихидъ. Въ академическомъ храмѣ гробъ

почившаго былъ встрѣченъ краснорѣчивымъ словомъ профессора Н. А. Заозерскаго, послѣ котораго началось заупокойное всенощное бдѣніе. Заупокойная литургія и погребеніе отличались необыкновенною торжественностью. Множество священнослужителей, богомольцевъ, обиліе рѣчей, которыя лились изъ глубины сердца, горячо любящаго покойнаго,—все это производило неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ. Говорилъ Преосвященный Ректоръ, говорили профессора, студенты, поминали добрымъ словомъ частные люди. Говорили по русски, говорили по гречески, какъ бы желая усладить греческой рѣчью слухъ покойнаго. Его шествіе изъ академическаго храма до мѣста временнаго упокоенія было какъ бы тріумфальнымъ шествіемъ. Въ это время процессія приняла еще болѣе торжественный видъ, чѣмъ какой она имѣла наканунѣ. Во главѣ ея парами шло почти все духовенство, участвовавшее въ погребеніи, блистая своими свѣтлыми облаченіями. Провожалъ покойнаго до самой могилы Преосвященный Ректоръ Академіи. За гробомъ двигалась масса народа. Къ массѣ народа, шедшаго изъ Академіи, присоединились по пути новыя толпы. Стояли люди на перекресткахъ, поджидая процессію и присоеди-

няясь къ ней. Унылый перезвонъ лаврскихъ колоколовъ не умолкалъ почти до тѣхъ поръ, пока процессія не достигла кладбища. Лишь въ 5-мъ часу вечера вернулись съ погребенія родственники и сослуживцы И. Н. на поминальную трапезу [1]).

Преосвященный Ректоръ въ своей рѣчи при гробѣ покойнаго говорилъ:

„Къ благодаренію Бога приглашаетъ Церковь всѣхъ сѣтующихъ при каждомъ гробѣ вмѣстѣ съ послѣднимъ цѣлованіемъ, — къ благодаренію за окончаніе земного странствія, по бурному морю житейскихъ попеченій, и за начало новой жизни, въ которую вступаетъ умершій... Здѣсь при этомъ гробѣ я смѣло отъ имени Церкви призываю васъ, братіе, къ благодаренію Бога за Его милости, явленныя къ усопшему брату нашему, за пройденный имъ путь. Путь этотъ воистину спасительный и служитъ залогомъ того блаженнаго пути, на который теперь вступила душа почившаго. Вся жизнь его, протекшая предъ нами, является самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ сказаннаго“. Сдѣлав-

---

[1]) Болѣе подобную характеристику покойнаго можно найти въ брошюрѣ: „Памяти профессора И. Н. Корсунскаго“ (1—56 стр.), изъ которой мы заимствовали нѣкоторые данные.

ши подробную характеристику почившаго, Преосвященный ораторъ говорилъ: „Послѣ этого еще разъ вопрошаю: только ли мѣсто скорби у гроба сего? Не всякій ли изъ насъ пожелаетъ себѣ такой многоплодной жизни, а главное—такой христіанской кончины? Поистинѣ угодна Господу душа его, почему и взялся онъ отъ среды лукавствія въ мѣсто вѣчнаго упокоенія".

И дѣйствительно, Академія можетъ только радоваться, что Провидѣніе послало ей такого рѣдкаго человѣка. Да живетъ же въ Академіи память о немъ многіе годы. Пусть его свѣтлый образъ живетъ въ сердцахъ его сослуживцевъ, преемниковъ, студентовъ. Счастливы тѣ люди, которые хотя что-нибудь успѣли почерпнуть изъ этой богатой духовной сокровищницы.

Каѳедра покойнаго И. Н. къ концу учебнаго года была уже замѣщена. И. Н. не задолго до своей смерти въ качествѣ преемника себѣ указалъ бывшаго профессорскаго стипендіата, преподователя Минской духовной семинаріи, Е. А. Воронцова [1]). Желаніе покойнаго тѣмъ охотнѣе было исполнено Совѣтомъ, что намѣченный имъ преемникъ обладалъ всѣми необходи-

[1]) Нынѣ экстраординарный профессоръ, священникъ.

мыми качествами для занятія профессорской каѳедры. Совѣтъ Академіи возлагалъ немалыя надежды на своего избранника. Каѳедра греческаго языка въ Московской Академіи должна процвѣтать, если такъ можно выразиться, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой Академіи. Трудясь неослабно надъ переводомъ святоотеческихъ греческихъ твореній, Академія нуждается въ такомъ соработникѣ, который являлся бы хорошимъ помощникомъ своимъ сослуживцамъ, трудящимся надъ переводомъ этихъ твореній. Богатыя лингвистическія познанія новоизбраннаго, его усердіе и трудолюбіе давали полную возможность полагать, что Совѣтъ Академіи не ошибся, совершивъ это избраніе.

На послѣднемъ майскомъ Совѣтѣ былъ допущенъ до пробныхъ лекцій другой профессорскій стипендіатъ И. С. Петровыхъ [1]). По выслушаніи пробныхъ лекцій, Совѣтъ Академіи нашелъ возможнымъ оставить И. С. при Академіи въ качествѣ профессора, и онъ занялъ каѳедру Библейской Исторіи. На избираемаго новаго профессора Академія

---

[1]) Нынѣ епископъ Ростовскій Іосифъ, викарій Ярославской епархіи.

также возлагала немалыя надежды. При отличныхъ дарованіяхъ, усердіи, прекрасной настроенности, авторъ нѣсколько лѣтъ спеціально работалъ въ области Библейской Исторіи. Тотчасъ по окончаніи курса въ Академіи, онъ путешествовалъ на Востокъ въ Палестину, гдѣ изучалъ различные вещественные памятники, необходимые ему при его ученыхъ работахъ. Все это давало право надѣяться, что его ученые труды будутъ не безплодны и что Академія будетъ имѣть въ лицѣ его виднаго и серьезнаго работника.

Нельзя не отмѣтить съ глубокою благодарностью щедраго дара Высокопреосвященнаго Митрополита Владиміра, даннаго имъ Академіи. Академія давно трудится надъ переводомъ святоотеческихъ твореній произведеній греческихъ писателей. Ни одна Академія не перевела столько твореній греческихъ писателей, какъ Московская. Много ею сдѣлано въ этомъ отношеніи, но это многое мало въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ еще ей сдѣлать. Занимаясь переводомъ святоотеческихъ твореній, она не задавалась какими-либо особенными практическими соображеніями. Она избирала для перевода творенія не только тѣхъ св. отцовъ,

имена которыхъ извѣстны повсюду, начиная отъ простой крестьянской хижины и кончая высшей школой, но и тѣхъ, о которыхъ многіе даже изъ образованныхъ людей мало знаютъ. Она поступала въ послѣднемъ случаѣ вполнѣ безкорыстно. Ученые интересы заставляли ее поступать такъ. Принимая во вниманіе съ одной стороны широкую издательскую дѣятельность Академіи, съ другой, малоизвѣстность и малораспространенность нѣкоторыхъ, переведенныхъ ею твореній, Академія давно начала ощущать недостатокъ средствъ на веденіе великаго дѣла изданія святоотеческихъ трудовъ. Это обстоятельство и вынудило Академію обратиться къ Высокопреосвященному Митрополиту съ просьбой о помощи. Владыка Митрополитъ, внявъ просьбѣ Академіи, отпустилъ изъ средствъ Перервинскаго монастыря на дѣло святоотеческихъ твореній 3000 рублей. Теперь Академія имѣетъ возможность не только продолжать, но и расширить еще это великое дѣло изданія твореній св. отцовъ и учителей церкви. Грустно становится на душѣ, когда видишь, что чуждый намъ Западъ давно перевелъ на свой языкъ, великія творенія греческихъ христіанскихъ писателей, а мы, сродненные съ Востокомъ и Византіей

единствомъ вѣры, до сихъ поръ еще так далеки отъ этого. До сихъ поръ еще в очень многихъ случаяхъ, работая въ област Византологіи и патрологіи, мы принужден обращаться къ западнымъ сочиненіямъ.

Невольно при этомъ просится на бумаг слѣдующая мысь. Какъ часто газеты приносятъ намъ извѣстія о громадныхъ жертвахъ десятковъ и даже сотенъ тысячъ на Университеты и другія учебныя заведенія. Всюду жертвуютъ; только наши Академіи почти всегда при этомъ остаются за бортомъ. Они какъ бы не нуждаются ни въ какихъ вспомоществованіяхъ. А между тѣмъ это далеко не такъ. Университеты нуждаются въ клиникахъ, Академія въ музеяхъ, въ увеличеніи библіотекъ. Университы нуждаются въ новыхъ каѳедрахъ, Академіи не меньше въ нихъ нуждаются. Университеты нуждаются въ средствахъ на различныя ученыя изданія, Академіи также. Жертвы на эти нужды Академіи такъ же важны въ гражданскомъ отношеніи, какъ онѣ важны и для другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. А въ отношеніи къ высшей цѣли бытія ихъ можно назвать даже святыми. Эти жертвы въ духовномъ отношеніи должны быть не менѣе цѣнны, чѣмъ жертвы на храмъ. Храмъ, со-

зданный трудами и заботами жертвователя, будетъ многіе годы назидать и научать христіанина; и твореніе св. отца, переведенное на родную рѣчь, ставшее доступнымъ для пониманія всякаго, будетъ своего рода храмомъ духовнымъ, вносящимъ миръ и отраду, свѣтъ и истину въ сердца христіанъ. Искренно жаль поэтому, что вниманіе жертвователей такъ мало обращено на эту сторону великаго дѣла. Жаль, что и бывшіе питомцы Академіи не всегда и не всѣ содѣйствуютъ своей родной духовной матери въ дѣлѣ пріумноженія ея духовныхъ сокровищъ и широкаго вліянія на общество. Будемъ надѣяться, что эти времена скоро пройдутъ.

Московская Академія въ этомъ году была въ исключительно счастливыхъ условіяхъ въ отношеніи только что высказанныхъ пожеланій. Г. Косташъ, бывшій питомецъ Академіи, пожертвовалъ въ Академію свое имѣніе въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Имѣніе находится на черноморскомъ берегу, рядомъ съ городомъ Туапсе. Въ немъ 30 десятинъ земли съ лѣсомъ, большими виноградниками, фруктовымъ садомъ, лугами, тремя домиками и полнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Даръ очень цѣнный. Если перевести его на деньги, то онъ будетъ стоить не ме-

нѣе 20000 рублей. Академія съ глубокой благодарностью приняла этотъ даръ. И я не знаю, что для нея цѣннѣе: даръ ли самый или то вниманіе, какое оказано жертвователемъ Академіи. Если гдѣ, то въ высшемъ учебномъ заведеніи отсутствуютъ всякіе коммерческіе, меркантильные интересы. Не гешефтомъ будетъ заниматься высшая школа, а служеніемъ высшей правдѣ и гуманности. Этотъ даръ будетъ вѣчнымъ, неотъемлемымъ достояніемъ Академіи. Сколько благодарности, благодарности искренней, сердечной, глубокой и святой услышитъ жертвователь въ теченіе многихъ десятилѣтій отъ признательнаго юношества, которое въ трудныя минуты своей жизни будетъ пользоваться плодами этого богатаго дара. Вѣчная память покойному. Да будетъ благословенна его благая мысль всегда.

Во внутренней жизни Академіи этого года нельзя не отмѣтить одного новаго и весьма любопытнаго явленія. Я разумѣю занятіе студентовъ переводомъ полезныхъ иностранныхъ сочиненій на русскій языкъ. Студенты работали въ данномъ случаѣ съ разрѣшенія начальства Академіи, подъ руководствомъ тѣхъ профессоровъ, къ специальности которыхъ имѣетъ ближайшее отношеніе переводимая

книга. Въ этомъ учебномъ году вышелъ первый подобный студенческій трудъ. Студентами переведено сочиненіе „Элементы психологіи Жоржа Фонсегрива, профессора психологіи въ лицеѣ Бюффона въ Парижѣ“. Сочиненіе это пользуется извѣстностью на Западѣ. Тамъ оно появилось уже третьимъ изданіемъ. Переведенное сочиненіе несомнѣнно имѣетъ важное значеніе и для русской литературы. У насъ до сихъ поръ очень мало элементарныхъ учебниковъ психологіи, хорошо приспособленныхъ для ознакомленія учащихся съ основными данными этой науки. Научный по содержанію, литературный по формѣ, написанный сжато, систематично, учебникъ удовлетворяетъ многимъ изъ тѣхъ требованій, какія предъявляются къ подобнаго рода произведеніямъ. Проф. Фонсегривъ въ своемъ трудѣ даетъ ясный очеркъ всѣхъ главныхъ психологическихъ фактовъ и теорій въ связи съ тѣми философскими проблемами, которыя возникаютъ на ихъ почвѣ, старается примирить традиціи стараго французскаго спиритуализма съ выводами новѣйшей французской и англійской эмпирической психологіи. Въ переводѣ принимали участіе слѣдующіе студенты 54, 55, 56 курсовъ: П. И. Бугославскій, о. Сильвестръ, Ѳ. С.

Владимірскій, С. А. Гапоновъ, В. Н. Голубевъ, Г. І. Доррерь, Д. Г. Коноваловъ, Н. И. Луневскій, А. П. Малининъ, І. И. Поповъ, Г. А. Старовѣровъ, В. А. Ѳеодоровскій, А. В. Червинскій, С. И. Чистосердовъ. Хлопоты по организаціи перевода и пріисканію средствъ для изданія книги принялъ на себя В. А. Харламовъ. Наблюденіе за печатаніемъ книги взяли на себя А. П. Малининъ, В. К. Старынкевичъ, Н. Г. Высоцкій. Средства на изданіе даны были В. А. Хлудовымъ и В. Н. Львовымъ. Редактировалъ переводъ проф. П. П. Соколовъ. На долю послѣдняго выпало немало труда. Ему приходилось не только по мѣстамъ исправлять переводъ студентовъ, но исправлять и самый текстъ книги [1]).

Деньги, вырученныя отъ продажи этого изданія, назначаются на пополненіе книгами студенческой библіотеки. Книжка издана чрезвычайно изящно, цѣна назначена небольшая (1 р. 25 к.), цѣль изданія симпатична. Книга получила самое широкое распространеніе.

Давно непополняемые ряды студентовъ-ино-

---

[1]) Подробнѣе о книжкѣ см. Предисловіе къ означенному сочиненію.

ковъ въ этомъ году пополнились двумя питомцами 2-го курса Академіи С. Зерновымъ и Д. Баженовымъ. Оба, рѣшившіе вступить на иноческій путь жизни, были пострижены въ Геѳсиманскомъ скиту. Первый былъ постриженъ Преосвященнымъ Ректоромъ и названъ Евгеніемъ, а второй мною и названъ Алексіемъ. На томъ и другомъ постриженіи присутствовало немало товарищей постригаемыхъ. Были здѣсь и совсѣмъ постороннія лица. Трогательный обрядъ постриженія, совершенный вдали отъ міра, среди суровой обстановки скитянъ, произвелъ на всѣхъ глубокое, неотразимое впечатлѣніе. Многіе изъ присутствовавшихъ не могли при этомъ даже удержаться отъ слезъ. По постриженіи каждому были вручены иконы съ приличнымъ словомъ назиданія. Преосвященный Ректоръ говорилъ о трудности иноческой жизни, различныхъ искушеніяхъ и испытаніяхъ, о средствахъ мужественно переносить ихъ. Я раскрывалъ мысль о необходимости ученому иноку слить свои жизненные идеалы съ идеалами лучшихъ простецовъ-иноковъ, забыть мечту объ отчужденіи себя отъ монастыря. Каждый ученый инокъ, живя въ мірѣ, долженъ помнить, что онъ посланъ въ міръ изъ монастыря, лишь только какъ бы на послушаніе

и поэтому долженъ быть всегда готовымъ возвратиться въ тихую обитель къ святому дѣланію.

Нѣкоторыми членами академической корпораціи совершено нѣсколько поѣздокъ за границу. На страстной и пасхальной недѣлѣ въ Римъ путешествовалъ ординарный профессоръ В. А. Соколовъ. На Востокъ въ Палестину лѣтомъ отправились Преосвященный Ректоръ Академіи, ординарный профессоръ Н. Ѳ. Каптеревъ, экстраординарный профессоръ В. Н. Мышцынъ, помощникъ Инспектора Академіи іеромонахъ Анастасій и 11 человѣкъ студентовъ. Въ Парижъ на ученый конгрессъ по Исторіи религій командированъ экстраординарный профессоръ С. С. Глаголевъ. Нельзя не привѣтствовать этихъ благихъ начинаній перестать бояться далекихъ странъ. Въ виду громаднаго всесторонняго значенія путешествій—и религіознаго, и образовательнаго нельзя не пожелать, чтобы они все болѣе и болѣе увеличивались. Путешествія даютъ возможность не только ознакомиться съ различными странами, но и стать съ ними въ ближайшія, живыя отношенія. Какъ важно, наприм., намъ завязать живыя, близкія сношенія съ восточными церквами! Какъ многаго можно ожидать отъ этого сближенія и еди-

ненія! Православный Востокъ тогда представлялъ бы собою единую великую живую силу, съ которой было бы трудно бороться всякимъ самымъ злокозненнымъ и коварнымъ врагамъ.

Вѣрная завѣтамъ своихъ славныхъ покойныхъ ректоровъ, профессоровъ, Академія неутомимо работала на поприщѣ просвѣщенія въ теченіе всего этого года. Свое историческое знамя она держала высоко. Вѣрно храня завѣты старины, она успѣла въ теченіе года еще и пріумножить данные ей таланты. Заканчивая учебный годъ мы вдохновлялись самыми горячими пожеланіями родной Академіи: да будетъ же этотъ путь ея духовнаго роста—ея неотъемлемымъ, вѣчнымъ путемъ; да пріумножаетъ она свои таланты и впредь; славное имя Московской Академіи да будетъ славнымъ и въ грядущіе дни, годы и столѣтія!

1900 годъ.

1900 годъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ единственнымъ въ исторіи Академіи. Въ ряду выдающихся событій, имѣвшихъ мѣсто въ Академіи въ этомъ году, особенно замѣчательными нужно назвать путешествія, предпринятыя лѣтомъ профессорами и студентами Академіи въ различныя страны съ различными цѣлями—религіозными, религіозно-учеными, учеными исключительно. Въ ряду этихъ путешествій несомнѣнно первое мѣсто занимаетъ *паломничество въ св. землю, страну земного подвига и страданія Христа Спасителя.* Во главѣ паломническаго каравана стоялъ самъ Преосвященный Ректоръ Академіи, Епископъ Арсеній [1]). Въ этомъ именитомъ паломническомъ кружкѣ находились и два профессора Академіи. Вмѣстѣ съ Преосвященнымъ ѣхали на востокъ ординарный

[1]) Нынѣ архіепископъ Новгородскій.

профессоръ, докторъ богословія, Н. Ѳ. Каптеревъ [1]), много потрудившійся въ дѣлѣ ученаго выясненія церковныхъ сношеній востока съ Россіей, и экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ Ветхаго Завѣта В. Н. Мышцынъ [2]), путешествовавшій на востокъ спеціально съ учеными задачами. Кромѣ того ѣхали на востокъ помощникъ инспектора іером. Анастасій [3]), 10 человѣкъ студентовъ, нѣкоторые изъ Лаврской братіи и нѣсколько человѣкъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи. Трудно было удачнѣе подобрать составъ паломниковъ. Тутъ были, кажется, представители всѣхъ положеній: владыка и послушникъ, докторъ богословія и докторъ медицины, монахъ и священникъ, миссіонеръ и немиссіонеръ, просвѣщенные люди и люди простые, некнижные, чтецы и пѣвцы. Ѣхавшіе могли понимать рѣчь и отчасти даже объясняться болѣе, чѣмъ на десяти различныхъ языкахъ. Путешественники имѣли свой фотографическій аппаратъ, при помощи котораго могли снимать все выдающееся и интересное, что

---

1) Нынѣ заслуженный профессоръ (въ отставкѣ) и почетный членъ Академіи, членъ Государственной Думы.

2) Нынѣ профессоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея.

3) Нынѣ епископъ Холмскій.

встрѣчали на своемъ пути. Словомъ, все въ этомъ паломническомъ кружкѣ было устроено такъ, что путешествіе должно было оказаться исключительно благопріятнымъ. Приведемъ нѣсколько страницъ изъ этого любопытнаго путешествія.

5-го іюня въ 4 часа вечера, на прекрасномъ пароходѣ „Николай II-ой" необычные русскіе паломники прибыли въ Константинополь. Паломники пробыли въ Константинополѣ четыре дня, знакомясь здѣсь съ археологическими памятниками и достопримѣчательностями Турецкой имперіи. Осмотръ Константинополя начали, конечно, съ св. Софіи, въ стѣнахъ которой оставались болѣе часа, любуясь чудной постройкой Юстиніана. Въ тотъ же день паломники осмотрѣли: Атъ-Мейданъ — конное ристалище, занимающее мѣсто ипподрома Византіи, среди котораго возвышается обелискъ Ѳеодосія, змѣиная колонна и пирамида — колоссъ, полуразрушенную мечеть, бывшій монастырь св. Ѳеодора Студита, старинныя стѣны Константинополя, монастырь Балукли съ его красивою церковью и жизнетворнымъ источникомъ, въ которомъ плаваютъ чудесныя, по греческому преданію, рыбки, осмотрѣли мечеть Кахріэ-Джами — древній монастырь Кора, построенный полторы ты-

ги лѣтъ тому назадъ. Изъ Кахріэ-Джами
ломники направились въ Фанаръ, грече-
й кварталъ города, гдѣ осмотрѣли оста-
съ стѣны бывшей церкви въ честь Вла-
рнской Божіей Матери и представлялись
нстантинопольскому патріарху, его блажен-
ву Константину V-му. Патріархъ принялъ
сскихъ паломниковъ чрезвычайно радушно
торжественно: угостилъ, по восточному
ычаю, водою съ вареньемъ, кофе, пожелалъ
пѣха въ путешествіи, говорилъ объ отно-
еніи къ русской церкви, жалѣлъ, что об-
оятельства не позволяютъ ему лично самому
обывать въ Россіи. Въ слѣдующіе дни
ребыванія въ Константинополѣ паломники
здили на островъ Халки, гдѣ осмотрѣли,
одъ руководствомъ ректора о. Апостола,
ѣстное богословское училище и посѣтили
ывшаго патріарха іерусалимскаго Никодима.
атѣмъ ѣздили по Босфору на пароходѣ въ
уюкъ-Дэре, гдѣ гуляли въ роскошномъ
аркѣ, принадлежащемъ русскому посольству
ъ Константинополѣ, осмотрѣли „музей древ-
остей“, „залу сокровищъ“ безестейну,—зна-
енитый Константинопольскій базаръ и нѣ-
колько еще выдающихся мечетей. По пригла-
шенію помощника настоятеля посольской
церкви о. Сергія, осмотрѣли русскую боль-

ницу и школу при ней для обученія греко[в]
русскому языку, основанную въ 1892 год[у].
Въ пятницу паломники присутствовали [при]
выѣздѣ султана въ мечеть, на селамлик[ъ],
откуда поѣхали въ монастырь вертящих[ся]
дервишей и присутствовали на их богослу[-]
женіи. Осмотрѣли русскій археологическ[ій]
музей, недавно основанный въ Константино[-]
полѣ. Всюду паломники встрѣчали радушіе,
гостепріимство и почтеніе.

11-го іюня, въ четыре часа вечера, Преосвящ.
Арсеній со своими спутниками на пароходѣ
„Нахимовъ" прибылъ на св. гору Аѳонскую.
Владыка остановился въ Пантелеимоновскомъ
монастырѣ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ
игуменомъ Андреемъ со всею братіею мона-
стыря и нашелъ чрезвычайно радушный
пріемъ. Аѳонскіе иноки встрѣтили Владыку
и его спутниковъ не только какъ палом-
никовъ, которыхъ они всегда встрѣчаютъ
братски-радушно, но какъ дорогихъ земля-
ковъ, принесшихъ имъ вѣсть изъ далекой
родины. Паломники пробыли на Аѳонѣ пять
дней, осматривая достопримѣчательности св.
горы Аѳонской. Путешественники взбирались
на мулахъ на вершину св. горы, гдѣ въ
церкви преображенія, недавно выстроенной
патріархомъ Іоакимомъ III-мъ, помощникъ

инспектора Академіи іеромонахъ Анастасій, при пѣніи хора студентовъ, совершилъ божественную литургію. Изъ греческихъ монастырей паломники побывали въ Лаврѣ св. Аѳанасія, Ватопедѣ, Иверѣ, Пантократорѣ. Паломниковъ всюду встрѣчали съ большимъ радушіемъ, вниманіемъ и гостепріимствомъ. Изъ русскихъ монастырей, кромѣ Пантелеимоновскаго, посѣтили скиты: Ильинскій и Андреевскій, келліи св. Георгія и св. Артемія. Изъ болгарскихъ монастырей посѣтили Зографъ. Конечно, паломники посѣтили и Карею, и церковь Протата. Свои путешествія по скитамъ и монастырямъ совершали верхомъ на мулахъ, которые быстро ходятъ, несмотря на то, что имъ приходится итти по узкимъ тропинкамъ, подниматься часто въ крутую гору съ довольно приличнымъ по вѣсу сѣдокомъ. 14 іюня путешественники представлялись бывшему вселенскому патріарху Іоакиму III-му, уже 12 лѣтъ жившему на Аѳонѣ въ своемъ собственномъ небольшомъ домѣ, на берегу моря. 15-го числа Преосвящ. Арсеній, въ присутствіи бывшаго вселенскаго патріарха Іоакима III-го, русскаго посла въ Турціи д. с. с. Зиновьева совершилъ закладку новаго храма во имя св. пророка Иліи въ Ильинскомъ скиту, а 16-го числа

паломники не теряли даромъ ни одной минуты, вслѣдствіе чего успѣли подробно ознакомиться какъ со всѣми святынями города, такъ и со святынями его окрестностей. Ѣздили въ сопровожденіи о. архимандрита Александра въ Іерихонъ, на Іорданъ, Мертвое море, въ Виѳлеемъ, Бетъ-Джалу, къ дубу Мамврійскому, въ Горняя. Подъ дубомъ преосвящ. Арсеній, въ сослуженіи всего сопровождавшаго его духовенства, совершилъ всенощное бдѣніе и божественную литургію, на берегу Іордана и въ Горнемъ служилъ молебенъ. Съ разрѣшенія іерусалимскаго патріарха Даміана, преосвящ. Арсеній со своими спутниками совершилъ всенощное бдѣніе и литургію и въ храмѣ Воскресенія, при чемъ всѣ сопровождавшія его лица исповѣдывались и причащались св. тайнъ. Въ Іерусалимѣ паломники особенно подробно осмотрѣли храмъ Воскресенія, всѣ придѣлы его, ризницу, древнія вещи, хранящіяся въ ризницѣ. Кромѣ самаго храма Воскресенія паломники подробно осмотрѣли въ Іерусалимѣ Геѳсиманію, Елеонскую гору, мечеть Омара, Эль-Акса, модели древней ветхозавѣтной скиніи и Соломонова храма въ мастерской г-на Шика. Осмотрѣли всѣ русскія постройки, присутствовали на плачѣ евреевъ у стѣны древняго города, на

выпускномъ экзаменѣ въ греческомъ богословскомъ училищѣ, что помѣщается въ Крестномъ монастырѣ (Ставросѣ).

Изъ Іерусалима паломники отправились въ Назаретъ. Одна половина паломниковъ вмѣстѣ съ Преосвящен. Арсеніемъ совершила 150-ти верстный путь верхомъ на ослахъ чрезъ Наблусъ и Самарянскія горы, другая, боявшаяся трудностей такого продолжительнаго путешествія на необычныхъ животныхъ въ экипажахъ черезъ Рамлю и Кайфу. Ѣхавшіе на экипажахъ прибыли къ мѣсту назначенія 5-го вечеромъ, а ѣхавшіе на ослахъ окончили свой трудный переѣздъ 6-го утромъ. Назаретскій Владыка митрополитъ Фотій оказалъ большое вниманіе русскимъ паломникамъ при посѣщеніи ими святынь Галилеи и Назарета. Митрополитъ Фотій привѣтствовалъ преосвящ. Арсенія у священнаго колодца Благовѣщенія прекрасною рѣчью и отслужилъ молебенъ для русскихъ паломниковъ на славянскомъ языкѣ. Русскій и греческій архіереи потомъ обмѣнялись нѣсколькими между собою визитами.

Утро 7-го числа іюля было посвящено осмотру р.-католическаго монастыря и грекоуніатской церкви. Вечеромъ верхомъ на лошадяхъ и осликахъ паломники отправились

на Ѳаворскую гору. На вершинѣ горы въ храмѣ Преображенія паломники опять были встрѣчены привѣтствіемъ митрополита Фотія, полнымъ благопожеланія и горячаго воодушевленія. Съ большимъ восторгомъ путники здѣсь пропѣли молебенъ Преображенію. Осмотрѣвши греческій храмъ, его древнее основаніе и вдоволь налюбовавшись панорамой видовъ, открывавшихся съ вершины горы, паломники проелѣдовали въ сосѣдній съ греческимъ р.-католическій монастырь. Во время осмотра знаменитыхъ развалинъ храма, строеннаго св. Еленой и потомъ крестоносцами, паломниковъ сопровождалъ патеръ Варнава, давая имъ самыя обстоятельныя и любезныя объясненія. Переночевавши въ монастырскихъ покояхъ, при утренней прохладѣ, паломники отбыли съ Ѳавора на Тиверіадское озеро и къ полдню уже спускались къ Тиверіадскому монастырю на самый берегъ озера. Здѣсь любовались также чудными видами, купались, пользовались гостепріимствомъ добрыхъ людей. На пути въ Назаретъ паломники заѣхали въ Кану Галилейскую, гдѣ молились въ благоустроенномъ новомъ храмѣ, построенномъ на средства русскихъ благотворителей. Въ воскресеніе въ назаретскомъ храмѣ Благовѣщенія, по благословенію митрополита Фотія,

Преосвящ. Арсеніемъ была совершена литургія. Пѣли студенты. Храмъ былъ переполненъ мѣстными богомольцами, изъ которыхъ вѣроятно никто и никогда еще не видалъ русскаго архіерейскаго богослуженія.

10 іюля паломники простились съ Назаретомъ. Теперь уже всѣ ѣхали въ экипажахъ, останавливались на ночлегъ въ Кайфѣ и Замаринской еврейской колоніи. Въ Кайфѣ нѣкоторые изъ спутниковъ всходили на гору Кармилъ и посѣтили находящійся тамъ р.-католическій монастырь св. пророка Иліи. 12 іюля путешественники прибыли въ Яффу и въ ожиданіи парохода отдыхали въ апельсинныхъ садахъ русской миссіи, подъ кровомъ и попеченіемъ начальника миссіи. 16-го числа послѣ литургіи и напутственнаго молебна въ прекрасномъ яффскомъ храмѣ русскіе паломники простились съ св. землей и отбыли на свою далекую родину. Въ 2 часа пароходъ снялся съ якоря и берега св. земли начали постепенно убѣгать отъ взоровъ паломниковъ и наконецъ совсѣмъ скрылись изъ вида.

Паломники всюду были щедро награждаемы различными мѣстными произведеніями и дарами, а нѣкоторые изъ нихъ получили и большее. Н. Ѳ. Каптеревъ изъ рукъ іеруса-

лимскаго патріарха удостоился получить золотой крестъ съ частію древа св. креста Господня, знакъ святогробскаго братства, и такимъ образомъ причисленъ къ почетнымъ членамъ этого братства. Преосвящен. Арсенію, при проѣздѣ паломниковъ чрезъ Константинополь, старшій драгоманъ русскаго посольства въ Констинополѣ г. Максимовъ вручилъ знаки ордена Меджидіе I-й степени, жалованные ему султаномъ турецкимъ „въ знакъ покровительства православной религіи“.

27 іюля паломники вступили на родную землю и вознесли горячее благодареніе Господу за благополучное возвращеніе въ храмѣ одесскаго аѳонскаго подворья.

Впослѣдствіи было издано самое подробное описаніе путешествія въ Іерусалимъ подъ заглавіемъ: „Въ странѣ священныхъ воспоминаній“. Разсказы о болѣе замѣчательныхъ городахъ, мѣстностяхъ, памятникахъ богато иллюстрированы оригинальными снимками, сдѣланными самими путешественниками. Путешественники въ данномъ случаѣ старались снять все болѣе выдающееся и интересное. Благодаря фотографическому аппарату они имѣли возможность снять такіе предметы, какіе еще никѣмъ не были снимаемы, и освѣтить ихъ съ такой стороны, съ какой ихъ

еще никто не освѣщалъ. Снимки, сдѣланные самими путешественниками, а незаимствованные ими изъ различныхъ источниковъ, неподобранные искусственно оживляютъ описаніе и придаютъ ему особый интересъ. Не говоримъ объ ученой сторонѣ изданія. Оно также снабжено учеными справками и такимъ образомъ, занимаетъ видное мѣсто и съ этой стороны въ ряду сочиненій, посвященныхъ изученію св. земли и ея многочисленныхъ святынь. Во время путешествія по востоку Преосвящ. Арсеній пріобрѣлъ интересную пергаминную рукопись, содержащую въ себѣ планъ скиніи, и привезъ ее съ собой. Рукопись пожертвована имъ библіотекѣ Академіи. Экстраординарный профессоръ В. Н. Мышцынъ во время своего пребыванія на востокѣ, по порученію Оберъ-Прокурора Св. Синода, разобралъ и описалъ библіотеку и древнехранилище извѣстнаго покойнаго начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ о. архимандрита Антонина.

Таковы были вѣсти съ востока. Но этотъ годъ долженъ былъ принести намъ и нѣкоторыя вѣсти съ запада. Два профессора Академіи С. С. Глаголевъ и П. П. Соколовъ путешествовали нынѣшнимъ лѣтомъ на западъ въ Парижъ на ученые конгрессы.

П. П. Соколовъ принималъ участіе въ *четвертомъ международномъ психологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ*. На общемъ заключительномъ собраніи этого конгресса сдѣлалъ ученый докладъ подъ заглавіемъ „L'individuation colorée“, въ которомъ описалъ на основаніи своихъ наблюденій новую группу явленій синэстезіи,—„окрашиваніе“ человѣческихъ индивидуальностей, и далъ этимъ явленіямъ психологическое объясненіе. Докладъ вызвалъ большой интересъ и былъ напечатанъ въ январской книжкѣ журнала „Revue philosophique“, а его резюме появилось въ отчетахъ конгресса. Конгрессъ происходилъ 20—25 августа по новому стилю, подъ общимъ предсѣдательствомъ Рибо. Онъ былъ очень многолюденъ и, несмотря на отсутствіе нѣкоторыхъ крупныхъ именъ, весьма интересенъ. Присутствовали представители всѣхъ цивилизованныхъ націй, кончая Японіей. Былъ даже одинъ индусъ въ своемъ національномъ костюмѣ. Главную массу членовъ конгресса, конечно, составляли хозяева—французы. Затѣмъ, было очень много нѣмцевъ, которые играли въ занятіяхъ конгресса довольно видную роль, немало американцевъ и итальянцевъ и мало англичанъ. Русскихъ было человѣкъ 15, въ большинствѣ

случаевъ профессора и доценты университетовъ. Изъ духовныхъ Академій были кромѣ П. П. Соколова, Петроградскій профессоръ В. С. Серебренниковъ и студентъ Московской Академіи г. Знаменскій [1]). Мѣстомъ засѣданій служилъ такъ называемый „Дворецъ конгрессовъ“ (Palais des Congrès), построенный на территоріи выставки, на берегу Сены, противъ знаменитой „rue des Nations“. Для докладовъ и рефератовъ было допущено четыре языка: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій. Занятія конгресса были раздѣлены на семь секцій подъ слѣдующими названіями: 1) Психологія въ связи съ анатоміей и физіологіей; 2) Интроспективная психологія въ связи съ философіей; 3) Экспериментальная психологія и психофизика; 4) Патологическая психологія; 5) Психологія гипнотизма и внушенія и связанные съ ними вопросы; 6) Психологія общественная и уголовная и 7) Зоопсихологія, сравнительная психологія, антропологія и этнологія. По утрамъ, отъ 9 до 12 часовъ, происходили въ разныхъ залахъ „Дворца конгрессовъ“

---

1) Бывшій потомъ доцентомъ Академіи, нынѣ же вышедшій изъ нея вслѣдствіе закрытія занимаемой имъ каѳедры латинскаго языка.

одновременныя засѣданія секцій, а послѣ завтрака, отъ $2^1/_2$ до 5 часовъ, устраивались въ большой залѣ общія собранія, на которыя сходились всѣ конгрессисты. Докладовъ было заявлено болѣе 150 и изъ нихъ болѣе 100 было прочитано. Такое обиліе докладовъ дало конгрессу очень многосторонній и оживленный характеръ, но оно имѣло и свои неудобства. По недостатку времени референтамъ давалось не болѣе 20 минутъ и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, каковой и выпалъ на долю П. П. Соколова,—полчаса, а на пренія было удѣлено только 15 минутъ. Вслѣдствіе этого большинство докладовъ читалось въ сокращеніи, и пренія были весьма неполны. Программа конгресса была составлена очень широко и отличалась научной свободой и терпимостью. Были приглашены люди всѣхъ направленій, представители всѣхъ научныхъ взглядовъ. Этимъ именно нужно объяснить любопытную особенность Парижскаго конгресса,—присутствіе на немъ довольно многочисленныхъ католическихъ патеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали даже доклады и притомъ весьма солидные. Особенно выдавался докладъ аббата Армана Тьери, профессора экспериментальной психологіи и директора психологической лабора-

торіи въ Лувенскомъ университетѣ въ Бельгіи: „Экспериментальныя изслѣдованія о высотѣ и мелодіи разговорной рѣчи“. Другою особеностью конгресса было присутствіе на немъ множества спиритовъ, которое, къ сожалѣнію, подало поводъ къ печальному инциденту. Ихъ появленіе было понято многими какъ вторженіе невѣжества и шарлатанства въ область науки и вызвало со стороны нѣкоторыхъ членовъ открытый и рѣзкій протестъ. Этотъ инцидентъ осложнился еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Незадолго до конгресса въ Парижѣ возникъ проектъ грандіознаго и по своей идеѣ въ высшей степени симпатичнаго учрежденія. Кружокъ ученыхъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ богатыхъ диллетантовъ и меценатовъ, среди которыхъ было и немало русскихъ, задумалъ создать во французской столицѣ международный психологическій институтъ подъ названіемъ „L'institut psichique“, который долженъ былъ бы служить для психологовъ всѣхъ странъ такимъ же объединяющимъ центромъ, какъ наприм. Пастеровскій институтъ для медиковъ. Предполагалось устроить при этомъ институтѣ обширную психологическую лабораторію со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, имѣть ауди-

торіи для публичныхъ лекцій, издавать собственный журналъ, образовать фондъ для изданій и субсидій изслѣдователямъ, нуждающимся въ средствахъ, и т. п. Между прочимъ Психологическій институтъ ставилъ одною изъ своихъ задачъ научное изслѣдованіе явленій умственнаго внушенія, телепатіи, ясновидѣнія и медіумизма. Когда проектъ этого института былъ представленъ на обсужденіе конгресса, онъ вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ крайне рѣзкія и даже запальчивыя возраженія. Было заявлено, что учрежденіе съ подобными задачами и съ подобнымъ двусмысленнымъ названіемъ будетъ не научнымъ центромъ, а притономъ шарлатанства и профанаціей науки. Вслѣдствіе этихъ нападокъ наиболѣе видные члены Психологическаго института, какъ, напр., Рибо, Рише, Пьеръ Жанэ, должны были выйти изъ его состава, а относительно будущихъ конгрессовъ было рѣшено спиритовъ больше на нихъ не пускать. Это происшествіе, временно нарушившее мирный ходъ занятій конгресса, нужно считать прискорбнымъ недоразумѣніемъ. На спиритизмъ, конечно, можно смотрѣть различно. Можно вполнѣ отвергать даваемое имъ объясненіе явленій. Можно рѣшительно осуждать его, какъ методъ. Но его

нужно признать какъ проблему, нуждающуюся въ научномъ изслѣдованіи. Вооружившись противъ задачъ Психологическаго института и изгнавъ спиритовъ, Парижскій конгрессъ измѣнилъ своимъ широкимъ научнымъ принципамъ.

Изъ русскихъ кромѣ П. П. Соколова, здѣсь читали доклады академикъ Тархановъ „объ иллюзіяхъ и галлюцинаціяхъ у лягушекъ", профессоръ Юрьевскаго университета В. Ѳ. Чижъ „О боли", и приватъ-доцентъ Петербургскаго университета А. П. Нечаевъ „Къ вопросу о развитіи памяти учащихся дѣтей". Въ честь членовъ конгресса былъ организованъ рядъ пріемовъ и празднествъ. Между прочимъ для нихъ устроилъ Soirée принцъ Роландъ Бонапартъ въ своемъ роскошномъ дворцѣ на Avenue d'Jena. Кромѣ того конгрессисты получили рядъ приглашеній для осмотра различныхъ санаторій, психіатрическихъ клиникъ и психологическихъ лабораторій. Конгрессъ закончился банкетомъ въ русскомъ ресторанѣ на Эйфелевой башнѣ.

Слѣдующій конгрессъ назначенъ былъ въ Римѣ въ 1904 году.

Экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ Основнаго богословія С. С. Глаголевъ былъ въ томъ же Парижѣ *на конгрессѣ по исторіи*

религій, который происходилъ съ 21-го по 26 августа (3—8 сентября). Мѣстомъ засѣданій конгресса—вступительнаго и заключительнаго—былъ „Дворецъ конгрессовъ" на всемірной выставкѣ. Для всѣхъ прочихъ засѣданій—по секціямъ и общимъ—были отданы аудиторіи и амфитеатры Сорбонны. Конгрессъ имѣлъ своею задачею исключительно научное изслѣдованіе религій и безусловно исключалъ изъ предметовъ своего обсужденія конфессіональные взгляды. Но несмотря на это, конгрессъ имѣлъ конфессіональную окраску, которая была сообщена ему его учредителями и многими докладчиками. Онъ былъ протестантскимъ съ сильнымъ раціоналистическимъ оттѣнкомъ. Однако, въ публикѣ раціоналистическія тенденціи не встрѣтили сочувствія. Напротивъ, положительныя религіозныя утвержденія встрѣчаемы были одушевленнымъ одобреніемъ.

Почетными президентами конгресса были избраны М. Мюллеръ, нынѣ умершій, и Тиле. Президентомъ конгресса былъ Альбертъ Ревиль. Занятія конгресса происходили по секціямъ. Всѣхъ было 8 секцій: 1) о религіи некультурныхъ народовъ, 2) религіи крайняго востока, 3) Египта, 4) семитическихъ народовъ, 5) Индіи и Ирана, 6) Греціи и

Рима, 7) германцевъ, кельтовъ и славянъ, 8) исторіи христіанства.

Наибольшее число докладовъ было и самыя оживленныя пренія происходили въ секціи по исторіи христіанства. Президентомъ секціи былъ А. Сабатье, вицепрезидентами Смирновъ, настоятель русской церкви въ Парижѣ, и экстраординарный профессоръ Московской Академіи С. С. Глаголевъ. Нѣсколько вопросовъ было посвящено объ ученіи Христа. Было предложено нѣсколько раціоналистическихъ рефератовъ. Раввинъ Клейнъ выводилъ ученіе Христа изъ ессенизма, пасторъ Фризъ утверждалъ, что Христосъ не училъ о воскресеніи и не воскресалъ, пасторъ Пипенбрингъ утверждалъ, что Нагорная проповѣдь и все ученіе Христа имѣло эсхатологическій характеръ. Всѣ эти рефераты были совершенно сокрушены возраженіями такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ Оппертъ, Берже и др. Изъ рефератовъ по исторіи первыхъ вѣковъ былъ докладъ Ж. Ревиля о „пастырѣ" Ермы. Ж. Ревиль настаивалъ, что въ первой половинѣ II-го вѣка римская церковь имѣла, такъ сказать, конституціонное устройство: ею управлялъ епископъ съ общиною пресвитеровъ, но епископъ не былъ полновластнымъ монархомъ.

Тезисъ Ревиля поддержалъ Фай (Faye). Были доклады о греческихъ апологетахъ II-го вѣка, о животныхъ жертвахъ въ христіанской церкви, о вліяніи аверроизма на западное христіанство. Интересенъ былъ докладъ аббата Дени о вліяніи философіи Канта и Гегеля на библейскую критику. Съ точки зрѣнія Дени Кантъ и Гегель содѣйствовали развитію научнаго обоснованія существенныхъ положеній религіи о свободѣ воли, о чудѣ.

Въ общихъ собраніяхъ особенно интересны были слѣдующіе доклады: Сабатье—о библейской критикѣ и ея могущественномъ вліяніи на развитіе исторіи религіи, Ж. Ревиля—о современномъ состояніи исторіи религій, Фурнье де Флe—о религіозной статистикѣ. Всѣ дебаты на конгрессѣ членами конгресса, число которыхъ простиралось до 300, велись мирно и дружественно. Но думается, не въ этихъ рефератахъ и спорахъ заключалось главное значеніе конгресса. Онъ былъ полезенъ каждому изслѣдователю религій тѣмъ, что всякій могъ свои взгляды и мнѣнія по тѣмъ или другимъ вопросамъ провѣрять въ бесѣдахъ со спеціалистами. Такія частныя бесѣды могли быть въ высшей степени полезными. Въ нихъ излагались предположенія, доводы, еще не вполнѣ

установленные, которые собесѣдникъ или подтверждалъ или порою сокрушалъ раньше, чѣмъ они окончательно сформировались.

Конгрессъ закончился дружественнымъ и оживленнымъ банкетомъ на Эйфелевой башнѣ. Слѣдующій конгрессъ было рѣшено устроить черезъ 4 года въ Женевѣ.

Можетъ быть, придетъ время, когда и Россія увидитъ членовъ конгресса у себя. Нельзя не пожелать отъ души русскимъ ученымъ, чтобы они дружнѣе работали на этомъ великомъ поприщѣ ученой разработки религіозныхъ вопросовъ. Вопросы религіи — вѣдь не праздные вопросы, а вопросы жизни и смерти. Можетъ быть придетъ время, когда и мы будемъ имѣть спеціальные собственные журналы, посвященные разработкѣ данныхъ различныхъ религій, данныхъ религіознаго сознанія людей востока и запада, жившихъ когда-то народовъ и поколѣній. Тогда болѣе сознательною для каждаго станетъ религіозная великая истина.

Съ 10-го августа въ Академію начали отовсюду снова прибывать студенты различныхъ семинарій, желая поступить въ высшую духовную школу, чтобы пополнить пробѣлы въ своемъ семинарскомъ образованіи. Одинъ изъ нихъ пріѣхалъ, изъ Благовѣ-

щенска, были изъ Иркутска и Томска. Сред юной молодежи были двое священниковъ Они также стучались въ двери ученаго свя тилища, желая войти во внутренняя его и быть обвѣянными тихимъ его свѣтомъ. Въ текущемъ учебномъ году пріѣхало держать экзамены 67 человѣкъ, изъ которыхъ было принято въ Академію 50 человѣкъ. Въ составъ новаго курса между прочимъ поступили два вольнослушателя, изъ которыхъ одинъ съ высшимъ образованіемъ, а другой занималъ весьма солидный постъ до поступленія въ Академію. Передадимъ общія впечатлѣнія, какія вынесли экзаменаторы, производившіе письменныя и устныя пріемныя испытанія въ этомъ учебномъ году.

Студенты-семинаристы писали три сочиненія. По исторіи и разбору западныхъ исповѣданій экзаменовавшіеся писали на тему: *Что вы знаете и думаете о папѣ Львѣ XIII-мъ?* Тема была предложена съ тою цѣлію, чтобы помимо обычнаго испытанія общаго уровня развитія экзаменующихся и твердости ихъ познанія въ предѣлахъ семинарской программы, узнать—насколько питомцы духовной школы, готовящіеся быть пастырями и дать отвѣтъ о своемъ упованіи всякому вопрошающему (I Петр. 3, 15), инте-

ресуются жизнію современнаго запада и употребляютъ ли хотя часть своего досуга на ознакомленіе съ какими-либо духовными журналами и вѣдомостями. Нельзя сказать, чтобы результаты произведенной пробы были особенно блестящими, но удовлетворительными, думается, ихъ признать можно. Изъ 62 экзаменовавшихся только двое встрѣтили данную имъ тему съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Одинъ изъ нихъ началъ съ заявленія, что „для знакомства съ текущими событіями въ жизни западной церкви“ у него „не было подходящихъ и доступныхъ источниковъ“, „такъ какъ въ семинарской библіотекѣ настоящихъ и текущихъ изданій не имѣется“ и тоже „отсутствіе источниковъ ограничивало“ у него будто бы „и въ каникулярное время стремленія иногда зарождавшагося къ этому предмету интереса“. Другой ссылался на то, что, по происхожденію, онъ не изъ духовнаго сословія, а потому, будто бы, „не имѣлъ возможности пользоваться церковными вѣдомостями. За все время пребыванія въ семинаріи ему не пришлось ознакомиться съ ними. Всѣ же остальные питомцы семинарій, очевидно, считали предъявленное къ нимъ темою требованіе вполнѣ естественнымъ и потому добросо-

вѣстно старались, припомнивъ все когда-либо и гдѣ-либо ими читанное или слышанное о современномъ имъ папѣ, составить изъ всего этого матеріала нѣчто цѣльное.

По существу дѣла о данномъ предметѣ воспитанники семинарій, какъ оказалось, имѣютъ довольно удовлетворительное представленіе. Большинству ихъ, за немногими исключеніями, извѣстны не только крупнѣйшіе, но иногда и мелкіе факты изъ жизни папы Льва XIII. Нѣкоторымъ изъ нихъ при этомъ удалось даже представить довольно ясную и правильную характеристику какъ личности и дѣятельности этого папы, такъ и отношеній его къ событіямъ предшествовавшаго времени. Лучшія сочиненія представлены воспитанниками семинарій: Тверской, Ярославской, Курской, Владимірской, Подольской, Витебской, двоими Московской и двоими Тамбовской (5—, $4^1/_2$, 4+, 4), а наименѣе удовлетворительныя, Пензенской, Донской, Саратовской, Симбирской, Благовѣщенской, Костромской, Архангельской, Тамбовской и Тульской ($2^1/_2$, 2+, 2).

По нравственному богословію для экзаменующихся была предложена слѣдующая тема: *То обстоятельство, что Евангеліе обѣщаетъ блаженство за исполненіе нравственнаго*

закона и угрожаетъ мученіями за его нарушеніе, не даетъ ли права думать, что христіанство полагаетъ въ основу нравственнаго поведенія евдемоническія побужденія? Въ общемъ сочиненія на эту тему написаны посредственно. Въ ряду представленныхъ сочиненій не было почти ни одного, которое бы оставило вопросъ безъ отвѣта, но съ другой стороны, и очень мало было такихъ, которыя давали бы вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ. Большая часть писавшихъ предлагала очень поверхностное рѣшеніе вопроса, которое неизмѣнно сводилось къ тому, что, хотя дѣйствительно награды и наказанія указываются въ Евангеліи въ качествѣ побужденій къ нравственной жизни, но эти побужденія являются только второстепенными. Лишь немногіе изъ писавшихъ сдѣлали попытки представить ученіе о наградахъ и наказаніяхъ въ качествѣ необходимаго элемента морали, связаннаго съ самымъ ея существомъ и нисколько непротиворѣчащаго ея чистотѣ и безкорыстію. Но и изъ этихъ студентовъ не одинъ не далъ отвѣта, проведеннаго съ строгою послѣдовательностью и безукоризненно аргументированнаго. Поэтому комиссія не нашла возможнымъ ни одно сочиненіе отмѣтить высшимъ балломъ. Са-

мый высокій баллъ, поставленный ею $4^1/_2$ принадлежитъ студенту Иркутской семинаріи, затѣмъ одно сочиненіе (Яросл. присл.) отмѣчено балломъ 4+, четыре сочиненія— балломъ 4 и семь сочиненій—балломъ 4—. Изъ прочихъ сочиненій шестнадцать имѣютъ баллы отъ 3 до $3^1/_2$, остальныя отъ 3— до 2—.

По философіи экзаменующіеся писали на слѣдующую тему: *Истолкованіе и оцѣнка положенія Гегеля: что разумно, то дѣйствительно, и что дѣйствительно, то разумно.* Изъ поданныхъ сочиненій комиссіей два сочиненія признаны отлично хорошими и отмѣчены балломъ 5. Сочиненія эти принадлежатъ студентамъ, присланнымъ изъ Ярославской и Новгородской семинарій. Три сочиненія (Тульск. присл., Пензенской и Московской волонт.) признаны отличными и отмѣчены балломъ 5—. Пять сочиненій (Пензенск., Тамбовск., Орловск. присл. и Кишиневск., Таврическ. волонтер.) признаны весьма хорошими и отмѣчены балломъ $4^1/_2$. Четыре сочиненія (Владимірск., Витебск. присл. и Ярославск., Вологодск. волонт.) признаны очень хорошими и отмѣчены балломъ 4+. Двѣнадцать сочиненій (Холмск., Смоленск., Воронеж, присл. и Астраханск., Тверской,

Литовск., Московск., Виѳанск., Курск., Владимірск. волонт.) отмѣчены балломъ 4. Десять сочиненій (Московск., Виѳанск., Подольск., Тверской присл. и Тамбовск., Курск., Московск., Виѳанск., Подольск., волонт.) отмѣчены балломъ 4—. Четыре сочиненія (Московск., Саратовск., Волынск., Тверск. . волонт.) балломъ $3^1/_2$. Четыре сочиненія (Иркутск. присл. и Московск., Тульск. волонт.) балломъ 3+. Девять сочиненій (Томск. присл. и Донск., Симбирск., Костромск., Московск., Архангельск., Ярославск., Вологодск., Вятск. волонт.) балломъ 3. Два сочиненія (Тамбовск., Владимірск. волонт.) балломъ 3— и три сочиненія балломъ 2+ (Минск., Ярославск., Московск. волонт.). Въ общемъ сочиненія присланныхъ лучше, чѣмъ волонтеровъ. Первые имѣютъ въ среднемъ выводѣ немного болѣе 4 (4. 118), а послѣдніе немного болѣе $3^1/_2$ (3, 576). Впрочемъ для какихъ-либо сужденій о сравнительномъ достоинствѣ умственнаго развитія и учебной подготовки, даваемыхъ въ разныхъ семинаріяхъ, указанные данные не представляютъ достаточныхъ основаній, потому что изъ большинства семинарій (20) явилось только по одному представителю и лишь изъ 11 семинарій—въ нѣсколько большемъ количествѣ.

При этомъ необходимо имѣть въ виду и т
что однѣ и тѣ же семинаріи нерѣдко да
ютъ и самыхъ лучшихъ писателей, и ху
шихъ. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ м
имѣемъ дѣло съ индивидуальными особе
ностями экзаменующихся воспитанниковъ,
не съ тѣмъ или инымъ достоинствомъ об
щей постановки преподаванія.

По окончаніи устныхъ испытаній студенты подвергались устнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ. Для повѣрочнаго испытанія по *Св.* Писанію Новаго Завѣта весь священный текстъ былъ, примѣнительно къ семинарской программѣ, раздѣленъ на билеты, съ глухимъ обозначеніемъ на нихъ или только общаго содержанія извѣстнаго отдѣла или же начальныхъ словъ отдѣла. Каждый экзаменовавшійся долженъ былъ найти указанный глухо билетомъ текстъ въ Библіи, истолковать славянскій текстъ и отвѣчать на другіе вопросы, большею частію по нахожденію и толкованію параллельныхъ славянскихъ словъ наприм.: котва, камыкъ, споды, лѣхи и проч. Спрашивали и изъ всей семинарской программы. Несмотря на такую строгость повѣрочнаго испытанія, всѣ экзаменовавшіеся дали болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты. Только одинъ студентъ семинаріи не

нашелъ текстъ, помѣченный на доставшемся ему билетѣ, но онъ легко нашелъ другой текстъ и обнаружилъ удовлетворительныя общія познанія по Новому Завѣту. За двумя тремя исключеніями, всѣ экзаменовавшіеся давали правильное толкованіе пословнаго текста и вѣрно объясняли новозавѣтныя событія. Общее же знакомство съ предметомъ, возмѣщавшее тѣ или другіе частные недостатки отвѣтовъ, обнаружили въ достаточной степени всѣ безъ исключенія экзаменовавшіеся, такъ что такого неудовлетворительнаго отвѣта, въ строгомъ смыслѣ этого слова, который бы показывалъ полную неподготовленность экзаменовавшагося къ слушанію академическихъ курсовъ, не было дано ни одного. Это однако не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы отвѣты вообще были безъ недостатковъ. Общій и главный изъ нихъ, заслуживающій указанія особаго, какъ и за всѣ прошлые годы, состоялъ въ слабомъ знаніи какъ подлиннаго греческаго Новозавѣтнаго текста, такъ и греческой грамматики, безъ чего, конечно, невозможенъ научный и вполнѣ сознательный экзегесъ. Изъ отвѣтовъ экзаменовавшихся съ несомнѣнной очевидностью выяснилось, что отвѣты присланныхъ были значительно лучше отвѣтовъ волонтеровъ. Изъ

присланныхъ только одинъ получилъ балл 3, а изъ прочихъ никто не имѣетъ мен 4—. Средній баллъ 18 присланныхъ семин ристовъ равняется $4^{1}/_{6}$, тогда какъ средн баллъ 43 волонтеровъ равняется $3^{1}/_{4}$. Н значеніе и этого вывода ослабляется гораз большимъ количествомъ волонтеровъ сравн тельно съ присланными. Средняя удовлетв рительность всѣхъ отвѣтовъ выражается бал ломъ $3^{1}/_{2}$, а сравнительная степень удовле творительности каждаго отвѣта помѣчена баллами 5 (Московск., Тамбовск. присл.) 5— (Московск., Архангельск. волонт.), $4^{1}/_{2}$ (Тверск., Холмск., Ярославск., Владимірск., Виѳанск., Орловск. присл. и Московск., волонт.), 4+ (Смоленск. присл., и Московск., Вятск. волонт.), 4 (Тульск., Подолск., Пензенск., Иркутск. присл. и Владимірск., Курск. волонт.), 4— (Витебск., Воронежск., Тамбовск., Новгородск. присл. и Симбирск., Курск., Московск., Кишиневск., Виѳанск., Подольск. волонт.), $3^{1}/_{2}$ (Тамбовск., Московск., Волынск., Владимірск., Минск. волонт.), 3+ (Таврическ., Тверск., Курск. волонт.), 3 (Благовѣщенск. присл.), 3— (Астраханск., Костромск., Ярославск., Литовск., Московск., Тверск., Тамбовск. волонт.), $2^{1}/_{2}$ (Донск., Тверск., Тульск., Кишиневск., Вологодск. волонт.), 2+ Московск., Виѳанск.,

Ярославск. волонт.), 2 — (Ярославск. волонт.).

Изъ студентовъ, подвергавшихся испытаніямъ по общей и русской церковной исторіи, отличные и весьма хорошіе отвѣты (5, 5—) дали 17 человѣкъ, очень хорошіе ($4^1/_2$ 4+, 4, 4—)—22 человѣка, удовлетворительные (3+, 3, 3—)—13 человѣкъ, слабые (3—, 2+)—7 человѣкъ, и неудовлетворительные (2—)—2 человѣка. Лучшіе отвѣты (5) принадлежатъ 4 присланнымъ (Владимірск., Воронежск., Смоленск., Ярославск.) и 3-мъ волонтерамъ (Московск.). Отвѣты присланныхъ значительно и замѣтно были выше волонтеровъ (4, 4: 3, 7). Въ среднемъ выводѣ всѣ экзаменовавшіеся получили баллъ (3, 9), т.-е. почти полное 4. Такой удовлетворительный результатъ экзамена объясняется тѣмъ, что требованія, предъявленныя комиссіей къ испытуемымъ, были умѣренны и не выходили за предѣлы принятыхъ въ семинаріяхъ учебниковъ. Знаніе же учебниковъ у большинства студентовъ оказывалось удовлетворительнымъ. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ изложенныя въ учебникахъ, даны были только студентами Московской семинаріи и присланнымъ Ярославскимъ. Отвѣты по русской церковной исторіи были лучше, чѣмъ по об-

щей. Но это зависѣло отъ качества учебниковъ. Вліяніе же какого-либо со стороны преподаванія церковной исторіи въ отдѣльныхъ семинаріяхъ въ отвѣтахъ экзаменуемыхъ незамѣчено. Въ числѣ недостатковъ отвѣчавшихъ по исторіи нужно отмѣтить слѣдующіе. По прежнему наиболѣе страдали хронологія и географія какъ русской, такъ и общей церковной исторіи. Особенно безпомощными оказывались студенты въ отдѣлахъ о состояніи богословской науки въ древней церкви. Это, конечно, потому, что означенные отдѣлы изложены въ учебникахъ крайне неудовлетворительно и требуютъ непремѣнныхъ дополненій отъ преподавателей. Не видно также, чтобы въ преподаваніи церковной исторіи принимались во вниманіе результаты существующихъ на русскомъ языкѣ церковно-историческихъ изслѣдованій. Всѣ ошибки и неточности учебниковъ, давно уже поправленные, остаются въ неприкосновенномъ видѣ. Какъ и въ прежніе годы, комиссія многимъ экзаменующимся предлагала вопросъ о томъ, что они читали помимо учебника, но за малыми исключеніями получила отвѣты неутѣшительные. Бѣдность свѣдѣній, обнаруженныхъ въ этомъ отношеніи, поразительна и заслуживала бы серьезнаго вниманія; нѣко-

торыя даже изъ присланныхъ, т.-е. изъ самыхъ лучшихъ учениковъ семинаріи, не могли назвать ни одного журнала изъ числа издаваемыхъ Академіями. По ихъ объясненіямъ, журналовъ этихъ совершенно и не было въ ученическихъ библіотекахъ.

По латинскому языку экзаменовавшимся сначала предлагалось перевести съ русскаго языка на латинскій одну или двѣ фразы. Вмѣстѣ съ тѣмъ были предлагаемы и вопросы изъ синтаксиса, грамматики. Нѣкоторымъ давались примѣры для перевода съ русскаго на латинскій. Отвѣты нѣкоторыхъ изъ экзаменовавшихся были довольно слабы. Замѣчался недостатокъ навыка въ чтеніи латинскихъ текстовъ, недостаточное знакомство съ латинскими классиками и ихъ особенностями, недостаточное знаніе правилъ латинской грамматики, малое знаніе латинскихъ словъ. Но былы даны и очень хорошіе отвѣты. Лучшіе изъ нихъ принадлежатъ воспитанникамъ Таврической (5), Тверской (5—), Воронежской (5—), Смоленской, Пензенской, Томской, Иркутской, Московской, Новгородской (5 и 5—).

Экзаменовавшимся по нѣмецкому языку было предложено для перевода съ нѣмецкаго на русскій 9 и 10 гл. Евангелія отъ Луки. При переводѣ требовался грамматическій

разборъ, спрашивались слова и т. п. 5 и 5— получили 8 студентовъ, 4+, 4, 4— —27 студентовъ, 3+, 3, 3— —14 человѣкъ.

Испытанію по французскому языку подвергалось 12 человѣкъ. За немногими исключеніями, экзаменовавшіеся обнаружили недостаточно твердое познаніе въ французской грамматикѣ и даже въ произношеніи. Лучшіе отвѣты были даны присланнымъ изъ Томской семинаріи и волонтеромъ священникомъ Подольской епархіи. Худшіе отвѣты получены отъ волонтеровъ Вологодской и Тамбовской семинаріи.

Вообще относительно познаній экзаменующихся въ области новыхъ языковъ нужно съ глубокимъ прискорбіемъ сказать, что они очень слабы и, кажется, постепенно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаютъ. Прежде нѣкоторые изъ экзаменовавшихся отлично владѣли тремя новыми языками,— нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ. Теперь все это отошло уже въ область преданія. А между прочимъ это весьма важное явленіе. Незнающій хорошо ни одного новаго языка, но поступившій въ Академію, тратитъ массу времени, чтобы ознакомиться хотя бы только отчасти съ тѣмъ или другимъ изъ новыхъ языковъ, потому что безъ нихъ ему

здѣсь иногда нельзя шагу ступить. Сколько же, спрашивается, тратится дорогого времени студентомъ на изученіе языка? И сколько бы онъ успѣлъ сдѣлать, если бы при своихъ ученыхъ занятіяхъ прямо садился за иностранный источникъ, когда онъ ему необходимъ. Упали и древніе языки, а между тѣмъ отъ работающаго серьезно потребуются весьма солидныя познанія въ томъ и другомъ языкѣ.

Въ сентябрѣ новый учебный годъ начался молитвой. Молились въ академическомъ храмѣ и у мощей Преп. Сергія. Предъ началомъ учебныхъ занятій Преосвященный Ректоръ сказалъ слово о „значеніи храма при учебныхъ заведеніяхъ“. 5 сентября было началомъ лекцій. Безмолвствовавшія аудиторіи снова стали оглашаться словомъ науки. Предъ слушателями стали развертываться картины минувшихъ вѣковъ, жизнь древнихъ и новыхъ народовъ, характеристика различныхъ культуръ, стремленія современныхъ народовъ. Длинной вереницей стали проходить предъ ними великіе мыслители, ученые, самоотверженные дѣятели на различныхъ поприщахъ служенія людямъ. Давались отвѣты на жгучіе, наболѣвшіе вопросы всего человѣчества.

Вмѣстѣ съ началомъ учебныхъ занятій

начали свою жизнь и дѣятельность и раз личныя просвѣтительныя учрежденія Академіи.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія начались 14-го сентября и будутъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, вестись по всѣмъ воскреснымъ и многимъ праздничнымъ днямъ до конца учебнаго года. Внѣбогослужебныя собесѣдованія открылъ, своимъ словомъ Преосвященный Ректоръ Академіи. Учредители внѣбогослужебныхъ собесѣдованій не нашли нужнымъ вносить какія-либо перемѣны въ текущемъ году въ это дѣло. Всякое собесѣдованіе, какъ и прежде, предваряется молитвой. Богослуженіе предъ началомъ каждой бесѣды совершаетъ или самъ Преосвященный Ректоръ, или я въ сослуженіи всего академическаго духовенства. Собесѣдованія ведутъ большею частію студенты-добровольцы. Поетъ народъ. Въ дѣлѣ проповѣдничества нельзя не отмѣтить одного любопытнаго явленія. Теперь среди студентовъ-проповѣдниковъ стали все чаще и чаще появляться говорящіе проповѣди безъ тетрадки и безъ того стѣсненія, съ какимъ выступали прежде на церковной каѳедрѣ. Какъ и въ прежніе годы, внѣбогослужебныя собесѣдованія весьма усердно посѣщаются богомоль-

цами. Процвѣтаетъ и общее пѣніе. Теперь поютъ уже многіе изъ дѣтей и значительная часть взрослыхъ, прежде стѣснявшаяся пѣть въ храмѣ. Такимъ образомъ нужны были годы, чтобы побѣдить эту застѣнчивость. Говорить о томъ, какія волнуютъ чувства душу каждаго, когда храмъ оглашается стройнымъ пѣніемъ отъ края до края, нѣтъ нужды. Хорошо было бы, если бы подобнымъ стройнымъ, одушевленнымъ пѣніемъ матери и отцы семействъ съ своими чадами и домочадцами оглашали и свои дома въ дни церковныхъ праздниковъ и торжествъ. Надѣемся, что со временемъ и это будетъ достигнуто. Какой широкой струей тогда польется благодѣтельное и зиждительное вліяніе церкви въ домы христіанъ и какъ она будетъ вносить новыя начала въ жизнь нашего народа, изгоняя изъ нея все темное и неприглядное...

Въ теченіе этого года посѣтителямъ нашихъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій роздано листковъ 19178. Въ среднемъ выводѣ на каждое чтеніе приходится по 619 листковъ. При этомъ еще нужно имѣть въ виду то, что не всѣ посѣтители берутъ листки, а нѣкоторые по прочтеніи возвращаютъ ихъ обратно для новой раздачи...

Чтенія съ туманными картинами для простого народа, открытыя еще въ 1899 году, по прежнему аккуратно велись въ Думѣ по всѣмъ воскреснымъ и многимъ праздничнымъ днямъ. Чтецами, пѣвцами, какъ и прежде, являются студенты Академіи, близко принимающіе къ сердцу это дорогое дѣло просвѣщенія русскаго народа, дѣло отвлеченія его отъ пьянства, различныхъ пороковъ и безполезнаго времяпровожденія. Чтенія въ Думѣ такъ всегда охотно посѣщаются слушателями, что не было ни одного случая, когда бы можно было удовлетворить просьбы всѣхъ желающихъ побывать на томъ или другомъ чтеніи. Какъ это ни прискорбно, но за тѣснотою помѣщенія приходится въ данномъ случаѣ соблюдать очередь. Было время, когда сильно опасались за успѣхъ чтеній. Многіе тогда весьма сомнѣвались въ ихъ будущемъ. Теперь же для всѣхъ стало яснымъ, что и это благое дѣло просвѣтительнаго служенія Академіи народу вполнѣ упрочилось и будетъ существовать, кто бы во главѣ его ни стоялъ...

Въ церковно-приходской школѣ Академіи, открытой въ этомъ году, съ первыхъ дней этого учебнаго года, также начались занятія. Число учениковъ школы теперь

простиралось уже до 50 человѣкъ. Больше безъ ущерба для дѣла школа въ это время почти и не могла принять. Такимъ образомъ ширилось, росло и то дѣло, въ успѣхъ котораго не всѣ вѣрили. Пріятно было присутствовать этимъ лѣтомъ на экзаменѣ въ этой школѣ. Бѣдная, убогая, забитая дѣтвора является уже обвѣянною свѣтомъ просвѣщенія. Зачатки знанія, блестки культуры проникли уже въ эти души. Ихъ малая мысль пришла въ соприкосновеніе съ мыслями великихъ людей, писателей, поэтовъ, ученыхъ. Судьбы прошлаго родины и судьбы другихъ народовъ стали отчасти извѣстны имъ. Ихъ юному взору ужъ предносится болѣе свѣтлое будущее, чѣмъ ихъ обыденная жизнь въ темныхъ подвальныхъ этажахъ, или высокихъ чердакахъ, въ курныхъ хатахъ, въ грязи, холодѣ и голодѣ, въ нищетѣ и убожествѣ, среди всевозможныхъ пороковъ, закрывающихъ міръ Божій отъ внутренняго ока человѣка и приближающихъ человѣка къ дикарямъ. Если бы не школа, когда бы и гдѣ бы эта дѣтвора увидѣла свѣтъ Божій во всей его прелести и очаровательныхъ проявленіяхъ? Только присутствуя въ школѣ, можно особенно понять и даже какъ бы ощутить все громадное ея значеніе въ смыслѣ

содѣйствія въ дѣлѣ проведенія культурныхъ началъ жизни въ жизнь народа.

Наступившій учебный академическій годъ ознаменовался въ жизни Академіи открытіемъ *воскресной школы*, которая помѣстилась въ зданіи Свято-Покровской академической церковно-приходской школы. Мысль объ открытіи воскресной школы при Академіи была давно у начальствующихъ. Самое уже устройство церковно-приходской школы при Академіи подсказывало каждому, что здѣсь должна быть и воскресная школа. Поэтому въ первый же годъ существованія церковно-приходской школы думали открыть при ней и воскресную школу. И ее непремѣнно въ тотъ же годъ открыли бы, если бы не было опущено удобное для открытія ея время. Теперь, по почину Преосвященнаго Ректора Академіи, при Академіи была воскресная школа. Торжественное открытіе ея состоялось 15 октября. Учебныя пособія, книги, письменныя принадлежности, классная мебель пріобрѣтены на деньги, пожертвованныя профессорами (ок. 80 руб.) и студентами (ок. 60 руб.). Другихъ средствъ никакихъ болѣе юная воскресная школа не имѣла.

Школа находилась подъ общимъ завѣдываніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи,

на средства котораго содержится. Ближайшее же руководство школой Преосвященным поручено было о. Инспектору Виеанской духовной семинаріи іеромонаху Анастасію. Въ качествѣ помощниковъ о. Анастасію даны два студента Академіи (студ. 4 к. В. Н. Кантовъ и 2 к. священникъ В. В. Купленскій). Быть учителями воскресниковъ взяли на себя трудъ студенты Академіи. Учителей-добровольцевъ было 26 человѣкъ (съ 4 к.— 3, 2 к.—16, 1 к.—7). Школа начала свое первоначальное существованіе при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. На первый урокъ явился всего одинъ только человѣкъ, такъ что многочисленному учительскому персоналу пришлось свои первыя занятія вести съ однимъ этимъ пришедшимъ. Жутко тогда было въ школѣ: 26 учителей, завѣдующій школой, два его помощника и одинъ учащійся... Невольно закрадывалось въ душу каждаго сомнѣніе относительно успѣха этого начинанія. Нѣкоторые высказывали даже опасеніе, что воскресная школа совершенно не привьется и должна будетъ печально окончить дни своего неблестящаго состоянія. Но школа безмолствовала недолго. Скоро она начала пополняться, такъ что ко дню торжественнаго открытія школы число учащихся

было уже 34 человѣка, а потомъ возросло до 61. По сословіямъ учащіеся воскресники распредѣлялись весьма различно. Среди нихъ есть пѣвчіе, булочники, сапожники, игрушечники, иконописцы, чеканщики, наборщики, переплетчики, часовщики, кузнецы, столяры, портные, кровельщики, извозчики и т. д. По возрасту среди учащихся не было старше 30 лѣтъ. Посѣщавшіе школу состояли изъ неграмотныхъ или учившихся въ начальныхъ училищахъ. Нѣсколько человѣкъ были и съ домашней подготовкой.

Всѣ учащіеся въ школѣ раздѣлялись на пять группъ. Первую группу составляли совсѣмъ неграмотные, вторую—умѣющіе читать и писать. Третья группа состояла изъ обучавшихся, четвертая и пятая изъ окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ (одинъ изъ двухкласснаго министерскаго училища). Каждая группа имѣла свой опредѣленный кругъ предметовъ. На первой, второй и третьей группахъ преподавались: чтеніе, ариѳметика, письмо, географія. На четвертой и пятой преподавались: чтеніе образцовыхъ произведеній русской словесности съ краткой исторіей русской литературы, грамматика, русская и общая исторія, алгебра и физика (элементарныя свѣдѣнія). Законъ Божій и

пѣніе преподавались на всѣхъ группахъ. Начиная со второй группы, Законъ Божій соединялся съ славянскимъ чтеніемъ, а съ четвертой—съ чтеніемъ и объясненіемъ Библіи.

Школьныя занятія происходили каждый праздничный и воскресный день. Начинались они въ 45 минутъ перваго и продолжались до 5 часовъ по полудни. Уроки введены были получасовые съ десятиминутными перемѣнами черезъ каждые два урока. Всѣхъ дневныхъ уроковъ на каждой группѣ шесть и одинъ урокъ общій для всѣхъ группъ церковнаго пѣнія. Урокъ пѣнія часовой. Предметы занятій точно и аккуратно записывались въ шнуровой журналъ каждымъ учителемъ отдѣльно. Журналъ школы свидѣтельствовался каждую недѣлю Преосвященнымъ Ректоромъ.

Въ „Исторіи Московской Духовной Академіи“ подъ 1816 годомъ, около ста лѣтъ тому назадъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя строки. „Студенты перваго академическаго курса, въ числѣ 24 человѣкъ, въ мартѣ 1816 года образовали изъ себя ученое общество, подъ названіемъ *ученыя бесѣды*“. Въ современной запискѣ одного изъ членовъ этого общества Ѳ. А. Голубинскаго

сказано, что къ составленію сего общества подало случай пріятное обыкновеніе, общее почти между всѣми занимающимися науками, собесѣдовать между собою о предметахъ своихъ упражненій. Часто въ часы досуга, продолжаетъ записка, студенты любили съ дружескою свободой и откровенностью говорить, что каждый думалъ о предметахъ ихъ ученія; иногда читали другъ предъ другомъ свои сочиненія и судили о нихъ. Находя удовольствіе въ сихъ собесѣдованіяхъ, они впрочемъ замѣтили въ нихъ тотъ недостатокъ, что какъ время ихъ, такъ иногда и предметъ не были опредѣлены, и для того вознамѣрились назначить постоянныя правила для того и другого; и размышленіе о сихъ правилахъ, а вмѣстѣ взоръ на многія общества, въ разныхъ Академіяхъ и Университетахъ, между учащими и учащимися учрежденныя, открыли въ нихъ мысль объ образованіи среди нихъ подобнаго общества. По взаимныхъ совѣщаніяхъ они начертали для таковаго общества постановленія и представили оныя тогдашнему инспектору Архимандриту Филарету. Начальство академическое утвердило своимъ согласіемъ это ученое учрежденіе, и студенты, по большинству голосовъ, избрали изъ себя трехъ особыхъ

членовъ общества: должность старшаго въ обществѣ возложена на Платона Доброхотова, совѣщателя—на Петра Делицына, производителя письменныхъ дѣлъ—на Ѳеодора Голубинскаго. Въ день открытія общества Доброхотовъ читалъ „приличную рѣчь, въ которой изъяснялъ всю благонамѣренность новаго учрежденія“. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ собраніи было прочитано 20 разсужденій по предметамъ наукъ богословскихъ, философскихъ, словесныхъ и историческихъ. Иванъ Платоновъ читалъ разсужденіе, въ которомъ опровергалъ мнѣніе Валентиніанъ и Социніанъ, что тайна св. Троицы была умствована и гадаема языческими философами, какъ-то Платономъ и его послѣдователями. Василій Алявдинъ читалъ о томъ, какимъ образомъ прежде закона и въ законѣ угодившіе Богу получили спасеніе, безъ таинствъ благодатнаго искупленія, Алексѣй Платоновъ—о взятіи Іерихона, Илья Поройковъ—о дѣйствительномъ значеніи обѣта Іефѳая, Петръ Делицынъ—о томъ, былъ ли день Тайной вечери днемъ опрѣсночнымъ и что имѣла общаго самая вечеря съ пасхою іудейскою, и т. д. Какъ много говоритъ въ пользу студентовъ перваго курса это учрежденіе ученыхъ бесѣдъ! Ученыхъ домашнихъ бесѣдъ не

оставляли студенты и въ слѣдующіе курсы студентъ 2-го академическаго курса Ѳ. Измайловъ пишетъ о своемъ времени: „академическое начальство держало себя въ отношеніи къ студентамъ такъ благоразумно, что не мѣшало имъ мыслить свободно. Тѣ изъ насъ, младшихъ и старшихъ, которые любили философію, часто въ свободные часы сходились на бесѣду, философствовали, спорили, помогали другъ другу въ пониманіи Кантова ученія, трудились надъ переводомъ техническихъ словъ его языка и разбирали системы его учениковъ, которые не сходились ни съ нимъ, ни между собою въ своихъ мнѣніяхъ. Такого рода бесѣды много принесли мнѣ пользы“ [1]).

Но годы шли. Добрыя начинанія студентовъ перваго академическаго курса стали мало-по-малу забываться и наконецъ были совершенно забыты. Но вотъ въ 1899 году это старое доброе прошлое снова было призвано къ бытію—18 октября 1900 года исполнился первый годъ существованія философскаго общества среди студентовъ Академіи. Мысль объ учрежденіи этого кружка, заро-

---

[1]) *С. К. Смирновъ.* Истор. Моск. Дух. Акад. до ея преобр. М. 1879 г., стр. 175—177.

дившаяся среди студентовъ, нашла себѣ поддержку въ лицѣ двухъ профессоровъ П. П. Соколова и П. В. Тихомирова. При ихъ руководствѣ выработанъ былъ уставъ, въ основаніе котораго положены правила подобныхъ же студенческихъ ферейновъ при лучшихъ германскихъ и французскихъ университетахъ, конечно, съ соотвѣтствующими измѣненіями. Уставъ этотъ былъ утвержденъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, съ согласія Владыки Митрополита.

Во главѣ кружка по Уставу стоитъ Преосвященный Ректоръ, которому принадлежитъ высшій надзоръ и руководство означеннымъ обществомъ. Далѣе въ составъ кружка входятъ члены-руководители, профессора Академіи, и наконецъ — дѣйствительные члены, студенты Академіи. Студентовъ записалось въ это общество болѣе 100 человѣкъ. Засѣданія „кружка“ носятъ чисто домашній характеръ. Лица, не принадлежащія къ Академіи, безусловно не могутъ присутствовать на засѣданіяхъ „кружка“. Всякія выраженія одобренія и порицанія со стороны присутствующихъ также безусловно не допускаются. Засѣданіе „кружка“ предваряется и заканчивается общимъ пѣніемъ молитвы студентами. Засѣданія происходятъ всегда въ слѣ-

дующемъ одномъ и томъ же порядкѣ. Сначала читается рефератъ однимъ изъ членовъ общества, потомъ, послѣ краткаго перерыва, происходитъ обмѣнъ мыслей между референтомъ и студентами. Заключительное слово принадлежитъ одному изъ членовъ-руководителей. Иногда засѣданіе „кружка" оканчивалось вокально-музыкальной частію, что вносило также немало новаго въ однообразную трудовую жизнь студента. Вотъ подлинный Уставъ этого „кружка".

Уставъ студенческаго философскаго кружка.

I. Задача кружка и правила его дѣятельности.

§ 1. Студенческій философскій кружокъ имѣетъ своей задачей изученіе философскихъ вопросовъ и распространеніе интереса къ философіи въ студенческой средѣ.

§ 2. Дѣятельность кружка опредѣляется уставомъ, который утверждается Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи и измѣняется съ его разрѣшенія.

§ 3. Занятія кружка происходятъ подъ руководствомъ преподавателей и подъ на-

блюденіемъ Преосвященнаго Ректора Академіи.

§ 4. Кружокъ ведетъ протоколы своихъ засѣданій и составляетъ годичные отчеты.

II. Члены кружка.

§ 5. Кружокъ состоитъ изъ членовъ-руководителей, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ соревнователей.

§ 6. Къ членамъ-руководителямъ принадлежатъ всѣ преподаватели Академіи, желающіе содѣйствовать цѣлямъ кружка.

§ 7. Къ дѣйствительнымъ членамъ принадлежатъ всѣ студенты, изъявившіе желаніе читать рефераты и принимать участіе въ преніяхъ.

§ 8. Къ членамъ соревнователямъ принадлежатъ всѣ студенты, изъявившіе желаніе вступить въ кружокъ.

§ 9. Лица, желающія вступить въ кружокъ, принимаются на основаніи простого заявленія ихъ объ этомъ, сдѣланнаго члену-руководителю или предсѣдателю кружка.

III. Обязанности и права членовъ кружка.

§ 10. Обязанности членовъ-руководителей состоятъ въ томъ, чтобы помогать студентамъ

при выборѣ темъ и пособій для рефератовъ, разсматривать тезисы этихъ рефератовъ, руководить преніями и разрѣшать различныя теоретическія и практическія затрудненія студентовъ.

§ 11. Обязанности дѣйствительныхъ членовъ состоятъ въ чтеніи рефератовъ и въ обсужденіи ихъ.

§ 12. Всѣ члены имѣютъ право вносить предложенія и вопросы по дѣламъ кружка.

§ 13. Рѣшающій голосъ въ дѣлахъ кружка принадлежитъ членамъ-руководителямъ и всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ.

IV. Дѣятельность кружка.

§ 14. Дѣятельность кружка состоитъ въ очередныхъ и чрезвычайныхъ засѣданіяхъ.

§ 15. Очередныя засѣданія устраиваются два раза въ мѣсяцъ, а если потребуется, то и чаще, въ особо назначенные для этого дни и часы.

§ 16. Чрезвычайныя засѣданія созываются по поводу особенныхъ случаевъ, а также въ началѣ и въ концѣ учебнаго года для чтенія годичнаго отчета, для выбора предсѣдателя и секретарей и для измѣненія устава кружка.

§ 17. Какъ очередныя, такъ и чрезвычайныя засѣданія назначаются съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора Академіи и происходятъ въ одной изъ академическихъ аудиторій.

§ 18. Засѣданія кружка могутъ состояться лишь въ присутствіи по крайней мѣрѣ одного изъ членовъ-руководителей.

§ 19. На засѣданіяхъ кружка имѣютъ право присутствовать въ качествѣ постороннихъ слушателей всѣ студенты Академіи, не вступившіе въ кружокъ.

§ 20. Лица, не принадлежащія къ Академіи, безусловно не могутъ присутствовать на засѣданіяхъ кружка.

§ 21. Выраженія одобренія и порицанія со стороны присутствующихъ безусловно не допускаются.

V. Порядокъ очередныхъ засѣданій кружка.

§ 22. Очередныя засѣданія кружка состоятъ изъ трехъ частей: научной, дѣловой и музыкальной.

§ 23. Научная часть состоитъ въ чтеніи философскаго реферата и въ обсужденіи его.

§ 24. Референтъ долженъ заблаговременно

приготовить тезисы реферата и сообщить их за недѣлю до засѣданія предсѣдателю кружка, который въ свою очередь представляетъ ихъ одному изъ членовъ-руководителей для разсмотрѣнія и Преосвящ. Ректору Академіи для утвержденія. Послѣ этого тезисы объявляются всѣмъ членамъ кружка.

§ 25. За отсутствіемъ реферата обсуждается какой-нибудь философскій вопросъ, одобренный членами-руководителями и разрѣшенный Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи.

§ 26. Лица, желающія принять участіе въ обсужденіи реферата или замѣняющаго его философскаго вопроса, предварительно заявляютъ объ этомъ предсѣдателю кружка и пользуются правомъ голоса по порядку заявленій. Референтъ имѣетъ право голоса послѣ каждаго сдѣланнаго ему возраженія.

§ 27. Дѣловая часть состоитъ въ чтеніи протокола предшествующаго засѣданія, въ обсужденіи возможныхъ предложеній и запросовъ со стороны членовъ и выработкѣ нѣкоторыхъ обязательныхъ постановленій, обусловленныхъ потребностями кружка.

§ 28. Музыкальная часть состоитъ въ исполненіи вокальныхъ и инструментальныхъ пьесъ.

VI. Завѣдываніе дѣлами кружка.

§ 29. Для завѣдыванія дѣлами кружка студенты въ началѣ каждаго учеб. года избираютъ изъ числа дѣйствительныхъ членовъ предсѣдателя и двухъ секретарей, которые утверждаются Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи.

§ 30. На обязанности предсѣдателя лежитъ вести всѣ сношенія по дѣламъ кружка, принимать и передавать членамъ-руководителямъ темы и тезисы рефератовъ, представлять ихъ на усмотрѣніе Преосвященнаго Ректора Академіи, испрашиватъ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора на устройство засѣданій, увѣдомлять членовъ кружка о днѣ и часѣ засѣданій, и руководить внѣшнимъ порядкомъ засѣданій, т.-е.: а) открывать засѣданіе, б) представлять членамъ кружка слово по порядку сдѣланныхъ ими заявленій, в) объявлять начало и конецъ преній и г) закрывать засѣданіе.

§ 31. Выступая въ качествѣ референта или не имѣя возможности присутствовать на засѣданіи, предсѣдатель передаетъ свои полномочія одному изъ секретарей, который можетъ временно замѣнять его и въ другихъ случаяхъ.

§ 32. Обязанности секретарей состоятъ въ составленіи протоколовъ засѣданій, въ опубликованіи темъ и тезисовъ рефератовъ, въ веденіе списковъ членовъ кружка, въ составленіи годичныхъ отчетовъ кружка и въ письмоводствѣ вообще.

Въ теченіе года въ „философскомъ кружкѣ" были предложены чтенія на слѣдующія темы:

1) „О свободѣ воли". 2) „Къ полемикѣ А. Введенскаго и В. Соловьева по вопросу объ отношеніи философіи Спинозы къ теизму". 3) „Рефлексія и перцепція". 4) „Личность и идеи Рескина". 5) „Психофизическій монизмъ". 6) „О святости". 7) „О происхожденіи законовъ мышленія". 8) „Проблема прогресса и счастья". 9) „Къ вопросу о свободѣ воли". 10) „О сравнительной цѣнности симпатическихъ чувствованій съ нравственной точки зрѣнія (сорадованіе, сострадание, любовь—половая, родительская и общечеловѣческая"). 11) „Психологическія основы альтруизма". 12) „Христіанскій догматъ о первородномъ грѣхѣ съ философско-психологической точки зрѣнія. 13) Чтенія о Соловьевѣ: а) „Нравственная философія Соловьева"; в) „Соловьевъ какъ публицистъ"; с) „Лира Соловьева". 14) „Психологія лжи".

Почти всѣ рефераты вызывали оживленныя пренія. Во время преній вносились поправки въ доклады референтовъ и иногда очень значительныя. Въ преніяхъ нерѣдко принимали живое участіе и сами профессора, вслѣдствіе чего интересъ преній еще болѣе увеличивался. Пренія всегда резюмировались тѣмъ или другимъ профессоромъ, иногда Преосвященнымъ Ректоромъ. Въ 1901 году я писалъ по этому поводу въ ж. „Богословскій Вѣстникъ":

„Памятуя прошлое великое этихъ чтеній, пожелаемъ отъ души, чтобы настоящія благія начинанія не кончились такъ же плачевно, какъ нѣкогда кончились намѣренія студентовъ „перваго академическаго курса". Мы желаемъ, чтобы эти занятія еще болѣе возросли, развились и упрочились. Пусть только на этихъ собраніяхъ, какъ это было и въ доброе старое время, обсуждаются вопросы не только философіи и психологіи, но и вопросы другихъ академическихъ наукъ. Можетъ быть наши искреннія благожеланія когда-нибудь и осуществятся...

Едва ли много нужно говорить о томъ, какое важное значеніе имѣютъ эти вечера для самообразованія студенчества. На нихъ

затрогивается и будится мысль, иногда находящаяся въ состояніи великаго покоя. Пробуждается интересъ къ знанію и наукѣ, расширяется кругозоръ, облагораживается чувство, воля укрѣпляется въ добрѣ. Непродуманное однимъ восполняется другимъ, нерѣшенное цѣлой аудиторіей рѣшается профессоромъ-руководителемъ. Нерѣшенное всѣми вмѣстѣ выступаетъ рельефнѣе предъ сознаніемъ слушателей и влечетъ каждаго еще съ болѣе непреодолимой силой въ прекрасную область идеальнаго міра".

Доброе дѣло никогда не остается безъ вниманія. По образцу ученыхъ собраній студентовъ Московской Академіи устроены подобныя же собранія въ Петербургской и Казанской Академіяхъ. А изъ Академіи эта мысль перейдетъ когда-нибудь въ Семинарію, изъ Семинаріи пойдетъ въ жизнь и выразится тамъ въ тѣхъ или другихъ крупныхъ общественныхъ благихъ начинаніяхъ.

1 октября Академія праздновала свой *годичный академическій праздникъ.* Наканунѣ 30 сентября утромъ были совершены заупокойная литургія и великая панихида по „начальствовавшимъ, учившимъ и учившимся,

благодѣявшимъ и служившимъ" въ Академіи. Съ вечера былъ парастасъ. Вмѣсто причастнаго стиха студентомъ 4-го курса П. Постниковымъ было произнесено слово, посвященное памяти почившихъ наставниковъ Академіи, славно трудившихся на поприщѣ просвѣщенія. Панихиду совершалъ преосвященный Ректоръ, въ сослуженіи всего академическаго духовенства, а парастасъ и заупокойную литургію—я. Въ день праздника литургію совершалъ самъ Преосвященный, въ сослуженіи меня и прочаго академическаго духовенства, а также и духовенства, прибывшаго на праздникъ изъ Москвы и Посада. За литургіей было произнесено слово студентомъ 4-го курса Д. Коноваловымъ [1]), въ которомъ проповѣдникъ говорилъ о задачахъ и характерѣ высшаго богословскаго образованія. По окончаніи литургіи былъ совершенъ торжественный молебенъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства.

Непосредственно по окончаніи богослуженія въ актовомъ залѣ Академіи состоялся торжественный актъ. Актовую рѣчь читалъ

[1]) Послѣ состоялъ доцентомъ Академіи по каѳедрѣ греческаго языка.

профессоръ по каѳедрѣ метафизики и логики А. И. Введенскій [1]). Рѣчь была написана на тему: „время и вѣчность“. По прочтеніи рѣчи студенческимъ хоромъ былъ исполненъ концертъ. Послѣ концерта вниманію собравшихся былъ предложенъ отчетъ за 1899—1900 годъ. Послѣ отчета лучшимъ студентамъ были розданы награды. Въ настоящемъ отчетномъ году Академія пріобщила къ сонму своихъ почетныхъ членовъ *Никандра*, Епископа Симбирскаго, и *Николая*, Епископа и Начальника Японской миссіи. Нельзя не отмѣтить весьма цѣннаго для Академіи дара Преосвященнаго Никандра. Преосвященный прислалъ въ библіотеку Академіи 178 названій богослужебныхъ книгъ и послѣдованій разнымъ святымъ на греческомъ языкѣ, частію рукописныхъ. Среди присланныхъ книгъ особеннаго вниманія заслуживаетъ рукописный греческій типикъ 10 вѣка.

Академическій годъ прошелъ не безплодно и въ ученомъ отношеніи. Ученыя занятія отличались обычной энергіей. Объ этомъ отчасти можно судить и по дѣятельности *академической библіотеки*. Сначала учебнаго года были заведены печатные требователь-

---

[1]) Нынѣ умершій.

ные листки, расчитанные на 5 названій и 15 томовъ. Въ теченіе отчетнаго года такихъ листковъ было израсходовано 6169. Полагая, что по каждому листку среднимъ числомъ затребовано было 4 названія и 7 томовъ, всего студентами за отчетный годъ по 6169 листкамъ затребовано было 24676 названій и 43183 тома. Такимъ образомъ на каждаго студента на годъ приходилось 114 названій и 199 томовъ. Профессорамъ и преподавателямъ Академіи въ теченіе года было выдано 2056 названій въ 3698 томахъ и тетрадяхъ.

5-го октября *академическая корпорація чествовала* одного изъ своихъ членовъ, экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ иностранной литературы *І. А. Татарскаго* [1]), по случаю исполнившагося въ этомъ году 25-лѣтія его учено-литературной и педагогической дѣятельности. Нелегко прожить 25 лѣтъ, даже безъ опредѣленныхъ занятій. Еще труднѣе прожить 25 лѣтъ находясь на высокомъ, трудномъ и отвѣтственномъ посту профессора высшей школы. Изъ его произведеній мы можемъ назвать слѣдующія: „Космополитизмъ, какъ одно изъ началъ современности“ (Москва 1884 г.),

---

1) Нынѣ уже не состоитъ на академической службѣ.

„Сущность и происхожденіе философіи Іоанна Скотъ Эригена“ (Харьковъ 1886 г.), „Симеонъ Полоцкій. Его жизнь и дѣятельность“ (Москва 1886 г.), „Религіозный элементъ въ эпосѣ Гомера“, „О сатирѣ Сервантеса на рыцарскую романтику, среднихъ вѣковъ“ (Москва 1895 г.), Религіозный элементъ въ Энеидѣ Виргилія“ (1900 г.), „Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ“ (Харьковъ 1888 г.), „Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ“ (Харьковъ 1892 г.).

Чествованіе происходило въ домѣ юбиляра. Прежде всѣхъ привѣтствовалъ Іероѳея Алексѣевича Преосвященный Ректоръ краткимъ словомъ, въ которомъ коснулся его служебной дѣятельности въ Академіи, характеризовалъ его какъ человѣка и пожелалъ ему здравствовать еще многіе годы.

По окончаніи рѣчи Преосвященный благословилъ юбиляра иконой Черниговской Божіей Матери въ сребро-позлащенной ризѣ.

Потомъ юбиляра привѣтствовалъ, по выбору и полномочію академической корпораціи, экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ патристики И. В. Поповъ. Ораторъ говорилъ: Ни для кого не составляетъ тайны то глубокое и печальное разобщеніе, которое существуетъ у насъ между церковью и обще-

ствомъ, между духовной и свѣтской школами. Общество не знаетъ насъ и не хочетъ знать. Оно не выписываетъ нашихъ журналовъ, не читаетъ нашихъ диссертацій, бѣжитъ толпами вонъ изъ церкви при первомъ появленіи на каѳедрѣ проповѣдника. Недавно одинъ извѣстный профессоръ заявилъ, что наша духовная школа не сдѣлала ровно ничего для развитія отечественной философіи, другой сравнивалъ нашу богословскую науку съ алхиміей и астрологіей. По словамъ третьяго извѣстнаго писателя, наша богословская наука до такой степени безплодна, что даже самые талантливые представители ея сходятъ въ могилу, не оставивъ послѣ себѣ никакого духовнаго наслѣдія.

Причиною этого печальнаго разобщенія между церковью и представителями нашей интеллигенціи служитъ то, что эти общественныя силы перестали понимать другъ друга, перестали понимать другъ друга даже тогда, когда говорятъ объ одномъ и томъ же.

Невольно напрашивается вопросъ: кто же тутъ виноватъ? Какъ и во всякомъ недоразумѣніи виноваты конечно обѣ стороны. Съ своей стороны, мы должны однако сознаться, что не всегда умѣемъ угадывать потребности общества, не всегда во время замѣчаемъ

нарождающееся настроеніе, не всегда отвѣчаемъ на запросы общества въ такой формѣ, которая была бы для него близка и понятна.

Взаимное непониманіе общественныхъ классовъ можетъ быть сглажено только общностью образованія. Отсюда видно, какое огромное значеніе въ системѣ академическаго курса имѣютъ науки общеобразовательныя и въ частности тотъ предметъ, который Вы, многоуважаемый Іероѳей Ал., съ честью преподаете вотъ уже столько лѣтъ.

Въ жизни современныхъ образованныхъ народовъ значеніе художественной литературы, можно сказать неисчерпаемо. Только исключенія, только люди съ счастливыми способностями и не менѣе счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ жизни могутъ посвятить себя служенію чистой и отвлеченной наукѣ. Большая публика, которой однако быть можетъ болѣе всего и движется исторія, получаетъ свою умственную пищу не столько изъ ученыхъ изслѣдованій и спеціальныхъ журналовъ, сколько изъ произведеній художественной литературы. Каждое новое научное открытіе, каждое нарождающееся спеціальное движеніе, каждое новое настроеніе, мелкими проблесками возникающее въ душѣ немногихъ

отражаются на литературѣ, облекаются въ ней въ плоть и кровь и въ такомъ видѣ широко разливаются въ обществѣ. Вотъ почему выдающіяся и наиболѣе распространенныя произведенія художественнаго творчества вводятъ насъ въ пониманіе идей и настроенія общества, вотъ почему въ нихъ мы можемъ изучать состояніе умовъ нашихъ современниковъ и эпохъ, погребенныхъ въ далекомъ прошломъ, вотъ почему изящную словесность такъ удачно принято называть зеркаломъ общества.

Но понимать и сочувствовать далеко не одно и тоже. Даже при случайныхъ встрѣчахъ съ людьми совершенно незнакомыми приходится иногда уловить моментъ, когда холодное пониманіе переходитъ въ живое сочувствіе, когда падаетъ какъ бы какая-то перегородка и когда двѣ души касаются другъ друга. Способность переноситься въ положеніе другого такъ полно и совершенно, эта драгоцѣнная способность, столь необходимая для проповѣдника и пастыря воспитывается въ человѣкѣ тѣми повторяющимися воздѣйствіями, какія можетъ оказывать одна изящная литература. Авторъ художественнаго произведенія незамѣтно увлекаетъ насъ, ставитъ на точку зрѣнія своего героя, заставля-

етъ насъ жить и волноваться его чувствами и совершенно переноситься въ его положеніе. Но литература не только учитъ насъ понимать, но развиваетъ и умѣнье быть понимаемыми. Только она даетъ намъ знаніе живого литературнаго языка, только отъ нея можно получить ту смѣлость пера, ту образность, тотъ колоритъ, безъ которыхъ изложеніе становится отвлеченнымъ, монотоннымъ, безцвѣтнымъ.

Своимъ многолѣтнимъ преподаваніемъ литературы Вы, многоуваж. Іер. Ал., стирали грань, раздѣляющую у насъ высшую духовную и свѣтскую школу. Вы принадлежите къ числу тѣхъ профессоровъ, которые отдаютъ свои силы и занятія главнымъ образомъ своей аудиторіи. Правда, Вы заплатили дань ученой литературѣ своимъ сочиненіемъ по русской исторіи, достоинства котораго уже были отмѣчены въ свое время спеціалистами. Вы принимали участіе въ нашей журналистикѣ своими статьями о Гомерѣ, Виргиліи, Сервантесѣ, и если не ошибаюсь, Вы едва ли не первый затронули въ нашей литературѣ вопросъ о значеніи Скота Эригены. Но затѣмъ свои силы и труды Вы вложили въ преподаваніе словесности и литературы. Ваши чтенія всегда имѣли среди студентовъ и

внѣшній и внутренній успѣхъ. Аудиторія Ваша была полна и внимательна, и Вы не разъ имѣли возможность читать на оживленныхъ лицахъ своихъ слушателей отраженіе того вниманія и удовольствія, которыя вызывались въ нихъ Вашими чтеніями. Этому внѣшнему успѣху соотвѣтствовалъ и внутренній. Успѣхъ академическаго преподаванія конечно не можетъ быть измѣряемъ одною отчетливостью отвѣтовъ студентовъ на экзаменѣ. Курсъ, наскоро приготовленный къ экзамену въ короткій срокъ двухъ-трехъ дней, обыкновенно безъ борьбы уступаетъ свое мѣсто другому, слѣдующему за нимъ по росписанію. Наука становится прочнымъ пріобрѣтеніемъ человѣка только тогда, когда въ немъ возбуждено желаніе пополнять пробѣлы своихъ знаній путемъ самостоятельнаго чтенія. Достоинство Вашего преподаванія состояло въ томъ, что Вы умѣли возбудить въ Вашихъ слушателяхъ личный интересъ къ предмету и желаніе самостоятельными занятіями подробнѣе познакомиться съ авторами, о которыхъ Вы читали. Для достиженія этой цѣли Вы пользовались различными средствами. Во-первыхъ, Вы достигали этого прекраснымъ чтеніемъ отрывковъ изъ поэтовъ, въ которое Вы всегда умѣли вложить много пониманія и чувства,

умѣли выдѣлить посредствомъ него все самое значительное, важное и красивое. Другимъ средствомъ для Васъ служили литературныя характеристики. Ясныя и опредѣленныя, они не только рисовали предъ нами, Вашими слушателями, живой образъ поэта, но незамѣтно сообщали намъ и основное настроеніе, проникающее его произведенія. Наконецъ, третьимъ средствомъ для Васъ служили семестровыя сочиненія. Въ великихъ произведеніяхъ Шекспира, Шиллера, Байрона, Гюго скрыты такія сокровища ума и сердца, что они невольно увлекаютъ всякаго, кому хотя случайно удается ближе познакомиться съ ними. Вы пользовались этимъ. Избирая темы, отличающіяся живымъ интересомъ, Вы старались возбудить въ студентахъ любовь къ литературѣ, ея изученію и постоянному чтенію.

Въ концѣ своего академическаго курса я имѣлъ случай лично познакомиться съ Вами, и не могу безъ чувства глубокой благодарности вспомнить о томъ участіи и радушіи, съ которыми я тогда былъ принятъ Вами. Скоро изъ Вашего ученика я сталъ Вашимъ сослуживцемъ. Прошелъ рядъ годовъ и впечатлѣніе первой встрѣчи съ Вами укрѣплялось во мнѣ все болѣе и болѣе. Въ своихъ

отношеніяхъ къ сослуживцамъ Вы всегда были доброжелательны, чужды всякихъ самолюбивыхъ и горделивыхъ чувствъ, никогда не подавали никакихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ.

Я счастливъ, многоуважаемый Іероѳей Ал., что порученіе корпораціи предоставило мнѣ слово въ этотъ многознаменательный для Васъ день, когда всякій человѣкъ оглядывается назадъ на пройденный имъ путь. Примите же наше общее привѣтствіе по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашей профессорской дѣятельности и позвольте пожелать Вамъ бодрости духа и свѣжести силъ для продолженія ея еще на многіе годы.

Въ заключеніе привѣтствовалъ юбиляра рѣчью убѣленный сѣдинами, старецъ-профессоръ, старшій среди всѣхъ профессоровъ, и какъ бы общій отецъ всей академической корпораціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Д. Ѳ. Голубинскій. Дмитрій Ѳедоровичъ говорилъ:

Достоуважаемый

Іероѳей Алексѣевичъ!

Привѣтствуемъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей службы. Намъ извѣстна Ваша любовь къ наукѣ, Вами преподаваемой. И я

помню сказанное Вами о вѣрности идеалу. Прошу выслушать слова вселенскаго Учителя о значеніи Вашей науки.

Христіане во время царствованія нечестиваго Юліана лишены были права изучать словесныя науки. Святый Григорій Богословъ, обличая это распоряженіе, говоритъ слѣдующее:

„Но я долженъ опять обратить мое слово къ словеснымъ наукамъ; я не могу не возвращаться часто къ нимъ; надобно постараться защитить ихъ по возможности. Много сдѣлалъ богоотступникъ тяжкихъ несправедливостей, за которыя онъ достоинъ ненависти; но ежели въ чемъ, то особенно, кажется, въ этомъ онъ нарушалъ законы. Да раздѣлятъ со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать! Ибо все прочее оставилъ я другимъ, желающимъ того, оставилъ богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ—все, что кружится на землѣ, и услаждаетъ людей не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собою,—искусство слова, и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О когда бы я и всякій мой другъ

могли владѣть силою слова! Вотъ первое, что возлюбилъ я, и люблю послѣ первѣйшаго, то-есть Божественнаго, и тѣхъ надеждъ, которыя выше всего видимаго. Если же всякаго гнететъ своя ноша, какъ сказалъ Пиндаръ, то и я не могу не говорить о любимомъ предметѣ, и не знаю, можетъ ли что быть справедливѣе, какъ словомъ воздать благодарность за искусство слова словеснымъ наукамъ. Итакъ скажи намъ, легкомысленнѣйшій и ненасытнѣйшій изъ всѣхъ, откуда пришло тебѣ на мысль запретить христіанамъ учиться словесности? Это было не простая угроза, но уже законъ“ [1]).

Къ этимъ словамъ вселенскаго Учителя присоединяю наше общее благожеланіе:

Да даруетъ Вамъ Господь еще и еще многіе годы съ честію продолжать служеніе дѣлу, которое Вамъ ввѣрено Промысломъ Божіимъ!

Трогательныя, одушевленныя рѣчи, вниманіе собратьевъ-сослуживцевъ, окружавшихъ юбиляра, произвели на послѣдняго сильное впечатлѣніе. Отъ волненія юбиляръ почти не могъ говорить. Можетъ быть, не-

---

[1]) Св. Григорія Богослова творенія. Облич. слово на царя Юліана.

достаточно связна была его отвѣтная рѣчь, но за то она была глубоко правдива. Юбиляръ говорилъ, съ одной стороны, о своихъ недостаткахъ, немощахъ, о многомъ несдѣланномъ имъ изъ того, что предполагалъ когда-то сдѣлать, съ другой—о вниманіи къ нему его сослуживцевъ, какое онъ считаетъ далеко незаслуженнымъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ сердечно благодарилъ всѣхъ за тѣ часы радости, какіе доставили ему, принявъ участіе въ его скромномъ торжествѣ. „Эти часы, говорилъ онъ, не будутъ мною забыты никогда". Собравшимся былъ предложенъ чай. Въ теченіе вечера немало было воспомянуто изъ былыхъ временъ юбиляра и Академіи. Чествованіе І. А. закончилось скромной трапезой.

Съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора, чествовали юбиляра и выборные студенты отъ каждаго курса Академіи.

11-ое октября, вообще знаменательное въ Академіи, въ этомъ году было сугубо знаменательнымъ. Въ этотъ денъ исполнилось ровно *25 лѣтъ* со дня кончины одного изъ ея рѣдкихъ ректоровъ, незабвеннаго А. В. Горскаго. Естественно было ожидать, что Академія многимъ обязанная Горскому, во многихъ отношеніяхъ еще и теперь живу-

щая духомъ Горскаго, соберется почтить его память особо въ этотъ знаменательный годъ. И ожиданія эти были не напрасны. Академія помянула этого великаго мужа такъ, какъ только она могла и сумѣла его помянуть. 11 октября была отслужена заупокойная литургія по А. В., а въ часъ дня въ присутствіи всей академической корпораціи и всѣхъ студентовъ, Преосвящ. Ректоромъ въ сослуженіи всего академическаго духовенства, была совершена торжественная панихида. Но главное торжество перенесено было на 22 октября. Литургію въ этотъ день совершалъ Преосвящ. Ректоръ также въ сослуженіи всего академическаго духовенства. Вмѣсто причастнаго стиха ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій [1]) произнесъ слово, посвященное памяти покойнаго А. В. Послѣ литургіи на могилѣ покойнаго, что въ академическомъ садикѣ, была совершена торжественная панихида. Затѣмъ начался самый актъ. Академія, глубоко признательная А. В. Горскому, посвятила его памяти цѣлую ноябрьскую книжку своего журнала, гдѣ напечатаны сполна и актовыя рѣчи профессоровъ

---

[1]) Нынѣ заслуженный профессоръ (въ отставкѣ) и почетный членъ Академіи.

и нѣкоторые отрывки изъ неизданныхъ сочиненій А. В., хранящіеся въ его архивѣ. Это описаніе торжества, актовыя глубокосодержательныя рѣчи профессоровъ, отрывки сочиненій А. В. вышло отдѣльнымъ изданіемъ и представляетъ собою солидную книгу въ 222 стр., весьма цѣнную по своему содержанію. Въ отдѣльномъ изданіи описанія юбилейнаго торжества напечатана также и весьма интересная статья ординарнаго заслуженнаго профессора Московскаго Университета А. П. Лебедева (нынѣ покойнаго) подъ заглавіемъ: „Къ воспоминаніямъ о протоіереѣ А. В. Горскомъ, ректорѣ и профессорѣ Московской Духовной Академіи" [1]). Такимъ образомъ этотъ сборникъ даетъ полную и обстоятельную характеристику А. В. Предъ читателемъ А. В. проходитъ какъ бы живой со всѣми своими думами, иногда даже затаенными, со всѣми своими планами и намѣреніями, со всѣмъ своимъ укладомъ жизни и со всей своей постоянной гигантской работой. Благодаря этимъ своимъ сторонамъ книга представляетъ собою большой интересъ не только для учениковъ А. В. и не только для пи-

---

[1]) Первоначально она была напечатана въ ж. „Вѣра и Церковь".

томцевъ Московской Духовной Академіи, но и для каждаго просвѣщеннаго человѣка.

8 ноября Академія лишилась своего врача *И. К. Соколова.* Вѣсть о смерти И. К. была встрѣчена всѣми съ большимъ сочувствіемъ и участіемъ въ горѣ супруги покойнаго. Академическая семья не разъ собиралась въ домѣ покойнаго для совершенія панихидъ надъ нимъ. Выносъ тѣла въ академическую церковь для отпѣванія совершенъ былъ всѣмъ академическимъ духовенствомъ во главѣ со мной. Гробъ до самой церкви несли студенты на своихъ рукахъ. Студенты же были и пѣвцами. Печальную процессію сопровождало много народа. Здѣсь были многіе и изъ академической корпораціи. По принесеніи гроба въ академическій храмъ, тотчасъ же началось всенощное заупокойное бдѣніе (парастасъ). На гробъ покойнаго было возложено нѣсколько прекрасныхъ вѣнковъ съ надписями: отъ корпораціи академической, отъ врачей и почитателей покойнаго. Ночью студенты Академіи читали у гроба псалтирь до самаго начала литургіи. На слѣдующій день, 10 ноября, въ академическомъ храмѣ совершено было и самое отпѣваніе И. К. Заупокойную литургію и слѣдовавшее затѣмъ отпѣваніе совершалъ Пре-

освященный Ректоръ со мной, о. Ректоромъ Ви
ѳанской Духовной семинаріи, и о. Инспект
ромъ той же семинаріи и академическим
духовенствомъ. Во время отпѣванія доцен
Академіи Н. Г. Городенскій произнесъ слѣ
дующую надгробную рѣчь, въ которой ох
рактеризовалъ симпатичную и гуманную лич
ность покойнаго.

„Совершилось, наконецъ, печальное событі
которое всѣми давно предвидѣно, и съ ко
торымъ однако при одной мысли о немъ н
хотѣла мириться душа: мы лишились сво
его добраго, дорогого, незабвеннаго Иван
Кирилловича. Мы потеряли въ его лицѣ
безкорыстнаго и честнаго служителя обще
ства, рѣдкаго по своимъ душевнымъ каче
ствамъ человѣка, наконецъ, многимъ изъ
насъ близкаго, незамѣнимаго друга.

Немного, всего пять-шесть лѣтъ ты былъ
съ нами, нашъ дорогой другъ. Но и въ ма
лое время ты успѣлъ показать великій при
мѣръ доблестнаго служенія долгу и ближ
нимъ. Для большинства изъ насъ осталось
тайною, сколько добра ты посѣялъ впродол
женіи всей своей многотрудной жизни, сколь
ко свѣтлыхъ воспоминаній, искреннихъ при
вязанностей и благодарныхъ чувствъ посе

лилъ ты въ простыхъ сердцахъ твоихъ паціентовъ, которые не умѣли краснорѣчиво выражать свою признательность, но тѣмъ горячѣе и искреннѣе молили, а можетъ быть и до сихъ поръ еще молятъ Бога, чтобы Онъ подалъ здоровья хорошему, доброму доктору. Ты пришелъ къ намъ изнуренный продолжительною трудовою жизнью, измученный тягостями и невзгодами военныхъ походовъ, въ которыхъ неоднократно участвовалъ, не щадя силъ своихъ на службѣ людямъ и отечеству. Мы не вправѣ были бы, кажется, требовать отъ тебя много. Но ты стоялъ выше нашего снисхожденія въ строгомъ и неуклонномъ исполненіи обязанностей своей службы. Всѣ мы помнимъ, въ какомъ плачевномъ состояніи ты засталъ у насъ больничное дѣло. Казалось бы не слабому старику, какимъ ты былъ тогда уже не по лѣтамъ, думать о какихъ бы то не было измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ. Къ нашему удивленію однако ты энерґично съ первыхъ же дней твоей службы принялся за это дѣло, и скоро мы воочію увидѣли благіе плоды твоей энергіи. Наша больница получила благоустройство и порядокъ; больныхъ ты окружилъ вниманіемъ и тщательнымъ уходомъ. Прекращеніе смертности среди студентовъ, пе-

редъ тѣмъ начинавшей принимать тревожны размѣры, послужило тебѣ несравненно болѣ краснорѣчивою похвалою, чѣмъ на каку способно мое слово.—Въ твоемъ лѣчені всегда чувствовалась твердая и увѣренна рука врача знающаго и опытнаго. Но эт далеко не все: для того, чтобы быть хорошимъ врачомъ, мало однихъ медицинских знаній, нужно сверхъ того быть психологомъ, нужно искусство—распознавать и создават настроенія, нужно словомъ умѣть подѣйствовать не только на тѣло, а и на духъ больного,—и ты владѣлъ этимъ искусствомъ. Твое вниманіе къ опасно больному простиралось гораздо далѣе физическихъ симптомовъ болѣзни; ты тщательно слѣдилъ за его духовнымъ состояніемъ, ты согрѣвалъ его сердце лаской и участіемъ. Изъ достовѣрнаго источника я знаю, что еще дома, прежде чѣмъ итти къ тяжело больному, ты бывалъ озабоченъ не только изысканіемъ чисто медицинскихъ мѣръ и средствъ для борьбы съ болѣзнью,—а и тѣмъ какъ бы развлечь своего паціента, поднять его самочувствіе; тяжело больной часто дѣлается похожъ на ребенка; прекрасно зная это, ты придумывалъ занимательные разсказы, припоминалъ анекдоты, чтобы его потѣшить; зная, съ какою

уевѣрною надеждою относятся такіе боль-
ные къ одному только присутствію врача, ты
по часу и болѣе просиживалъ у ихъ постели,
занимая ихъ своими разговорами. Я лично
не могу достаточно возблагодарить тебя за
ту чисто-родственную заботливость, какою
пользовался отъ тебя, лежа почти на смерт-
номъ одрѣ, съ котораго ты, при помощи Бо-
жіей, меня поднялъ.—Вся жизнь твоя была
непрерывнымъ и неустаннымъ исполненіемъ
долга; ты состарился раньше времени, поло-
живъ здоровье и силы на служеніе обществу.
Ты отдалъ людямъ все—и за это какая на-
града? Слишкомъ безкорыстный, чтобы обез-
печить себя на случай потери силъ; ты предъ
смертью долженъ былъ отказывать себѣ въ
тѣхъ небольшихъ удобствахъ, къ какимъ
привыкъ раньше, и которыя были особенно
важны для больного человѣка. Но ты не роп-
талъ, ибо ты былъ увѣренъ, что на небѣ
найдешь себѣ воздаяніе, котораго не могъ по-
лучить на землѣ.

Въ свою служебную дѣятельность ты вла-
галъ рѣдкія качества твоей души, твоей
нравственной личности. Еще ярчѣ сказыва-
лись эти качества въ кругу лицъ, близко
тебя знавшихъ. Въ академической корпора-
ціи твое положеніе и значеніе далеко не

соотвѣтствовали твоему скромному мѣсту въ оффиціальныхъ спискахъ академическихъ служащихъ: твой домъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ, которыми держится нравственная связь нашего кружка, ты самъ пользовался такимъ единодушнымъ уваженіемъ и такою искреннею любовію, какія выпадаютъ на долю немногихъ, и это было безъ сомнѣнія потому, что по своимъ нравственнымъ достоинствамъ ты также принадлежалъ къ числу немногихъ. Чуждый всякаго заискиванія предъ высшими и вліятельными, неизмѣнно добрый и ласковый съ младшими, всегда полный добродушія и благодушія, ты привлекалъ къ себѣ всѣ сердца, не задаваясь этою цѣлію и незамѣтно для самого себя, почти всѣ окружающіе были твоими друзьями, для всѣхъ ты былъ какъ родной; всѣ одинаково ласково звали тебя за глаза и часто въ глаза „дядей Ваней“, и никто, совсѣмъ никто не былъ твоимъ врагомъ. Послѣднее особенно удивительно, если принять во вниманіе твою необыкновенную прямоту, не взиравшую на лица, твой нелицемѣрный языкъ, говорившій всѣмъ правду въ глаза, твои остроумныя подсмѣиванія, неукоснительно преслѣдовавшія человѣческія слабости и грѣшки, твоя прямота и твои

шутки никого не обижали, потому что въ нихъ никогда не было и тѣни личнаго раздраженія, или желанія уязвить своего ближняго подъ видомъ любви къ истинѣ; въ нихъ напротивъ всегда сквозили твоя обычная сердечность и добродушіе. Твои добрые, порою дѣтски ясные глаза, отражавшіе, какъ въ зеркалѣ, твою чистую душу, говорили каждому, что ты не могъ питать злыхъ чувствъ къ людямъ, и потому едва ли кто былъ въ состояніи на тебя сердиться. Твой душевный миръ и душевная ясность невольно сообщались окружающимъ, и вотъ причина, почему всѣ мы такъ любили твое общество и искали его.

Великое, святое дѣло—облегчать человѣческія страданія, вырывать человѣка изъ смертной пасти, возвращать семьѣ и друзьямъ дорогое, горячо любимое существо, обществу полезнаго члена. Все это дѣлалъ ты и дѣлать это ставилъ своею прямою задачею. Но есть другая миссія, еще болѣе высокая и важная, которая часто оказывается непосильною великимъ и сильнымъ міра сего и которая сообщаетъ выполняющему ее величіе даже въ скромной долѣ; она заключается въ томъ, чтобы поддерживать въ людяхъ вѣру въ человѣка, въ человѣческое

добро и правду. Этой миссіи ты послужил много и благородно, самъ того не сознавая и не замѣчая. Но это видѣлъ Тотъ, Кому принадлежитъ воздаяніе, въ Кого ты всегда вѣровалъ такъ твердо, просто и по-христіански. Пусть же упокоитъ Онъ душу твою въ селеніяхъ праведныхъ!

Погребеніе было совершенно на Кокуевскомъ кладбищѣ, куда сопровождало гробъ все духовенство вмѣстѣ со мною, сослуживцы покойнаго, родственники и немало простого народа. По возвращеніи съ кладбища всѣ отправились къ вдовѣ покойнаго на поминовеніе усопшаго.

Почившій получилъ образованіе въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1863 году. Изъ Университета И. К. поступилъ на военно-медицинскую службу въ 4-й гренадерскій Несвижскій генералъ-фельдмаршала гр. Барклая де-Толли полкъ. Здѣсь И. К. пробылъ до 1894 года, когда и былъ приглашенъ врачомъ въ Московскую Академію.

10 декабря *молились по И. Н. Корсунскомъ*. Прошелъ уже годъ, какъ не стало въ Академіи этого рѣдкаго человѣка. А всѣ еще очень живо помнили этого человѣка вѣчно занятаго, вѣчно заботящагося о разныхъ униже

ныхъ, обиженныхъ, обездоленныхъ, голодныхъ, холодныхъ, мужа науки, прекраснаго христіанина. По совершеніи литіи на могилѣ покойнаго, всѣ собрались на поминальную трапезу къ вдовѣ покойнаго О. А. Скорбныя думы вызывала въ душѣ эта вечеря. Собрались всѣ одной семьей помянуть его и собрались несомнѣнно послѣдній разъ. Можетъ быть, уже никогда больше академическая семья не соберется такъ дружно вмѣстѣ, чтобы почтить память почившаго. Безпощадное время будетъ вырывать у всѣхъ страницу за страницей изъ жизнеописанія, полнаго многимъ поучительнымъ и назидательнымъ для всѣхъ, безъ всякаго различія въ званіи, состояніи и положеніи.

20 и 21 декабря были въ Академіи днями ученыхъ торжествъ. 20 декабря помощникъ инспектора Академіи *А. И. Покровскій* [1]) *защищалъ диссертацію*, представленную для соисканія ученой степени магистра богословія, подъ заглавіемъ: „Библейское ученіе о первобытной религіи" (Опытъ библейско-апологетическаго изслѣдованія). Диспутантъ—сынъ набюдателя сельскихъ школъ вѣдомства Им-

---

1) Послѣ нѣкоторое время состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ Академіи по каѳедрѣ Библейской Исторіи.

ператрицы Маріи. Высшее богословское образованіе получилъ въ Московской Академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1897 году. Кромѣ магистерскаго сочиненія, авторомъ напечатаны слѣдующія статьи въ различныхъ журналахъ: — „Философъ Аристидъ и его недавно открытая апологія". (Бог. Вѣстн.), „Очерки внѣшней и внутренней исторіи протестантизма за 19 вѣкъ" (Изд. проф. Лопухина), „Критическій разборъ эволюціонной теоріи первобытной религіи" (Бог. Вѣстн.), „Библія, какъ основной источникъ для изслѣдованія о первобытной религіи" (Тамъ же) и рядъ мелкихъ критическихъ статей, библіографическихъ рецензій на книги богословскаго и философскаго характера.

Въ живой, мастерски составленной рѣчи, произнесенной предъ коллоквіумомъ, диспутантъ выяснилъ современное положеніе вопроса о первобытной религіи въ наукѣ, отношеніе своего труда къ господствующему направленію позитивистовъ, указалъ методъ, характеръ, планъ своего изслѣдованія. Оффиціальными оппонентами были С. С. Глаголевъ и В. Н. Мышцынъ. [1]) С. С. указалъ въ сочиненіи диспутанта нѣсколько невѣрныхъ, уста-

---

[1]) Нынѣ профессоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея.

рѣлыхъ положеній въ геологіи, палеонтологіи, миѳологіи и исторіи, не всегда удачныя ссылки, нѣкоторые методологическіе промахи. Затѣмъ С. С. отмѣтилъ немало весьма большихъ достоинствъ сочиненія диспутанта и пожелалъ ему успѣха въ дальнѣйшихъ ученыхъ работахъ его. Замѣчанія В. Н. касались больше филологической стороны труда и отчасти его метода. Профессоръ Мышцынъ указалъ нѣсколько неточностей въ области экзегезиса еврейскаго текста, на невыдержанность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ научнаго метода, на недостаточно полное и всестороннее использованіе еврейскаго текста въ своихъ собственныхъ цѣляхъ. И второй оппонентъ отозвался о сочиненіи диспутанта съ похвалой. Въ качествѣ неоффиціальныхъ оппонентовъ диспутанту возражали доцентъ Академіи П. В. Тихомировъ и Н. И. Виноградовъ. Первый сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній филологическаго характера, указалъ неточности въ цитаціи, а второй привелъ нѣсколько неточныхъ фразъ изъ встрѣченныхъ имъ въ сочиненіи А. И. Диспутантъ не безмолвствовалъ, на всѣ вопросы всегда давалъ отвѣты, хотя и не всегда удовлетворявшіе оппонентовъ. Совѣтъ Академіи призналъ защиту дессертаціи удовлетворительной и постановилъ ходатайство-

вать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи А. И. Покровскаго въ степени магистра богословія.

21 декабря состоялся второй диспутъ. Диспутантъ, преподаватель Виѳанской духовной семинаріи, Д. И. Введенскій [1]) защищалъ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: „Ученіе ветхаго Завѣта о грѣхѣ". Д. И.— сынъ священника с. Новаго, Московской губ. Высшее образованіе получилъ въ Московской Академіи, которую окончилъ въ 1898 году. Кромѣ магистерской диссертаціи диспутантомъ было напечатано въ разное время нѣсколько статей ученаго и популярнаго содержанія по различнымъ вопросамъ въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ", въ журналѣ „Вѣра и Церковь", въ „Богословскомъ Вѣстникѣ". Въ краткой рѣчи произнесенной диспутантомъ предъ защитой своей диссертаціи, былъ выясненъ планъ, методъ и характеръ сочиненія. Оффиціальными оппонентами были М. Д. Муретовъ и В. Н. Мышцынъ. По живости и интересности особеннаго вниманія заслуживало возраженія В. Н. о страданіяхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣтей за отцовъ. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ не былъ достаточно выясненъ диспутантомъ. Въ качествѣ неоф-

[1]) Нынѣ ординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ Библейской Исторіи.

фиціальнаго оппонента выступилъ Преосвящен. Ректоръ. Владыка указалъ на недостаточно основательное обслѣдованіе диспутантомъ вопроса о вознесеніи прор. Иліи на небо. Библейскій текстъ даетъ возможность отчасти сомнѣваться и представлять это вознесеніе нѣсколько иначе. Я привелъ мѣсто изъ Златоуста, которое еще болѣе подтвердило это возраженіе Преосвященнаго. Диспутантъ отвѣтилъ, что рѣшеніе даннаго возраженія не входило въ планъ его сочиненія... Возражали Д. И. Д. Ѳ. Голубинскій и Н. И. Виноградовъ. Совѣтъ Академіи призналъ защиту вполнѣ удовлетворительной и постановилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи Д. И. въ степени магистра богословія.

Изъ событій, имѣвшихъ мѣсто почти наканунѣ новаго года и столѣтія; нельзя не отмѣтить слѣдущихъ. Въ академической школѣ были устроены *двѣ* прекрасныя *елки*: одна для учениковъ академической школы, а другая—для учениковъ воскресной школы. Елки отличались громадными размѣрами и обѣ были весьма хорошо украшены всякой мишурой, конфектами, игрушками, коробочками съ сластями и т. п. Оба вечера прошли необыкновенно живо и весело. Дѣти пѣли свои простыя, незатѣйливыя пѣсни о козликѣ,

вымочившемся въ рѣкѣ и тому подобныхъ оказіяхъ. Многіе изъ нихъ читали басни Крылова. Нѣкоторыя басни были весьма недурно изображены въ лицахъ. На вечерѣ читали разсказы Чехова и другихъ авторовъ, показывали туманныя картины, жгли бенгальскіе огни. Къ концу вечера Преосвященнымъ Ректоромъ, присутствовавшимъ на елкахъ, были розданы дѣтямъ книжки, а мною— кулечки сластей. Восторгамъ дѣтей не было конца. Особенно привлекалъ ихъ вниманіе граммофонъ, привезенный въ школу изъ одного дома. Дѣти никакъ не могли представить, что это за оказія тамъ такая устроена, что поетъ, играетъ, смѣется, а никого нигдѣ кругомъ невидно. Вечеръ достигъ своего апогея, когда начали дѣлить сласти и подарки съ елки. Преосвященнаго школьники положительно взяли въ плѣнъ. Обступивъ со всѣхъ сторонъ, просили у него то коробочку, то какой-либо фокусъ, то флачекъ, то подсвѣчничекъ, то конфекту. Чтобы достать изъ его рукъ тотъ или другой подарокъ, пускались даже на хитрости: высоко подпрыгивали и выхватывали изъ рукъ понравившуюся ту или другую вещь. Любопытную картину представляла собою эта дѣтвора, когда елка была опрокинута на

полъ. Сотни дѣтскихъ рукъ съ поразительной проворностью копошились въ зелени елки, отыскивая тамъ что-либо для себя. Не видно было головъ, все слилось въ одну кучу. Какая-то представлялась одна темная масса, копошащаяся съ необыкновеннымъ проворствомъ въ вѣтвяхъ елки.

Радости дѣтей, побывавшихъ на этомъ вечерѣ, нельзя описать. Они пѣли Преосвященному „исполла эти деспота", кричали даже ура. Да и понятна эта дѣтская радость. Большинство изъ нихъ—страшные бѣдняки. Если бы школа не пришла на помощь, то имъ никогда бы не видать у себя дома не только такой елки, но и хотя бы въ тысячу разъ худшей. А каждая академическая елка стоила болѣе 50 рублей.

Учебная половина года и конецъ столѣтія закончились въ Академіи духовнымъ торжествомъ. 30 декабря помощникъ Инспектора Академіи В. П. Шипулинъ былъ *постриженъ въ монашество и названъ Борисомъ* [1]). Постриженіе состоялось въ Геѳсиманскомъ скиту при весьма торжественной обстановкѣ. Литургію въ этотъ день въ скиту совершалъ я. Пѣли лаврскіе пѣвчіи.

[1]) Нынѣ епископъ, викарій Казанской епархіи.

Хотя обрядъ постриженія и былъ соверше[н]ъ въ скиту, вдали отъ людей, но любовь, ка[ко]ю пользовался постригаемый, собрала сюд[а] немало народа отовсюду. Постриженіе В. П[.] совершалъ преосвященный Ректоръ на ма[ло]мъ входѣ. Трогательно, проникновенно чи[та]лись Преосвященнымъ молитвы постриже[нія], твердо и рѣшительно произносилъ обѣтъ постригаемый служить Христу самоотвержен[но] до конца дней своихъ. Многіе при этомъ не могли удержаться отъ слезъ. Плакали не только молодые, но и старые иноки, свык[шіе]ся и сроднившіеся съ своей трудной жизнью. Но то были не слезы скорби, но слезы радости и умиленія.

По окончаніи литургіи новопостриженный былъ врученъ старцу, о. іеромонаху Іасону для руководства въ духовной жизни. Затѣмъ Преосвященный обратился къ новопостриженному съ рѣчью. Въ своей рѣчи Владыка между прочимъ глубоко волнуясь, говорилъ: „рука моя, не дрогнула, когда я положилъ свою руку на главу твою, чтобы постричь тебя“. И это вполнѣ справедливо. Жизнь постриженнаго хорошо извѣстна. И на родинѣ, и въ семинаріи, и въ Академіи о немъ можно было слышать только одно почти хорошее. Онъ готовъ былъ всегда быть для всѣхъ

слугой. Не умѣлъ онъ отказываться никогда отъ исполненія различныхъ просьбъ, какъ бы онѣ не были затруднительны. Вотъ почему весь его рабочій день, съ ранняго утра и до поздней ночи, былъ весь рѣшительно занятъ. И едва ли не большая часть всего этого времени шла на другихъ. О глубинѣ религіознаго настроенія новопостриженнаго не говоримъ. Къ великому монашескому подвигу онъ такъ подготовился, какъ весьма немногіе могутъ приготовиться. Онъ совершилъ паломничество до постриженія на Соловки, Валаамъ, Коневецъ, побывалъ на Аѳонѣ, въ Палестинѣ, Галилеѣ. Не осталось почти ни одного мѣстечка священнаго въ Палестинѣ, на которомъ не былъ бы онъ.

Кончился старый вѣкъ. Мы стояли у порога новаго. Невольно мысль переносилась къ этимъ новымъ временамъ и невольно спрашивала себя, что встрѣтитъ на своемъ пути наша школа въ грядущемъ столѣтіи. Ждутъ ли ее годы прогресса, славы, процвѣтанія, или надъ ней пронесутся тяжелыя годины, можетъ быть, упадка и безславія. Никто не можетъ поднять таинственную завѣсу будущаго и дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но хотѣлось вѣрить, что свѣточъ Академіи не померкнетъ и въ грядущемъ

столѣтіи, что бы она не встрѣчала на своем
жизненномъ пути. Слишкомъ прочно истори
ческое основаніе, на которомъ *наздана* она
Пусть, желали мы родной Академіи свѣт
лое грядущее будущее все болѣе и бо
лѣе пріосѣняетъ ее, пусть, какъ рѣка полно
водная, пронесетъ она сѣмена своего ученія
до края земли русской и найдетъ отзвукъ
въ каждой душѣ христіанской. Пусть она
будетъ свѣточемъ для тѣхъ, которые, не вы
несши лжеименнаго знанія, сбились съ истин
наго пути, блуждаютъ въ непроглядной тьмѣ,
увѣряя другихъ, что они ходятъ во свѣтѣ.
Если когда-либо невѣріе, вооруженное мни
мою ученостью, устремится на св. церковь
во всеоружіи своего лжеименнаго знанія,
пусть она возстанетъ въ тѣ годины и силою
своею побѣдитъ враговъ креста Христова.

1902 годъ.

1-го октября Академія праздновала съ обычной торжественностью свой годичный праздникъ. Наканунѣ, 30-го сентября, утромъ были совершены заупокойная литургія и великая панихида по „начальствовавшимъ, учившимъ и учившимся, благодѣявшимъ и служившимъ“ въ Академіи. Съ вечера былъ отслуженъ парастасъ. Вмѣсто причастнаго стиха на заупокойной литургіи студентомъ 4-го курса Н. Лебедевымъ было произнесено слово, посвященное памяти почившихъ наставниковъ, оставившихъ по себѣ незабвенную память. Панихиду совершалъ Преосвященный Ректоръ въ сослуженіи всего академическаго духовенства, а парастасъ и заупокойную литургію — я. Въ день праздника литургію совершалъ Преосвященный въ сослуженіи адемическаго духовенства, а также и духовенства, прибывшаго на праздникъ изъ Москвы и

Посада. За литургіей вмѣсто причастнаго стиха было произнесено слово „Об истинѣ“ студентомъ 4-го курса Л. Поповымъ. Въ словѣ авторъ краснорѣчиво говорилъ о значеніи истины въ жизни человѣка какъ практической, такъ и теоретической, и особенно въ жизни и дѣятельности высшей духовной школы. По окончаніи литургіи былъ совершенъ торжественный молебенъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Непосредственно по окончаніи богослуженія въ актовомъ залѣ состоялся актъ. Актовую рѣчь читалъ профессоръ по каѳедрѣ психологіи П. П. Соколовъ. Рѣчь была написана на тему: „О вѣрѣ“. По прочтеніи рѣчи студенческимъ хоромъ былъ исполненъ концертъ. Затѣмъ вниманію собравшихся на актъ былъ предложенъ отчетъ о состояніи Академіи во всѣхъ отношеніяхъ въ минувшемъ учебномъ году. Послѣ отчета лучшимъ студентамъ Академіи были розданы награды. Въ почетные члены Академіи были избраны слѣдующія лица:

1) Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Саратовскій и Царицынскій,—во вниманіе къ его долговременной полезной дѣятельности на поприщѣ служенія духовнаго просвѣщенія въ средней и высшей школахъ; 2) быв-

шій заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, Статскій Совѣтникъ, Михаилъ Ивановичъ Каринскій,—во вниманіе къ его многолѣтней глубокополезной преподавательской дѣятельности и философскимъ трудамъ высокой научной цѣнности [1]); 3) бывшій заслуженный ординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Петръ Васильевичъ Знаменскій,—во уваженіе къ его учено-литературной и многолѣтней профессорской дѣятельности; 4) Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Θедоръ Ивановичъ Успенскій,—во уваженіе къ его многочисленнымъ трудамъ по церковной и гражданской исторіи Византіи и церковной археологіи.

Не безплодно прошелъ годъ для Академіи и въ ученомъ отношеніи. Ученыя занятія профессоровъ отличались обычной энергіей. Профессоры Академіи принимали дѣятельное участіе не только въ своемъ академическомъ журналѣ, но и находили еще время работать въ не-академическихъ журналахъ и изданіяхъ.

---

1) Воспитанникъ Московской Дух. Академіи.

Ученыхъ степеней Совѣтомъ Академіи удостоены были слѣдующія лица:

Степени доктора богословія удостоенъ и Св. Синодомъ утвержденъ экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ, магистръ богословія, С. С. Глаголевъ за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной Церкви“. Харьковъ. 1900 г.

Степени магистра богословія удостоены слѣдующіе кандидаты богословія: 1) преподаватель Виѳанской духовной семинаріи Дмитрій Введенскій за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ“. Троице-Сергіева Лавра. 1901 г.; 2) помощникъ Инспектора Московской Духовной Академіи Александръ Покровскій за сочиненіе: „Библейское ученіе о первобытной религіи. Опытъ библейско апологетическаго изслѣдованія“. Троице-Сергіева Лавра. 1901 г. и 3) преподаватель Уфимской духовной семинаріи іеромонахъ Ѳаддей (Успенскій) за сочиненіе: „Единство книги пророка Исаіи“. Троице-Сергіева Лавра. 1901 г. Всѣ изъ новыхъ магистровъ извѣстны и своими литературными трудами, которыя они помѣщали въ различныхъ періодическихъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ.

Фундаментальная академическая библіотека въ учебномъ году пополнилась 1401 названіемъ книгъ, журналовъ и брошюръ въ 5117 томахъ и тетрадяхъ. Изъ наиболѣе цѣнныхъ изданій, на пріобрѣтеніе которыхъ Академія никогда не щадила своихъ средствъ, можно отмѣтить слѣдующія:

1) *Mansi*. Sacrorum concilior. nova et ampl. collectio. I—VI. 300 франковъ.

2) *Hardouin*. Collectio regia concilior., Vol. 12. 486 марокъ.

3) *Kuno-fischer*. Gesch. d. neuern Philos., Iubil.—Ansg. 129 марокъ.

Богатѣйшія книжныя сокровища Академіи не оставались безъ должнаго вниманія со стороны студентовъ и профессоровъ. Нигдѣ, говорятъ, такъ много не работаютъ въ библіотекѣ, какъ въ Московской Академіи. Покойный Ректоръ Академіи А. В. Горскій не ставилъ въ вину студенту опущеніе даже лекцій, если онъ только въ это время занимался въ библіотекѣ. Требовательныхъ листковъ, по которымъ студенты получаютъ книги изъ библіотеки, въ теченіе года израсходовано 6905. Полагая, что по каждому листку среднимъ числомъ было затребовано 4 названія и 7 томовъ, общее количество затребованныхъ студентами книгъ будетъ равняться 27620

названіямъ и 48335 томамъ. Такимъ образомъ на каждаго въ годъ приходилось по 129 названій и по 225 томовъ. Профессорамъ и преподавателямъ Академіи было выдано 2320 названій и 3624 томахъ и тетрадяхъ.

Нельзя съ чувствомъ радости не отмѣтить того, что благотворительныя средства Академіи увеличивались съ каждымъ годомъ, благодаря учрежденію въ ней различными частными лицами то полныхъ *стипендій*, то благодаря единовременнымъ крупнымъ вкладамъ. Среди бывшихъ питомцевъ Академіи начинала все болѣе и болѣе укрѣпляться наисимпатичнѣйшая мысль учреждать въ Академіи стипендіи своего курса.

Такъ, въ 1899 году ординарнымъ профессоромъ Академіи В. А. Соколовымъ, по предварительномъ соглашеніи съ товарищами своего курса, была учреждена при Московской Академіи премія XXXI курса за лучшія кандидатскія сочиненія. На премію собрано 880 рублей. Премія, согласно волѣ жертвователей, выдается черезъ каждые два года. Итакъ, сойдутъ со сцены жизни питомцы XXIX курса, а память ихъ будетъ жить не только въ воспоминаніяхъ о нихъ, но и въ болѣе реальномъ и осязательномъ видѣ, въ видѣ матеріальной поддержки, въ видѣ ма-

теріальнаго поощренія ученаго труда,—труда кропотливаго, напряженнаго, награды за безсонныя ночи, за талантливый трудъ. Не велики эти деньги. Но для человѣка, выходящаго на волю изъ теплаго угла безъ копейки и безъ надежды на скорый пріютъ тамъ или здѣсь, это великія деньги. И не разъ юный кандидатъ, осчастливленный денежной наградой, скажетъ спасибо питомцамъ XXIX курса.

По примѣру кандидатовъ XXIX курса въ 1901 году при Московской Академіи положено начало учрежденію полной стипендіи питомцевъ „XXXVII курса" (1878—1882). Первый внесъ лепту на это благое дѣло въ размѣрѣ 600 р. Преосвященный Сергій, тогда епископъ Уманскій. Какъ и самъ онъ заявлялъ пишущему эти строки, это не послѣдняя его лепта. Онъ обѣщалъ пополнить ее въ значительной мѣрѣ новыми своими жертвами. Теперь въ газетахъ и черезъ Братство Преп. Сергія публикуются свѣдѣнія объ этомъ добромъ дѣлѣ съ цѣлію привлеченія питомцевъ этого курса къ участію въ основаніи полной стипендіи. Въ настоящее время нѣкоторые изъ кандидатовъ „XXXVII курса" уже откликнулись на это благое дѣло и принесли отъ себя посильную лепту.

Пиша эти строки, не могу не остановиться своею мыслію на слѣдующемъ.

Если бы эта добрая идея учреждать при Академіи стипендіи и преміи курса распространилась среди питомцевъ ея возможно въ большихъ размѣрахъ, тогда мы имѣли бы цѣлый длинный рядъ новыхъ стипендій и премій, которыя бы облегчали жизнь будущихъ питомцевъ Академіи. А въ рядахъ ихъ будутъ несомнѣнно со временемъ и потомки принесшихъ лепту въ общую академическую сокровищницу. Такимъ образомъ каждый учреждалъ стипендію какъ бы для себя самого. Но вѣдь есть и другія соображенія при этомъ. Не говоримъ о томъ, что каждый изъ питомцевъ Академіи получилъ отъ нея. Академія дала возможность ему стать на ноги, открыла предъ нимъ извѣстныя общественныя преимущества и путь къ служенію обществу на различныхъ высшихъ постахъ. Если вспомнить, что каждый изъ питомцевъ Академіи взялъ у нея на свое содержаніе болѣе 880 рублей, то мысль о необходимости хотя нѣкоторой уплаты этихъ денегъ станетъ, кажется, еще яснѣе. Мы не говоримъ о томъ, чтобы каждый уплатилъ весь свой долгъ Академіи полностью. Пусть бы онъ уплатилъ только восьмую часть этого долга, при томъ

уплатилъ бы въ теченіе всей своей двадцатипятилѣтней службы. Такую уплату нельзя, конечно, считать обременительной, потому что пришлось бы платить каждогодно всего по 4 рубля. Если на курсѣ было 60 человѣкъ, то вѣдь черезъ 25 лѣтъ получилась бы совершенно незамѣтно полная стипендія курса въ 6000 рублей. Если принять во вниманіе, что на каждомъ почти курсѣ бываютъ студенты - монахи, которые могутъ легко взять на себя трудъ уплатить шестую часть стипендіи, что изъ кандидатовъ каждаго курса бываютъ весьма обезпеченные люди, то эта четырехрублевая ежегодная жертва можетъ быть сокращена почти на цѣлый рубль въ годъ.

Если бы мои мысли пробудили бы когонибудь изъ питомцевъ курса къ основанію при Академіи стипендіи, то нельзя при этомъ не посовѣтывать слѣдующаго. Необходимо рѣшать это дѣло о стипендіи непремѣнно при окончаніи курса, когда всѣ товарищи находятся на лицо, а не разсѣяны по всему лицу земли. Впослѣдствіи многіе успѣютъ забыть Академію, а нѣкоторые и умереть. Да и какой благовременный это моментъ. Вотъ собрались въ послѣдній разъ въ прощальную трапезу. Вспоминается все прошлое. Проходятъ предъ взоромъ всѣхъ картины минув-

шихъ свѣтлыхъ дней. Даются горячіе обѣты помнить другъ друга и завѣты воспитавшей ихъ Академіи...

8 ноября академическая корпорація праздновала *десятилѣтіе своего академическаго журнала*. Въ этотъ день Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи была совершена литургія въ сослуженіи многочисленнаго академическаго духовенства, а по окончаніи литургіи молебенъ безплотнымъ силамъ. Послѣ благодарственной молитвы въ храмѣ, перешли въ комнаты Преосвященнаго, гдѣ состоялось общее собраніе всѣхъ членовъ академической корпораціи. Немало было, при этомъ, сказано о прошломъ академическаго журнала, о настоящемъ его положеніи, о желательной постановкѣ въ дальнѣйшее время. По общему желанію всѣхъ присутствовавшихъ были посланы отъ имени Академіи привѣтственныя телеграммы: Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященному Владиміру, Митрополиту Московскому, покровителю и благотворителю журнала, и Преосвящен. Антонію, Епископу Уфимскому [1]), основателю журнала. За скромной, но оживленной трапезой, послѣдовавшей за собраніемъ, провозглашались здравицы за бывшихъ и настоя-

---

[1]) Нынѣ архіепископъ Харьковскій.

щихъ главныхъ дѣятелей по журналу и произносились рѣчи, изъ которыхъ приводимъ здѣсь двѣ: рѣчь теперешняго редактора журнала э. о. проф. А. А. Спасскаго и рѣчь бывшаго редактора ордин. проф. В. А. Соколова [1]).

Проф. А. А. Спасскій говорилъ слѣдующее:

Ваше Преосвященство и все достопочтенное собраніе!

„Позвольте мнѣ,—человѣку, поставленному ближе другихъ къ интересамъ академическаго журнала,—сказать нѣсколько словъ по поводу нашего сегодняшняго собранія.

Въ дѣятельности какого-то бы ни было учрежденія, какъ и въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, бываютъ моменты, когда обычная сутолока вещей, поглощающая вниманіе, отступаетъ назадъ, когда время какъ-бы останавливаетъ свое теченіе, чтобы дать возможность, забывши о заботахъ настоящаго, окинуть однимъ взглядомъ прошедшее, сознательнѣе вглядѣться въ потраченныя усилія, подсчитать и оцѣнить достигнутые результаты. Какъ вѣхи на дорогѣ путника, эти моменты служатъ естественнымъ обозначеніемъ пройденнаго пути и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ мѣру труда, потребнаго еще для

[1]) Нынѣ заслуженный профессоръ (въ отставкѣ) и почетный членъ Академіи.

достиженія намѣченной цѣли, заставляя взвѣсить свои силы, прежде чѣмъ отважиться на дальнѣйшій путь. Такимъ моментомъ самооцѣнки и является настоящее торжество для нашего академическаго журнала или, иначе говоря, для нашей общей работы по изданію его.

Десять лѣтъ существованія—и существованія не вполнѣ блестящаго — это періодъ слишкомъ короткій для того, чтобы могла точно, во всѣхъ деталяхъ проявиться литературная физіономія журнала и твердо установиться его мѣсто и значеніе въ ходѣ нашей церковно-общественной жизни и духовнаго просвѣщенія. Это—періодъ роста, постепеннаго сформированія журнала, неизбѣжно соединенной съ нѣкоторою неопредѣленностью и колебаніями въ пониманіи его задачъ и направленія,—періодъ, за которымъ должно еще послѣдовать мужественное проявленіе его силъ. Но въ наши дни, когда и болѣе обозначенныя публицистическія предпріятія возникаютъ и падаютъ чуть не во мгновеніи ока, десяти лѣтъ вполнѣ довольно, чтобы провѣрить жизнеспособность журнала и испытать прочность его литературной позиціи. Въ этомъ отношеніи десятилѣтнее прошлое „Богосл. Вѣстн.“, давало нѣкоторыя любопытныя наблюденія.

Интересны условія, при которыхъ создавался новый журналъ. Академія тогда переживала тревожныя минуты раздумья: продолжать старое изданіе было невозможно, за отсутствіемъ средствъ; расчитывать на субсидію свыше не имѣло основаній; остаться же безъ своего печатнаго органа было неловко и неудобно. И вотъ въ такихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ, какъ единственный почетный выходъ изъ нихъ, возникла и осуществилась мысль объ изданіи новаго ежемѣсячнаго, научно-популярнаго богословскаго журнала. За исключеніемъ небольшого капитала, процентовъ съ котораго не хватило бы для того, чтобы окупить одну книжку, никакихъ матеріальныхъ гарантій, обычныхъ для подобныхъ предпріятій, не было и не предвидѣлось. Единственнымъ ручательствомъ за будущее журнала являлись лишь вѣра въ свои силы и надежда на поддержку общества, но и этотъ идеальный капиталъ при встрѣчѣ съ дѣйствительностью долженъ былъ терпѣть жестокія разочарованія. Новое предпріятіе не нашло себѣ сочувствія въ тѣхъ сферахъ, одобреніе которыхъ прежде всего могло бы принести осязательную пользу. Зачѣмъ,—говорили,—издавать новый журналъ, да еще съ современными задачами, когда

старое изданіе, заслужившее почтенную извѣстность, удовлетворяло цѣлямъ Академіи? Самое названіе новаго журнала подверглось строгой, хотя и негласной, цензурѣ: какія—спрашивали—вѣсти или новости могутъ быть въ богословіи, если оно основывается на преданномъ отъ древности ученіи церкви. И не только въ этихъ сферахъ, но и ближе къ Академіи, внутри ея корпораціи (въ этомъ время уже признаться) были лица, не раздѣлявшіе общаго одушевленія, ждавшіе отъ журнала не успѣха, а публичнаго скандала,—и повидимому имѣвшіе на то основанія. Новый журналъ задавался на первый взглядъ необычайными цѣлями—соединить науку и популярность, быть органомъ отвлеченнѣйшей дисциплины и занимать незнакомое съ ней общество, служить одновременно Богу и мамонѣ. Нужно было опасаться чего-либо изъ двухъ: или журналъ не выдержитъ своей позиціи академическаго изданія или не найдетъ ни малѣйшей поддержки у читателей.

Прошло десять лѣтъ—и неосновательность всѣхъ этихъ опасеній фактически была доказана существованіемъ журнала. Правда, расчеты основателей его на сочувствіе публики не оправдались въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ

оно предполагалось, но это общая участь всѣхъ духовныхъ журналовъ, и причины ея понятны. Напротивъ, для нашего журнала должно быть поставлено въ особую заслугу то, что несмотря на всѣ невзгоды и житейскія затрудненія, онъ съ успѣхомъ выдержалъ борьбу за существованіе и занялъ почетное мѣсто въ ряду своихъ литературныхъ собратій. За все десятилѣтіе онъ ни разу не ронялъ и высокаго званія академическаго изданія; никакихъ новшествъ богословскихъ или церковныхъ онъ не проповѣдывалъ; вездѣ и всегда онъ былъ вѣрнымъ поборникомъ богословской науки, церкви и православія. Служа интересамъ чистой науки, поскольку это совмѣщалось съ задачами его, онъ въ то же время стремился итти и на встрѣчу потребностямъ читающаго общества и по мѣрѣ силъ удовлетворялъ ихъ, не спускаясь на уровень читателя, но стараясь возвысить его до себя. Наши духовные журналы обыкновенно упрекаютъ въ безжизненности, въ недостаткѣ интереса къ текущимъ вопросамъ времени, но эти упреки въ значительной мѣрѣ объясняются тѣмъ, что часто отъ духовныхъ журналовъ требуютъ того, чего они не могутъ дать по самымъ условіямъ своего бытія. Я не знаю, дѣлалъ ли кто-

нибудь опытъ хотя бы бѣгло просмотрѣть содержаніе книжекъ нашего журнала за истекшее десятилѣтіе... Этотъ опытъ я дѣлалъ, и былъ пріятно пораженъ количествомъ статей, посвященныхъ современнымъ темамъ. За все десятилѣтіе я затруднился бы указать какое-либо крупное явленіе въ нашей церковной и религіозной жизни, какой-либо замѣчательный фактъ въ области нашего богословія и философіи, который бы не былъ отмѣченъ на страницахъ журнала, не нашелъ бы здѣсь такого или иного отклика. И не только наша родная церковная и научно-богословская жизнь, но и важнѣйшія событія ученой и религіозной жизни Запада всегда находили себѣ здѣсь надлежащее мѣсто и должную оцѣнку.

Конечно, журналъ далекъ еще отъ совершенства; его матеріальное положеніе хотя и удовлетворительно, но непрочно; его распространеніе въ читающей публикѣ, можно сказать, незначительно; его задачи доселѣ не осуществляются въ той степени, въ какой это было желательно. Нужно будетъ еще много общаго труда и энергическихъ усилій, чтобы сдѣлать его дѣйствительной силой духовнаго просвѣщенія и создать ему вліяніе въ обществѣ. Но уже и истекшая десятилѣт-

ная дѣятельность журнала, ознаменованная многими плодотворными сторонами, показываетъ, что этотъ трудъ, эти старанія не останутся напрасными, что изданіе журнала, служащаго не только наукѣ, но обществу и просвѣщенію, есть такое дѣло, которымъ стоитъ заниматься и которое можетъ оправдать себя и нравственно и матеріально. Въ укрѣпленіи этого сознанія, въ подтвержденіи этой жизненности нашего предпріятія я вижу главное значеніе нашего сегодняшняго праздника.

Но всѣмъ этимъ своимъ успѣхамъ, всѣми своими достоинствами и заслугами, журналъ всецѣло обязанъ Вашему, мм. гг., сочувствію къ нему, Вашимъ талантамъ и энергіи. Каждый изъ Васъ вложилъ свою долю труда въ это почтенное дѣло, потратилъ на него и силы и время,—силы и время дорогія, отнятыя иногда отъ другихъ болѣе прямыхъ обязанностей. Празднуемый сегодня юбилей нашего академическаго журнала есть юбилей нашихъ собственныхъ стараній, и каждый изъ насъ имѣетъ полное нравственное право на это скромное торжество.

Предлагаю тостъ за здоровье всёй корпораціи Московской Академіи, трудами которой существуетъ журналъ, за здоровье бывшихъ редакторовъ журнала, П. И. Горскаго-Плато-

нова и В. А. Соколова, и за здоровье всѣхъ прежнихъ и настоящихъ сотрудниковъ его.

Рѣчь проф. В. А. Соколова была отвѣтомъ на провозглашаемый тостъ и многолѣтіе за бывшихъ редакторовъ и состояла въ слѣдующемъ:

„Искренно благодаренъ уважаемому собранію за добрую память и любезное вниманіе. Изъ того десятилѣтія „Богословскаго Вѣстника“, исполненіе котораго мы сегодня празднуемъ, болѣе половины онъ былъ подъ моимъ наблюденіемъ. Не могу сказать, что въ моей жизни эти годы редакторства составляютъ одну изъ лучшихъ страницъ. Правда, было въ нихъ немало такого, что доставляло и радость и высокій интересъ, но за то, пожалуй, еще больше тяжелыхъ заботъ, безпокойствъ, разочарованій и огорченій. Нѣсколько изъ этихъ лѣтъ совпадали съ тою эпохой, когда и вообще нашей академіи жилось тяжко, журналу же приходилось прямо трепетать за жизнь свою, бороться противъ явнаго стремленія къ его закрытію. Слава Богу, эта пора миновала и „Богословскій Вѣстникъ“ дожилъ теперь до лучшихъ дней! И не скорбію вспоминаю я минувшіе тяжелые годы, а съ радостію, что ихъ уже нѣтъ, и съ надеждою, что подобныхъ никогда

впредь не будетъ. Радость моя тѣмъ сильнѣе, что и тяжелые годы ясно мнѣ показали, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Навсегда останется въ душѣ моей свѣтлое воспоминаніе и благодарная память о тѣхъ начальникахъ и сослуживцахъ, со стороны которыхъ неизмѣнно встрѣчалъ я во всякую трудную минуту братское сочувствіе, энергичную поддержку и добрый совѣтъ.—Позвольте же мнѣ поднять бокалъ за тѣхъ, которые въ пору и радости и горя всегда готовы помочь и постоять за общее академическое дѣло!“

Весь праздникъ носилъ задушевный, семейный характеръ и закончился вечернимъ собраніемъ въ квартирѣ редактора.

25 ноября академическая корпорація чествовала одного изъ своихъ членовъ, ординарнаго профессора по каѳедрѣ Догматическаго Богословія, доктора богословія, *Александра Дмитріевича Бѣляева*, по случаю исполнившагося въ этомъ году *25-лѣтія его учено-литературной и профессорской дѣятельности*. Не легко прожить 25 лѣтъ безъ опредѣленныхъ занятій. Еще труднѣе прожить 25 лѣтъ, находясь на высокомъ и отвѣтственномъ посту профессора высшей школы. Окидывая бѣглымъ взоромъ пройден-

ный юбиляромъ путь, положа руку на сердце, можно сказать, что онъ пройденъ съ честью.

Однако исключительное занятіе наукой не сдѣлали Александра Дмитріевича человѣкомъ, отгородившимся, такъ сказать, отъ всего свѣта. Изъ тишины своего ученаго кабинета онъ слѣдитъ за всѣми выдающимися явленіями современной жизни. На многія изъ нихъ откликается печатными своими трудами. Подъ его умѣлымъ и внимательнымъ руководствомъ многіе изъ питомцевъ Академій пишутъ магистерскія диссертаціи. Пользуясь вакаціальнымъ досугомъ, онъ совершивъ путешествія по Россіи, ѣздилъ и за границу. Мы не будемъ больше говорить о заслугахъ Александра Дмитріевича: сейчасъ за насъ скажутъ это другіе. Вмѣсто этого укажемъ нѣкоторые изъ его литературныхъ трудовъ. 1) О безбожіи и антихристѣ. Т. I: подготовленіе, признаки и время пришествія антихриста. Серг. Пос. 1898 г. XXIV—1034 стр. 2) Любовь божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви Божіей. Изд. 2-ое, исправл. и дополн. 3) Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ

для религіознаго развитія этихъ группъ народовъ. 4) О соединеніи церквей. 5) Очерки современной умственной жизни. 6) Характеристика археологіи. 7) Значеніе повѣствованія пророка Моисея о сотвореніи человѣка. 8) Протоіерей А. В. Горскій, Ректоръ Московской Духовной Академіи. Біографическій очеркъ съ портретомъ и др. Немало А. Д. написано и ученыхъ статей по различнымъ вопросамъ.

Чествованіе происходило въ домѣ юбиляра, куда къ 6 часамъ вечера собралась почти вся академическая корпорація. Прежде всего привѣтствовалъ юбиляра Преосвященный Ректоръ Академіи. Поздравивъ его съ знаменательнымъ днемъ жизни, Преосвященный въ краткихъ, но краснорѣчивыхъ словахъ характеризовалъ всю учено-литературную профессорскую дѣятельность юбиляра. Въ своей рѣчи онъ особенно отмѣтилъ распространенность трудовъ юбиляра, несмотря на ихъ спеціально богословскій характеръ. Онъ сравнилъ ихъ въ этомъ отношеніи съ сочиненіями свѣтскихъ писателей богослововъ, труды которыхъ пользуются широкимъ вниманіемъ всего русскаго общества. Широкая распространенность сочиненія несомнѣно свидѣтельствуетъ о высокомъ духовномъ укла-

дѣ писателя, который невольно привлекаетъ къ нему сердца всѣхъ, хотя бы они и не знали никогда и не видали писателя. Отмѣтилъ Преосвященный въ своей рѣчи и то, что юбиляръ никогда не измѣнялъ своему направленію. Все время его мысль вращалась какъ бы въ одной плоскости. Начавъ свою учено-литературную дѣятельность сочиненіемъ о Богѣ онъ закончилъ ее сочиненіемъ о великомъ противникѣ Бога антихристѣ. Труды, въ которыхъ юбиляръ раскрывалъ ученіе Бога и Христа Спасителя такими привлекательными чертами, даютъ надежду вѣрить, что силы юбиляра при помощи Божіей не оскудѣютъ еще многіе годы и юбиляръ будетъ еще долгое время украшеніемъ Академіи. Преосвященный закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ юбиляру дѣйствительно еще многіе годы трудиться съ успѣхомъ на поприщѣ науки, служить родной Академіи и ея питомцамъ и благословилъ его иконою Спасителя.

На рѣчь Преосвященнаго Ректора А. Д. отвѣчалъ слѣдующее:

„Ваше Преосвященство! Приношу Вамъ глубокую благодарность за любезное поздравленіе и за то, что и починъ празднованія юбилеевъ принадлежитъ Вамъ, хотя, правда,

празднованіе юбилеевъ профессоровъ вошло въ обычай въ здѣшней академіи. Благодарю Васъ и за вниманіе къ моимъ ученымъ трудамъ и оцѣнку ихъ. Благодарю Васъ и за поднесенный мнѣ Вами даръ. Эта икона Спасителя будетъ напоминать мнѣ о томъ, чтобы я благодарилъ Бога за подъятые мною при Его помощи въ теченіе 25 лѣтъ профессорскіе и учено-литературные труды и просилъ Его о дарованіи мнѣ силъ, здоровья, бодрости и Его помощи для дальнѣйшихъ трудовъ моей жизни.

Если къ моей дѣятельности примѣнить евангельскія требованія, то, конечно, она окажется недостаточной. Господь сказалъ: *когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоющіе, потому что сдѣлали что должны были сдѣлать* (Лук. 17, 10). А осмѣлюсь ли я сказать, что я все сдѣлалъ, что могъ и долженъ былъ сдѣлать? Впрочемъ при такихъ идеальныхъ требованіяхъ и самое празднованіе юбилеевъ едва ли даже возможно.

Если бы юбиляру сказали, что на его празднествѣ рядомъ съ одобреніемъ и похвалами его достоинствъ и трудовъ потребуютъ отчета въ томъ, что имъ не сдѣлано, или сдѣлано дурно, то едва ли кто

либо отважился бы праздновать свой юбилей.

Но есть и другой взглядъ на человѣческую дѣятельность, менѣе возвышенный, взглядъ житейскій, практическій, относительный. При такомъ взглядѣ лучше что-нибудь сдѣлать, чѣмъ ничего. При такомъ взглядѣ нельзя и не должно праздновать юбилеи тунеядцевъ и синекуристовъ, или людей и трудящихся, но столь бездарныхъ, что за какое дѣло они не возьмутся, только напортятъ, или и способныхъ, но загубившихъ свои таланты, или, наконецъ, загубившихъ свои силы и способности на зло. Правда, и при житейской точки зрѣнія люди взыскиваютъ за нерадѣніе, упущенія, злоупотребленія и вообще недостатки въ дѣятельности человѣка; но въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, люди изъ приличія умалчиваютъ о недостаткахъ дѣятельности и личности своего сочлена и лишь одобряютъ его труды и достоинства. И такого рода оцѣнка имѣетъ нѣкоторое жизненное значеніе: юбиляръ въ благожелательной оцѣнкѣ своей дѣятельности получаетъ награду за свои труды и поощреніе къ новымъ трудамъ, а его сотрудники имѣютъ случай проявить свои лучшія симпатическія чувства.

Вы изволили высказать одобреніе моимъ главнѣйшимъ ученымъ трудамъ. Хорошія сочиненія—плодъ талантовъ и труда. Таланты отъ Бога. Съ моей стороны нѣтъ заслуги, что отъ родителей я получилъ не скудный дарованіями духъ. Правда, въ жизни преимущественно за таланты и увѣнчиваютъ похвалами и наградами. Но въ евангельской притчѣ рабы одобрены и призваны принять награду не за то, что они получили много талантовъ, а за то, что они удвоили ихъ. Таланты пріумножаются усиліями, трудами. Заслуга человѣка въ томъ, если онъ не закопалъ свои таланты въ землю, а возрастилъ и умножилъ ихъ цѣлесообразнымъ и постояннымъ трудомъ. По дѣлу приращенія талантовъ пусть и не будетъ погрѣшности въ признаніи, что я приложилъ стараніе къ развитію своихъ способностей и что жизнь моя—жизнь трудовая, какъ и всѣхъ преданныхъ наукѣ людей; но сказать, что на два данныхъ мнѣ таланта я пріобрѣлъ другіе два, я не могу. Развѣ осмѣлюсь думать, что на два таланта я пріобрѣлъ одинъ талантъ".

Потомъ, юбиляра привѣтствовалъ, по выбору и по полномочію академической корпораціи, экстраординарный профессоръ по ка-

ѳедрѣ Педагогики А. П. Шостьинъ. Ораторъ говорилъ:

Глубокоуважаемый А. Д.!

Исполнилось 25 лѣтъ Вашей профессорской службы въ Академіи. Привѣтствовать Васъ съ этимъ событіемъ мы и собрались теперь. И на меня именно, какъ на старшаго Вашего ученика въ академической корпораціи, возложена обязанность высказать Вамъ это общее наше привѣтствіе, засвидѣтельствовать наше глубокое уваженіе и искреннее сорадованіе.

Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что четверть вѣка учено-философской дѣятельности представляетъ трудъ весьма почтенный и поприще нелегкое; пройдя его честно и съ пользой для многихъ, всякій имѣетъ достаточное основаніе радоваться. Ваше же профессорское служеніе, А. Д-чъ, соединено съ особенными трудностями и тѣмъ болѣе основаній Вы имѣете теперь радоваться и благодарить Бога. Вамъ, по смерти незабвеннаго А. В. Горскаго, была ввѣрена каѳедра Догматическаго Богословія, каѳедра особенно важная и отвѣтственная. И Вы съ честію проходили свое служеніе, строго охраняя чистоту и цѣлость православной истины и въ

то же время возводя изложеніе ея до философски-научной высоты. Академическія лекціи Ваши всегда отличались дивною твердостію и опредѣленностію убѣжденія. Слушатели ихъ непосредственно чувствовали, что Вы раскрываете глубочайшія истины вѣры церковной, сами усвоивъ ихъ сердцемъ во всей полнотѣ.—А Ваше всегдашнее стремленіе философски освѣщать догматы изъ одного высшаго начала возбуждало въ слушателяхъ живѣйшій интересъ, какъ нѣчто новое и оригинальное. Не рядъ параграфовъ и рубрикъ, подтвержденныхъ библейскими текстами да выдержками изъ святоотеческихъ твореній, представляла намъ Догматика въ Вашемъ изложеніи, а живой и внутренно-объединенный организмъ богооткровенной истины. Отдѣльныя части и положенія церковнаго вѣроученія поставлялись здѣсь не только рядомъ и въ извѣстной послѣдовательности, но и сливались въ тѣсную органическую связь съ другими основными истинами. Благодаря этому они сами становились болѣе понятными и обоснованными, а равно и тексты Св. Писанія получали болѣе широкое и жизненное выясненіе. Благодаря этому, съ другой стороны, даже и тѣ отдѣлы Догматики, которые считались у насъ съ семинар-

ской скамьи самыми сухими и схоластичны-ми, въ Вашемъ преподаваніи являлись очень интересными.

Тѣмъ болѣе интересными и важными для насъ были Ваши чтенія въ тѣхъ отдѣлахъ, въ которыхъ они представляли совершенную новинку не только по методу изложенія, но и по самому содержанію своему, и для которыхъ мы не могли подыскать параллели въ доступной намъ догматической литературѣ.

Таковъ, напримѣръ, былъ весьма обстоятельный очеркъ исторіи православной Догматики съ древнѣйшимъ временемъ.

Сверхъ того, интересъ и значеніе Вашихъ уроковъ увеличивались еще отъ юбилеевъ историко догматическаго матеріала, который Вы, при основательномъ знакомствѣ съ святоотеческой литературой, вносили въ курсъ щедрой рукой.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что это тщательное изученіе и хорошее знаніе святоотеческой литературы, такъ рекомендующее православнаго богослова, ощутительнѣе всего было обнаружено Вами, когда въ 1881—2 году Вамъ было поручено временное преподаваніе Патристики. Мы воочію видѣли тогда, что это порученіе не застало Васъ врасплохъ.

Этими воспоминаніями о томъ, что нѣкогда слышалъ я отъ Васъ въ аудиторіи на студенческой скамьѣ, я и долженъ ограничиться. Не мнѣ судить и оцѣнивать другіе Ваши ученые труды, которые вышли за предѣлы аудиторіи и, появившись въ печати, сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Они нашли уже себѣ надлежащую оцѣнку, когда самъ Святѣйшій Синодъ удостоилъ Васъ высшаго званія доктора богословія „за отличные по своимъ достоинствамъ ученые труды“. Но упомянувъ объ этихъ трудахъ, я не могу не выразить удивленія по поводу чрезвычайной разносторонности Вашихъ научныхъ интересовъ и занятій. Ведя, повидимому, замкнутую жизнь кабинетнаго ученаго и погрузившись въ спеціальное изученіе своей науки, Вы однако съ участіемъ слѣдите за наиболѣе важными вопросами, волнующими общественную жизнь, и находите досугъ откликаться на нихъ серьезными изслѣдованіями. Вы не только дарите богословскую литературу капитальными диссертаціями по Догматикѣ о любви Божественной и—наконецъ—объ антихристѣ,—но во время благопотребное Вы пишите трактатъ о покоѣ воскреснаго дня,—даете характеристику археологіи,—обсуждаете умственное состояніе современ-

наго общества,—анализируете ходячія понятія о прогрессѣ и т. далѣе.

А вѣдь всѣ такіе вопросы не входятъ прямо въ область спеціальныхъ Вашихъ занятій. И мы чтимъ въ лицѣ Вашемъ не узкаго спеціалиста, не признающаго значенія ни за чѣмъ другимъ, кромѣ своей спеціальности, но ученаго богослова съ замѣчательно широкимъ умственнымъ кругозоромъ, интересующаго самыми разнообразными вопросами и явленіями общественной жизни и вносящаго въ обсужденіе ихъ обыкновенно игнорируемую богословскую точку зрѣнія. Мнѣ остается добавить, что то самое цѣлостное впечатлѣніе, какое получали студенты отъ Вашихъ уроковъ, непосредственно чувствуя въ нихъ совершеннѣйшее согласіе мысли и слова, то же впечатлѣніе получаютъ и Ваши сослуживцы, наблюдая въ жизни Вашей столь же совершенное согласіе мысли и дѣла. У Васъ всѣ дѣла и поступки вытекаютъ изъ твердаго внутренняго убѣжденія и неумолимо-строгаго отношенія къ своему профессорскому долгу. Никогда не убоитесь Вы сказать свое вѣское убѣжденное слово, хотя бы оно шло въ противность лицамъ, выше Васъ стоящимъ, равно какъ не измѣните Вы этого слова и въ угоду лицамъ, близкимъ къ Вамъ. И

всякій, кто подумалъ бы и сказалъ, что то или другое дѣйствіе Ваше объясняется какимъ-либо стороннимъ внушеніемъ, тотъ обнаружилъ бы только, что слишкомъ мало знаетъ Васъ...

Такія почтенныя качества учено-профессорскихъ трудовъ Вашихъ и самаго характера Вашей личности невольно вызываютъ въ насъ чувство глубокаго уваженія къ Вамъ. Сердечно поздравляемъ Васъ съ исполнившимся 25-лѣтіемъ достойнаго служенія Вашего и искренно желаемъ, чтобы оно продолжилось еще многіе годы на пользу богословской науки и на благо нашей Академіи.

На рѣчь Александра Павловича юбиляръ отвѣчалъ слѣдующей рѣчью:

„Достоуважаемый Александръ Павловичъ! Благодарю Васъ, а въ лицѣ Вашемъ всю академическую корпорацію за привѣтственную рѣчь. Засвидѣтельствованная въ ней разносторонность моихъ познаній, умственныхъ интересовъ и ученыхъ трудовъ есть проявленіе моей любознательности, кажется врожденной. Любознательность облегчаетъ тяжесть умственнаго труда. Тяжелый самъ по себѣ, умственный трудъ, какъ и всякій другой трудъ, становится особенно тяжекъ тогда, когда онъ производится принудительно. Любознательность вызываетъ охоту къ труду,

пробуждаетъ жажду къ пріобрѣтенію познаній, и умственный трудъ ставится трудомъ желаннымъ, легкимъ, пріятнымъ, становится такою же потребностію для духа, какъ пища и питье для тѣла; удовлетворяя влеченіе духа къ познанію, къ обладанію истиной, онъ доставляетъ человѣку высокое духовное наслажденіе, даже можетъ составить счастіе жизни.

Любознательность, сопутствуемая трудомъ, обогащаетъ умъ разнообразными познаніями и влечетъ къ изученію разныхъ областей жизни и мысли. Этимъ достигается разнообразіе умственнаго труда, а вмѣстѣ съ разнообразіемъ и пріятность его. Умственный трудъ, особенно разносторонній, не то что механическій трудъ ремесленника, скучный и притупляющій своимъ однообразіемъ, не дающій пищи уму и сердцу человѣка.

Но разносторонность познаній и разнообразіе ученыхъ изслѣдованій имѣли для меня то неудобство, что отвлекали меня отъ исключительнаго занятія тою наукою, которую я призванъ преподавать въ Академіи. Время и силы, употребленныя на пріобрѣтеніе разнообразныхъ познаній, на чтеніе книгъ и писаніе сочиненій, относящихся къ другимъ областямъ знанія, были отняты отъ изученія своей науки. Въ настоящее время науки

разрослись такъ широко, что требуются многіе и многіе годы усидчиваго труда для изученія даже и одной науки. Поэтому теперь спеціалистовъ много, а энциклопедисты встрѣчаются все рѣже и рѣже. Если бы я всѣ двадцать пять лѣтъ посвятилъ изученію своей науки, то, конечно, я имѣлъ бы возможность изучить ее гораздо полнѣе, разностороннѣе и подробнѣе и написалъ бы большее количество трактатовъ по догматикѣ. Я, однако, предпочитаю разносторонность ученыхъ занятій узкой замкнутости въ области только одной своей науки. Многолѣтнія занятія исключительно одною своею наукою неизбѣжно суживаютъ умственный кругозоръ и жизнь духа; односторонность занятій съ теченіемъ времени можетъ понизить качество и спеціальныхъ сочиненій ученаго, хотя количествомъ ихъ онъ легко можетъ превзойти ученаго энциклопедиста“.

Въ заключеніе юбиляра привѣтствовалъ рѣчью убѣленный сѣдинами, старецъ-профессоръ, старшій среди всѣхъ профессоровъ, и какъ бы общій отецъ всей академической корпораціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Д. Ѳ. Голубинскій [1]). Димитрій Ѳеодоровичъ говорилъ:

[1]) Скончался 23 ноября 1903 г.

„Достоуважаемый
Александръ Димитріевичъ!

Къ нашему общему поздравленію Васъ, по поводу совершившагося двадцатипятилѣтія Вашей ученой службы, желаю присоединить нѣсколько моихъ воспоминаній.

Вы окончили курсъ въ 1876 году, и осенью того же года начали преподавать дорогой для православнаго христіанина предметъ,— Догматическое Богословіе, которое прежде Васъ преподавалъ Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій.

Конечно, въ первое время Вамъ было очень трудно. И новость и важность дѣла, къ которому были Вы призваны, а вмѣстѣ и мысли о Вашемъ знаменитомъ предшественникѣ естественно смущали Васъ. Однако же Вы не потеряли присутствія духа и со всею энергіею работали для Вашей науки. Проходитъ немного времени, и начинается уже печатаніе Вашего замѣчательнаго труда: „Любовь Божественная“. Отдѣльною книгою вышелъ сей трудъ во время весны 1880 года, представленъ Вами для полученія степени магистра, въ которой, послѣ бывшей 2 апрѣля защиты диссертаціи, вы скоро были утверждены.

Въ это время я весьма былъ озабоченъ

приготовленіемъ церковнаго слова на день годоваго поминовенія приснопамятнаго Архипастыря нашего Митрополита Иннокентія; а потому не имѣлъ времени для чтенія Вашей книги. Но лѣтомъ того же года я всю ее прочиталъ внимательно. Встрѣчаясь съ Вами, я предлагалъ Вамъ нѣкоторыя замѣчанія, и Вы съ любовію ихъ принимали.

Вспомните, съ какимъ вниманіемъ и участіемъ покойный митрополитъ Іоанникій относился къ экзаменамъ по Догматическому Богословію. Не разъ меня назначали ассистентомъ, и я помню, что онъ часа полтора и болѣе выслушивалъ отвѣты студентовъ.

Съ утѣшеніемъ вспоминаю, что многіе вопросы разъяснялись для меня на этихъ экзаменахъ. И въ разговорахъ я нерѣдко обращался къ Вамъ съ вопросами, и Вы съ любовію рѣшали ихъ. Укажу здѣсь на два примѣра:

Въ 1895 году, когда я работалъ надъ статьею: „Открытое письмо по поводу вопросовъ о твореніи міра“, много полезныхъ указаній получилъ я отъ Васъ.

Весною 1896 года, когда я выразилъ Вамъ недоумѣніе, почему слова, взятыя изъ сорокъ четвертаго псалма (44, 10), имѣющаго надпись: „Сыновъ Кореевыхъ“, приписываются

Давиду въ одной церковной пѣснѣ, Вы обстоятельно объяснили мнѣ этотъ вопросъ.

Присоединяясь къ нашему общему поздравленію съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей ученой службы, я какъ пожилой, по своему опыту знающій, сколь дорого здоровье для занятій и дѣятельности человѣка, отъ души Вамъ желаю добраго здоровья, дабы Вы еще много и много лѣтъ могли продолжать Ваши ученые труды во славу Божію“.

На рѣчь Димитрія Ѳеодоровича юбиляръ отвѣчалъ слѣдующей краткой рѣчью:

„Достопочтенный Димитрій Ѳеодоровичъ! То правда, что по мѣрѣ своихъ силъ и познаній я всегда съ готовностью и удовольствіемъ старался удовлетворить Вашу любознательность; но уже то одно, что Вы, будучи старше меня, неоднократно обращались ко мнѣ съ своими недоумѣніями и просили разрѣшить ихъ, свидѣтельствуетъ о Вашемъ смиреніи. Въ свою очередь и я многократно обращался къ Вамъ съ разными вопросами изъ области естествознанія, и Вы всегда рѣшали ихъ съ любовію и готовностію и со свойственною Вамъ ясностію и опредѣленностію. Помимо этого, Вы, сами не замѣчая того, учили меня своею жизнію, а иногда деликатно высказанымъ намекомъ“.

По окончаніи рѣчей гостямъ былъ предложенъ чай, закуска и ужинъ. Въ теченіе вечера немало было воспомянуто изъ минувшаго юбиляра и родной Академіи. Вспоминали 60-тые годы, весьма памятные юбиляру. Для многихъ они въ настоящее время кажутся какимъ-то своего рода „жупеломъ“. Въ дѣйствительности же, если забыть нѣкоторыя крайности и увлеченія, это были весьма симпатичные годы. Общество въ то время далеко не все раздѣляло тѣ крайнія убѣжденія, какія высказывались нѣкоторыми иногда по вопросамъ знанія, вѣры, жизни. Любопытны воспоминанія Александра Дмитріевича о духовныхъ школахъ того времени, со всѣми ихъ свѣтлыми и темными сторонами. Нельзя не отмѣтить того, что юбиляръ первоначальное образованіе получилъ въ городскомъ училищѣ. Нѣкоторые изъ наставниковъ этого училища такъ были талантливы, что А. Д. до сихъ поръ хранитъ память о нихъ. Во время пребыванія въ городскомъ училищѣ А. Д. умѣлъ получить столько свѣдѣнія, сколько ихъ въ настоящее время не получаютъ въ школахъ и съ болѣе обширными программами. Находясь въ этомъ училищѣ, онъ познакомился довольно основательно съ однимъ изъ древнихъ языковъ и съ однимъ

изъ новыхъ. Въ семинарію онъ поступилъ не изъ духовнаго училища, а изъ городского. Вообще вечеръ прошелъ весьма оживленно.

20-го декабря академическая корпорація чествовала другого своего сослуживца, ординарнаго профессора по каѳедрѣ Церковнаго права, доктора Церковнаго права, *Николая Александровича Заозерскаго*, по случаю исполнившагося въ этомъ году 25-лѣтія его учено-литературной и профессорской дѣятельности. Мы часто ставимъ предъ своимъ сознаніемъ вопросъ о пережитыхъ нами годахъ, разсматриваемъ ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, отмѣчаемъ успѣхи или неуспѣхи, всѣ свои плюсы или минусы. Если когда, то на торжествѣ 25-лѣтія учено-литературной дѣятельности этотъ вопросъ о томъ, не напрасно ли прожита жизнь, можетъ быть поставленъ съ особенной силой. Просматривая годъ за годомъ всѣ эти 25 лѣтъ прожитой уже жизни юбиляра. Пройденный юбиляромъ путь жизни славенъ такими дѣлами, какія никогда не забудутся, и невольно хочется сказать: о если бы больше было такихъ юбиляровъ... Нѣтъ ничего труднѣе, какъ анализировать сокровенные тайники души человѣческой. Трудно начертать цѣлостную, живую, полную правды картину разносторонней дѣятельности Николая

Александровича. Предоставляя слово объ этомъ другимъ, мы отмѣтимъ лишь три отличительныя его черты.

Прежде всего, это—истый профессоръ, пре- \нный всей душой своей наукѣ. Всѣ 25 лѣтъ э жизни прошли за книгой въ тиши ученаго кабинета. Въ теченіе всей жизни его не смутили и не соблазнили никакія прерогативы внѣшней блестящей шумной и выгодной дѣятельности. Онъ остался вѣрнымъ своей наукѣ и ей только одной служилъ. Изъ-подъ его пера въ теченіе 25 лѣтъ вышло такъ много сочиненій, что мы перечислимъ только главныя, болѣе выдающіяся изъ нихъ: 1) Церковный судъ въ первые вѣка христіанства; 2) Историческое обозрѣніе источниковъ права православной церкви, 3) О церковной власти, 4) Духовное лицо въ званіи третейскаго судьи, 5) Отношеніе Св. Православной церкви къ миру и войнѣ по ученію ея каноническаго права, 6) Наставленіе инокинямъ св. Іоанна Постника и мн. др. Замѣчательно, годы упорнаго ученаго труда какъ бы не коснулись Н. А., какъ бы нисколько не сокрушили его энергіи. И въ настоящее время мы видимъ его за работой постоянно. То онъ сидитъ за кропотливо-ученой сложной работой по изданію одного памятника трудовъ

Іоанна Постника, то пишетъ въ различныхъ журналахъ небольшія статьи.

Второю отличительною чертою Н. А. нужно несомнѣнно назвать его необыкновенную отзывчивость на вопросы современной жизни и литературы. Кабинетная жизнь не отдѣлила его отъ жизни и не закрыла отъ его взора всего, чѣмъ болѣютъ и отъ чего страдаютъ въ жизни идейные и неидейные люди. Онъ всегда откликался на такія явленія жизни и литературы и шелъ навстрѣчу людямъ съ посильнымъ рѣшеніемъ всѣхъ волновавшихъ и интересовавшихъ ихъ вопросовъ. Онъ писалъ не только въ газетахъ, толстыхъ богословскихъ журналахъ, но и не разъ выступалъ на страницахъ большихъ газетъ. Эту отзывчивость на злобу дня Н. А. сохранилъ до сихъ поръ. То онъ пишетъ замѣтку по поводу одной повѣсти извѣстнаго писателя Боборыкина, въ которой свѣтскій писатель съ развязностью, достойной лучшаго примѣненія, разсуждаетъ о соединеніи церквей, о католицизмѣ и православіи. То выступаетъ въ полемику съ другимъ не менѣе популярнымъ писателемъ Розановымъ, „хешифирируя“ его думы о бракѣ. Начинаютъ писать въ литературѣ о разводѣ, Н. А. спѣшитъ исторически освѣтить этотъ вопросъ, помочь

людямъ разобраться въ путаницѣ понятій и представленій о бракѣ и разводѣ, смягчить суровость требованій, предъявляемыхъ нѣкоторыми къ разводящимся супругамъ.

Третья отличительная черта Н. А.—едва ли не самая симпатичная и едва ли не самая достойная удивленія въ ряду указанныхъ чертъ. Часто думаютъ, что наука охлаждаетъ и понижаетъ религіозное настроеніе человѣка. Вотъ что опровергаетъ собой примѣръ Н. А. Серьезное занятіе наукой не только не охладило его религіознаго чувства, но еще какъ бы болѣе приблизило къ ней. Любовь Н. А. къ церкви всѣмъ извѣстна. За рѣдкимъ богослуженіемъ нельзя видѣть въ академическомъ храмѣ Н. А. Нерѣдко можно видѣть его принимающимъ участіе въ чтеніи и пѣніи въ академическомъ храмѣ. Высокое и почетное титло ученаго профессора не мѣшаетъ ему снизойти до скромнаго положенія чтеца и пѣвца церкви. И это не личина, созданная модой или приличіе, а дѣйствительная, глубоко-искренняя любовь къ св. церкви и ея богослуженію. Необыкновенно трогательно видѣть въ Н. А. и совершенно русскаго человѣка. Наука дѣлаетъ изъ нѣкоторыхъ какой-то конгломератъ различныхъ народностей, симпатій и привязанностей ко

всему чужому. Глядя на такого человѣка, не разберешь, что онъ—нѣмецъ, французъ, англичанинъ или и нѣмецъ, и французъ, и англичанинъ вмѣстѣ, или какой-то новый неуловимый типъ, какой-то новой „общенаціональности“. Н. А. — истинный русскій человѣкъ или, лучше сказать, славянинъ. Онъ глубоко цѣнитъ истинно-русскія основы жизнепониманія и жизнеустроенія и открыто преклоняется предъ ними тамъ, гдѣ они заслуживаютъ этого.

Чествованіе дорогого юбиляра происходило въ залѣ городской Думы. Лучшаго помѣщенія болѣе нельзя было подыскать. Къ пріѣзду Преосвященнаго Ректора въ думу, въ залѣ думы уже собрались профессора Академіи вмѣстѣ съ своими женами, корпорація Виѳанской духовной семинаріи почти въ полномъ составѣ, родственники и знакомые Н. А. Пріятно было смотрѣть на эту массу собравшихся, на это большое зало, богато освѣщенное все люстрами, канделябрами, украшенное по мѣстамъ цвѣтами. Въ комнатѣ чувствовалось какое-то оживленіе, какая-то приподнятость духа, было совершенно праздничное настроеніе.

Первый привѣтствовалъ юбиляра Преосвященный Ректоръ Академіи. Въ рѣчи, обра-

щенной къ юбиляру, Преосвященный живыми и яркими чертами начерталъ симпатичнѣйшій нравственный обликъ Н. А. Въ заключеніе своей рѣчи онъ пожелалъ ему еще много лѣтъ трудиться на поприщѣ науки на благо родной Академіи, ея питомцевъ и общества. По окончаніи своей рѣчи онъ благословилъ юбиляра иконой Спасителя въ сребропозлащенной ризѣ въ дорогомъ кіотѣ.

Вторымъ привѣтствовалъ юбиляра заслуженный ординарный профессоръ Академіи Н. Ѳ. Каптеревъ. По окончаніи своей рѣчи онъ передалъ юбиляру дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Передача диплома была нарочито пріурочена къ этому дню. Хотѣли въ день радости порадовать радостью, которая для ученаго имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ внѣшніе различные дары.

Потомъ юбиляра привѣтствовалъ, по полномочію академической корпораціи, и. д. доцента по каѳедрѣ Исторіи и обличенія русскаго раскола И. М. Громогласовъ [1]). Ораторъ говорилъ приблизительно слѣдующее:

---

[1]) Нынѣ уже не состоитъ на академической службѣ.

„Глубокоуважаемый Николай Александровичъ! Исполнилось двадцатипятилѣтіе Вашего доблестнаго и плодотворнаго служенія православной церкви и наукѣ въ качествѣ ученаго изслѣдователя и профессора дорогой нашей almae matris. Двадцать пять лѣтъ учено - просвѣтительной дѣятельности, особенно въ ея прежнихъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстныхъ, условіяхъ, это такой трудный и тернистый путь, пройдя который усталому путнику пріятнѣе сознавать, что онъ честно донесъ свое бремя до завѣтной мѣры, чѣмъ намѣчать себѣ новыя цѣли и думать о новомъ напряженіи силъ. И не удивительно, если желаніе отдыха является преобладающимъ настроеніемъ въ душѣ почти каждаго труженика науки въ моментъ, подобный настоящему, когда онъ мысленно окидываетъ взоромъ законченную четверть вѣка своей дѣятельности,—эти долгіе годы самоотреченія и постоянной работы. Но не удивительно и то, если въ такіе именно моменты ближайшіе свидѣтели его трудовъ, тѣ, кто идутъ съ нимъ и за нимъ, выполняя по частямъ одно общее великое дѣло, чувствуютъ больше, чѣмъ когда-либо, потребность не только воздать должную дань уваженія совершеннымъ заслугамъ, но и поддержать въ немъ готов-

ность на новыя усилія и труды. И что можетъ быть естественнѣе и цѣлесообразнѣе въ этомъ случаѣ, какъ не указаніе тѣхъ сторонъ его дѣятельности, благодаря которымъ она получаетъ знаніе не только плодотворнаго труда на безграничномъ полѣ знанія, но и полноцѣннаго урока, указанія и образца для другихъ? Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, истинный смыслъ юбилейныхъ торжествъ, подобныхъ вотъ этому, на которомъ любезное вниманіе уважаемыхъ коллегъ къ моимъ студенческимъ работамъ подъ Вашимъ руководствомъ доставило мнѣ высокую честь—привѣтствовать Васъ отъ имени академической корпораціи и быть выразителемъ тѣхъ чувствъ, которыя собрали насъ здѣсь въ настоящій моментъ.

Когда говорятъ о заслугахъ лица, являющагося, подобно Вамъ, представителемъ одной изъ отраслей науки въ святилищѣ высшаго знанія, въ его дѣятельности обыкновенно различаютъ двѣ стороны: собственно научную и педагогическую. Въ томъ и другомъ отношеніи Ваше имя уже давно пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью. Широкій кругъ читателей на Руси и внѣ ея знаетъ Васъ, какъ автора солидныхъ ученыхъ изслѣдованій и многочисленныхъ статей, по-

священныхъ разнообразнымъ и живымъ во просамъ церковнаго права, къ разрѣшенію которыхъ Вы всегда умѣете подойти съ прямотою убѣжденнаго человѣка и во всеоружіи научнаго знанія. Смѣнявшіяся одно за другимъ поколѣнія Вашихъ академическихъ слушателей унесли съ собою и разнесли—опять таки далѣе предѣловъ нашей родной земли—представленіе о Васъ, какъ о талантливомъ профессорѣ, излагающемъ содержаніе своей науки въ выразительной, своеобразно-яркой формѣ, и внимательномъ руководителѣ первыхъ шаговъ начинающихъ работниковъ въ области Вашей науки. Но едва-ли есть надобность говорить отдѣльно и подробно о каждой изъ этихъ двухъ сторонъ Вашей дѣятельности предъ лицомъ настоящаго собранія: учено-литературные труды, достойно увѣнчавшіе Васъ ученою степенью доктора церковнаго права, и Ваша собственно профессорская дѣятельность, безъ сомнѣнія, не меньше, чѣмъ мнѣ, извѣстны каждому изъ здѣсь присутствующихъ, Вашихъ сотоварищей и учениковъ. Да будетъ мнѣ позволено, поэтому, отмѣтить лишь нѣкоторыя общія черты, характеристическія для Вашихъ учено-литературныхъ трудовъ и одинаково свойственныя Вашей профессорской дѣятельности.

Въ семьѣ академическихъ преподавателей Вы являетесь представителемъ той одинокой и обособленной у насъ отрасли научнаго знанія, которая, благодаря различнымъ причинамъ и всего больше, какъ кажется, благодаря своему двойственному, богословско-юридическому характеру, долгое время не могла получить надлежащаго значенія и оставалась полузаброшенною, „какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной“. Здѣсь не мѣсто и не время распространяться о томъ, какъ несправедливо и ошибочно было такое отношеніе къ наукѣ, столь близко соприкасающейся своимъ содержаніемъ съ самою жизнью и ея интересами: но нельзя не отмѣтить, что еще и до сихъ поръ ученые изслѣдователи, работающіе въ этой спеціальности, сосредоточиваютъ свое вниманіе почти исключительно на разработкѣ *исторіи источниковъ церковнаго права*, т. е. того отдѣла науки, въ которомъ на первый планъ выступаютъ интересы и пріемы историка, а не канониста въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вопросы *догмы* церковнаго права—наиболѣе важные и существенные—остаются поэтому въ большинствѣ лишь едва затронутыми въ нашей канонической литературѣ, и жизнь продолжаетъ руководиться не столько ясно сознан-

ными и научно установленными принципами сколько не всегда безупречными нормами практической юриспруденціи. Вамъ, глубоко уважаемый Н. А., больше чѣмъ кому либо изъ нашихъ канонистовъ обязана русская наука разработкою вопросовъ именно этого порядка,—вопросовъ глубокой практической важности, научному выясненію которыхъ, за немногими исключеніями, посвящены Ваши многочисленные литературные труды. Соединяя съ серьезностью ученаго изслѣдователя живость и отзывчивость публициста, Вы дали въ нихъ превосходные образцы того, какъ должно человѣку Вашей спеціальности понимать свой долгъ предъ наукой и жизнью. Вопросъ объ организаціи церковнаго суда и церковной власти, объ отношеніи православной церкви къ миру и войнѣ, о возможной роли духовенства, какъ органа третейскаго суда, и многіе вопросы брачнаго права, поставленные жизнью, — вотъ главныя темы ученныхъ изслѣдованій, вышедшихъ изъ-подъ Вашего пера въ теченіе истекшей четверти вѣка. Имъ же не менѣе охотно посвящали Вы и Ваши академическія чтенія, хотя здѣсь, разумѣется, Вы были болѣе стѣснены въ своемъ выборѣ рамками систематическаго курса. Эго сосредоточеніе инте-

ресовъ ученаго канониста на настоящихъ и существенныхъ задачахъ своей науки уже само по себѣ составляетъ высокую заслугу для послѣдней. Цѣнность ея еще болѣе возрастаетъ благодаря тѣмъ пріемамъ изслѣдованія, которыя служатъ характеристическою чертою Вашихъ ученыхъ заботъ.

Извѣстно, что въ сферѣ Вашей научной спеціальности, какъ и во многихъ другихъ, западно-европейская наука давно опередила насъ. Она переработала разнообразный и хаотическій сырой матеріалъ каноническихъ первоисточниковъ и дала немало попытокъ привести содержаніе церковно-правовыхъ нормъ въ стройную научную систему. Передъ русскимъ изслѣдователемъ, приступающимъ къ разработкѣ того или другого вопроса, естественно поэтому возникаетъ соблазнъ—увлечься результатами готовой чужой работы и пойти наиболѣе легкимъ путемъ подражанія готовымъ образцамъ, вкладывая содержаніе православнаго церковнаго права въ даваемыя ими схемы и, разумѣется, подвергаясь при этомъ почти неизбѣжной возможности—отдать крупную дань той односторонности и тенденціозности, которая нигдѣ, кажется, не заявляетъ о себѣ такъ часто у западныхъ изслѣдователей, какъ при изученіи важнѣй-

шихъ изначальныхъ церковныхъ установленій. Но этотъ путь, при легкости своей, уже и не однократно испытанный въ нашей канонической литературѣ, ни разу не былъ использованъ Вами по глубокому убѣжденію въ его совершенной непригодности тамъ, гдѣ требуется научная работа. Для Васъ, по собственному Вашему признанію, всегда была непреложной истиной и руководящимъ принципомъ мысль великаго нѣмецкаго юриста, что система въ правѣ, какъ и во всякомъ другомъ предметѣ, не должна привноситься *извнѣ*, а должна быть почерпнута *изъ самаго предмета*, если она не хочетъ стать элементомъ не облегчающимъ, а наоборотъ—затрудняющимъ его пониманіе. „Приникнуть къ собственному голосу православнаго церковнаго права, уразумѣть духъ его, со всѣмъ вниманіемъ отнестись къ простымъ, но чрезвычайно разнообразнымъ формамъ его институтовъ“,—вотъ то первое требованіе, которое предъявляете Вы къ православному канонисту и которое, всегда строго примѣненное Вами къ себѣ, даетъ такую высокую цѣнность Вашимъ изслѣдованіямъ. Послѣднія, при своихъ чисто-научныхъ достоинствахъ, особенно важны тѣмъ, что въ лицѣ ихъ автора мы имѣемъ строго православ-

наго канониста, которому совершенно неизвѣстенъ искусственный пріемъ—втискивать право православной церкви въ чуждыя для него схемы и навязывать его содержанію юридическую логику, ему не соотвѣтствующую.

Это характеристическое свойство Вашей ученой дѣятельности—ея полная самобытность, вытекающая изъ уваженія къ научной истинѣ сдѣлало неопаснымъ для Васъ и еще одинъ соблазнъ, который нигдѣ, кажется, не угрожаетъ такъ сильно изслѣдователю, какъ именно при разработкѣ вопросовъ права. При выясненіи церковно-юридическихъ нормъ, столь близко затрогивающихъ иногда живые интересы современности, при обсужденіи положеній, въ которыхъ переплетается такъ много разнообразныхъ вѣяній, не всегда легко устоять на высотѣ объективно-научнаго отношенія къ волнующимъ вопросамъ жизни и не уклоняться, въ ущербъ ему, въ сторону тенденціозной публицистики. Такое уклоненіе возможно въ одномъ изъ двухъ направленій: или въ сторону расшатыванія истинно-каноническихъ началъ въ угоду господствующимъ вѣяніямъ времени, или въ сторону отстаиванія во что бы то ни стало существующихъ формъ и устано-

вленій вопреки истиннымъ потребностямъ церковной жизни и духу каноническихъ нормъ. Извѣстно, что то и другое не составляетъ особенной рѣдкости въ нашей ученой литературѣ, быть можетъ, отчасти благодаря составу самихъ источниковъ церковнаго права, своею разновременностью и разнообразіемъ условій, среди которыхъ они возникли, дающихъ полную возможность при рѣшеніи современныхъ вопросовъ брать одно и игнорировать другое, сообразно личному вкусу и потребностямъ даннаго момента. Но этотъ пріемъ работы—не для тѣхъ, у кого, подобно Вамъ, сила личнаго убѣжденія идетъ рука объ руку съ уваженіемъ къ научной истинѣ и съ глубокимъ сознаніемъ своего ученаго долга. „Ни оффиціально, ни неоффиціально, во имя принциповъ своей науки и академической ученой традиціи я отнюдь не могу либеральничать въ наукѣ",—прямо и мужественно заявляли Вы, когда результаты Вашихъ научныхъ изысканій по одному изъ жгучихъ вопросовъ современности становились въ разрѣзъ съ модными выясненіями. Но съ такимъ же правомъ и не менѣе рѣшительно Вы могли бы заявить и о томъ, что во имя тѣхъ же принциповъ своей консервативной науки Вы не можете быть уче-

нымъ консерваторомъ, отстаивающимъ statu quo, когда то или другое явленіе церковной жизни, какова бы ни была его фактическая давность, представляетъ въ основѣ своей лишь злоупотребленіе, не отвѣчающее коренньмъ основоположеніямъ церковнаго права. И вся Ваша дѣятельность ученаго и профессора есть непрерывное доказательство такого взгляда и въ этомъ смыслѣ—высокій нравственный урокъ.

Вотъ тѣ черты Вашей двадцатипятилѣтней учено-просвѣтительной дѣятельности, которыя, мнѣ казалось, наиболѣе умѣстнымъ напомнить теперь, не входя въ болѣе подробную и всестороннюю ея оцѣнку. Сообщая этой дѣятельности не только большую научную цѣнность, но и высокое воспитательное значеніе въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого понятія, онѣ даютъ намъ, здѣсь собравшимся Вашимъ сотоварищамъ и ученикамъ, право—привѣтствовать въ лицѣ Вашемъ выдающагося представителя науки, отдавшаго ей долгіе годы плодотворнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить надежду и увѣренность, что, переступивши во вторую четверть вѣка, Ваше служеніе научной истинѣ и родной академіи будетъ не менѣе блестящимъ и плодотворнымъ, чѣмъ оно было доселѣ“...

Послѣ оффиціальной рѣчи изъ среды профессоровъ выступилъ старецъ — профессоръ, Д. Ѳ. Голубинскій и обратился къ юбиляру съ слѣдующей рѣчью:

„Достоуважаемый

Николай Александровичъ!

Принимая сердечное участіе въ нашемъ общемъ поздравленіи съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей ученой службы, прошу Васъ отъ меня принять нѣсколько воспоминаній.

На должность въ нашей Академіи Вы поступили въ 1879 году, и скоро сблизились съ академическою корпораціею. Предъ нами обнаружилось дорогое свойство Вашей души: принимать сердечное участіе и въ нашихъ скорбяхъ и въ нашихъ радостяхъ. Во всякомъ ученомъ трудѣ, хотя бы онъ совсѣмъ не относился къ Вашей спеціальности, Вы готовы были принимать самое горячее участіе. Вспомните нашу встрѣчу въ академической библіотекѣ 1880 года 29 марта. Въ это время я доканчивалъ проповѣдь на день годового поминовенія приснопамятнаго митрополита Иннокентія. Вы приняли живое участіе въ моемъ дѣлѣ, и предложили мнѣ занимательный разсказъ о почившемъ. 31 марта Вы явились въ Филаретовскую церковь, слушать мою проповѣдь. Послѣ, въ

разговорѣ, предложили Ваши замѣчанія, которыми я воспользовался, когда приготовлялъ къ печати мое церковное слово.

Многократно предлагалъ я Вамъ вопросы и недоумѣнія, относящіеся къ церковнымъ правиламъ, особенно же, по немощамъ моимъ, къ тѣмъ правиламъ, въ которыхъ говорится о колѣнопреклоненіяхъ, постахъ и о мірскихъ удовольствіяхъ. Всегда со вниманіемъ выслушивали Вы мои вопросы и разрѣшали недоумѣнія.

Осенью 1894 года постигло всѣхъ насъ тяжкое горе: скончался Царь Миротворецъ Александръ III. Съ великимъ утѣшеніемъ я прочиталъ небольшую, однако же исполненную сердечной теплоты, Вашу статью въ память почившаго.

Когда явился въ печати Вашъ замѣчательный трудъ, за который Вы получили докторскую степень, я читалъ его, предлагалъ Вамъ разные вопросы и замѣчанія мои. Вы съ любовію принимали все это.

Къ нашимъ благожеланіямъ прибавлю слѣдующее:

Да храните Вы навсегда въ сердцѣ Вашемъ ту же горячую къ ближнимъ любовь, какая Вамъ дарована благодатію Божіею“.

Юбиляръ отвѣчалъ на всѣ рѣчи рѣчами.

Онѣ были полны глубокаго чувства, искренней благодарности за вниманіе къ нему и сознанія своихъ немощей. Что казалось собравшимся заслугой, то юбиляру казалось дѣломъ обыкновеннымъ, какъ будто бы онъ въ теченіе 25-лѣтней своей службы не совершилъ ничего особеннаго, выдающагося.

По окончаніи рѣчей всѣмъ собравшимся гостямъ юбиляромъ былъ предложенъ чай, а потомъ закуска. Говоря объ этомъ юбилеѣ, нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ о томъ поразительномъ одушевленіи, какое было замѣтно вездѣ и всюду, среди гостей юбиляра. Казалось, это была одна родная семья, тѣсно сплоченная одними неразрывными узами, одинъ домъ. И развѣ это не справедливо? Идейные узы могутъ всего тѣснѣе соединить людей въ одно цѣлое, чѣмъ всякія другія узы. Никто здѣсь не скучалъ. Воспоминанія, разговоры вездѣ и всюду. Во время ужина было предложено немало тостовъ за юбиляра, сказано нѣсколько рѣчей. Провозглашали тосты даже ламы. Изъ застольныхъ рѣчей мы приведемъ хотя только одну. Эта рѣчь принадлежитъ П. В. Тихомирову, и. д. доцента по каѳедрѣ Исторіи философіи. Вотъ она:

„Къ обильнымъ и тонкимъ блюдамъ, усла-

ждающимъ насъ за этимъ пиршествомъ, дозвольте присоединить еще одно моей стряпни. Я желалъ бы преподнести Вамъ для удовлетворенія духовнаго аппетита... самаго дорогого юбиляра нашего, поджареннаго въ соку его собственныхъ добродѣтелей и сдобреннаго соусомъ моихъ моральныхъ впечатлѣній отъ него. Не смущайтесь мыслью, что для филипповскаго поста, теченіе коего мы теперь совершаемъ, это блюдо будетъ скоромно. Добродѣтель сама по себѣ есть нѣчто довольно постное, а у человѣка, вступающаго въ шестой десятокъ своего земного поприща, да еще знаменующаго это вступленіе изданіемъ номоканона Іоанна Постника,—и тѣмъ болѣе.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ скромнымъ искателемъ знаній вступилъ я въ священныя стѣны нашей almae matris. Много сильныхъ и захватывающихъ впечатлѣній нахлынуло тутъ въ мою душу. Величавыя и поучительныя традиціи сѣдой старины, казалось, осязательно вѣяли отъ самыхъ стѣнъ этого святилища знаній, и потому какую-то своеобразную и острую прелесть получало звучавшее въ этихъ стѣнахъ и ими отражаемое „новое слово“, которое возвѣщали намъ жрецы этого храма. А самый сонмъ этихъ

служителей, творцовъ и хранителей истины?!.. Что за чудная, поистинѣ, коллегія! Сколько разнообразныхъ дарованій и разнородныхъ силъ объединено подъ однимъ знаменемъ!

Въ этомъ сонмѣ сіялъ и нашъ нынѣшній юбиляръ, — тогда еще довольно молодой наставникъ, а теперь уже свѣтило, достигшее своего зенита и, по его собственнымъ словамъ, уже начавшее слегка склоняться къ закату.

Но свѣтила нашего академическаго небосвода, какъ мы знаемъ по многимъ примѣрамъ прошлаго и настоящаго времени, — въ большинствѣ случаевъ не только свѣтятъ, но и грѣютъ. Какъ и чѣмъ свѣтилъ нашъ любезнѣйшій юбиляръ, — Вы уже знаете изъ блестящей рѣчи Ильи Михайловича. И что я могъ бы къ ней прибавить?! Но наше настоящее торжество было бы неполно, если бы мы не воздали должной дани и той теплотѣ сердечной, которая составляетъ одну изъ основныхъ чертъ его духовнаго образа.

Самое раннее личное воспоминаніе мое о Николаѣ Александровичѣ относится еще къ первому году моего студенчества. Одинъ изъ моихъ земляковъ, получившій назначеніе на службу, пригласилъ меня и другихъ студентовъ — „соотечественниковъ“ отпраздновать

что важное въ жизни каждаго изъ насъ событіе. Въ номерѣ гостиницы, гдѣ происходило это скромное торжество, мы встрѣтили и двухъ профессоровъ, одинъ изъ которыхъ оказался Николаемъ Александровичемъ. Живо помню то смущеніе, какое почувствовалъ при этой встрѣчѣ я, привыкшій даже къ своимъ семинарскимъ наставникамъ относиться съ извѣстной долей робости. Но это смущеніе быстро исчезло послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, мастерски оживленнаго—Вы, конечно, догадываетесь, кѣмъ. Оно смѣнилось чувствомъ искренняго и глубокаго удовольствія отъ соприкосновенія съ людьми высшей духовной культуры. Сколько тутъ было затронуто и обсуждено капитальныхъ вопросовъ—теоретическаго богословія, философскихъ, нравственныхъ и даже политическихъ!—при томъ, съ весьма оригинальныхъ и довольно неожиданныхъ для насъ юнцовъ точекъ зрѣнія. Мы просто не замѣчали, какъ летитъ время. Но еще большее впечатлѣніе производилъ на насъ характеръ личнаго настроенія Николая Александровича, сообщавшаго своеобразный колоритъ его рѣчамъ. Тонъ этихъ рѣчей былъ разнообразенъ чрезвычайно: поэтическое одушевленіе, почти пророческій паѳосъ незамѣтно переходили

въ тонкую иронію, послѣдняя неожиданно смѣнялась рѣзкимъ и дѣловымъ называніемъ вещей ихъ собственными именами; а тамъ смотришь, — уже рѣчь Николая Александровича звучитъ такимъ задушевнымъ лиризмомъ, такою любовью къ жизни, со всѣми ея мелкими радостями и горестями, что просто диву даешься и недоумѣваешь, какая сила порождаетъ все это разнообразіе оттѣнковъ. Что одинъ умъ не могъ дарить насъ такимъ фейерверкомъ разнообразныхъ впечатлѣній, — это было очевидно. Помню, мы тогда же поняли, что этотъ энергичный и порывистый пульсъ его богатой духовной жизни обусловленъ, главнымъ образомъ, горячностью его сердца. Да объ этомъ, впрочемъ, могли свидѣтельствовать и самыя внѣшнія ухватки нашего героя (многое уцѣлѣло изъ нихъ и доселѣ, но вѣдь тогда онъ былъ на цѣлыхъ 13 лѣтъ моложе): въ нихъ ясно видѣлся широкій размахъ силъ, открытость души, чуждающейся при встрѣчѣ съ людьми разныхъ условностей.

Шопенгауэръ, господа, сказалъ, что при знакомствѣ съ людьми первое впечатлѣніе никогда не обманываетъ, если только мы его хорошо помнимъ. Справедливость этого мнѣнія я могъ провѣрить на Николаѣ Але-

ксандровичѣ; потому то я и остановился на этой первой моей встрѣчѣ съ нимъ съ нѣкоторою подробностью. Потомъ, когда я ближе узналъ его, ставъ его сослуживцемъ, я только полнѣе и сознательнѣе изучилъ его душевный складъ, но общее впечатлѣніе осталось то же самое. Отдѣльныя черты нравственнаго характера Николая Александровича раскрывались для меня на фонѣ этого общаго впечатлѣнія. Я позволю себѣ назвать Вамъ нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, начиная съ общепризнанныхъ и всѣмъ извѣстныхъ и кончая такими, которыя, можетъ быть, не всѣмъ замѣтны.

Кто не знаетъ *общительности* Николая Александровича? Но, съ другой стороны, и самому нашему обществу онъ нуженъ не менѣе, чѣмъ... ну, хотя бы протодьяконъ любому каѳедральному собору. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Не помнимъ ли всѣ мы, какъ мѣсяцъ съ небольшимъ тому назадъ одно наше скромное академическое торжество казалось блѣдно безъ Николая Александровича (онъ засѣдалъ въ этотъ день въ судѣ), и само наше начальство готово было все свое вліяніе употребить, чтобы только вернуть его въ нашъ соборъ? А наши частныя собранія, прогулки, катанья, бесѣды

въ сборной, въ канцеляріи — сколько потеряли бы они въ привлекательности безъ Николая Александровича!?

Но что же дѣлаетъ его столь незамѣнимымъ членомъ нашего общества?—Три свойства могу я назвать здѣсь (если угодно, соотвѣтственно тремъ традиціоннымъ способностямъ души — уму, волѣ и сердцу): своеобразную *вдумчивость*, *широту и смѣлость иниціативы* и неподдѣльный *альтруизмъ*. Отъ кого, скорѣе его, мы можемъ услыхать мѣткое слово, неожиданное сближеніе, дерзновенное снятіе покрововъ съ помысловъ?.. Кто лучше его внесетъ иногда оживленность настроенія, веселость шутки, беззавѣтность юнаго дурачества въ наши маленькія развлеченія? Кто этотъ рыцарь, истинный иммортель, несмотря на свою сѣдину и почти генеральское достоинство? И не думайте, чтобы для всего этого не требовалось извѣстной доли самоотверженія. Но я могу назвать его альтруистомъ и не въ одномъ только этомъ отношеніи. Его доброта и отзывчивость и въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ принадлежатъ тоже къ числу общеизвѣстныхъ фактовъ.

Менѣе, быть можетъ, Вы обращали вниманіе на слѣдующее качество, которое я долженъ назвать, но которое весьма важно для

истинной оцѣнки личности. Это — глубокая *самобытность* Николая Александровича, дѣлающая его въ высшей степени интересной фигурой въ нашей корпораціи. Сколько разъ я лично удивлялся этой самобытности, бывалъ ею тронутъ, негодовалъ на нее!.. Но она неизмѣнно влекла меня къ нему. Въ немъ почти все непохоже на другихъ, въ высшей степени оригинально. Лишь богатый духъ можетъ быть столь нешаблоннымъ.

Въ заключеніе мнѣ остается указать на одну подробность въ *міровоззрѣніи* и настроеніи Николая Александровича, которая, по нашимъ временамъ, должна считаться однако немалой нравственной заслугой и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствомъ о мужествѣ духа. Въ наше время крушенія идеаловъ, всеобщаго унынія и брюзгливаго недовольства жизнью—Николай Александровичъ высоко держитъ знамя *оптимизма* и того, что нѣмцы называютъ „Lebensgenuss". И это — несмотря на пережитыя имъ и извѣстныя намъ тяжкія испытанія его личной жизни!.. Невольно хочется думать, что этотъ человѣкъ знаетъ цѣнность жизни. И не разъ, — по крайней мѣрѣ, у меня, — случайно налетѣвшее пессимистическое настроеніе утихало при одной встрѣчѣ съ этимъ „неисправи-

мымъ“ оптимистомъ. А кто знаетъ? — н одного ли меня онъ производилъ такое впе чатлѣніе?

Вотъ какъ рисуется мнѣ нравственны образъ нашего дорогого юбиляра. Сердц мое преисполняется гордостью отъ сознанія что мы имѣемъ его въ своей средѣ; и я предлагая тостъ за его здоровье, за то, чтобы онъ еще многіе годы украшалъ нашу Академію, не могу не воскликнуть словами Шиллера по адресу другихъ ученыхъ учрежденій:

„Ну, что вы такъ въ землѣ своей
„Дерете носъ подчасъ?
„Не мало доблестныхъ мужей,
„Не мало есть богатырей
„И въ академіи у насъ!“

За здоровье Николая Александровича! Многая ему лѣта!!

Трапеза кончилась уже, „сущу поздѣ“... Но почти всѣ оставались гостями юбиляра и долгое время послѣ трапезы...

17-го ноября Академія лишилась своего почетнаго члена и бывшаго профессора, Протоіерея Александра Васильевича Мартынова, Профессора Богословія Московскаго Сельскохозяйственнаго Института. Тяжелая и преждевременная утрата. А. В. скончался, имѣя

его лишь 44 года отъ роду. Въ свое время кадемія живо откликнулась на это горе и иротѣвшей семьи, и горе учрежденія, люившаго покойнаго, и горе общества. Въ акаемическомъ журналѣ памяти А. В. уже была освящена статья [1]).

[1]) Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы дать мѣсто письму покойномъ прот. А. В. Мартыновѣ, полученному изъ пронціи, которое еще лишній разъ свидѣтельствуетъ о боатствѣ духовныхъ дарованій почившаго. „Изъ газетъ въ вое время я узналъ о постигшей безвременной, 17 ноября рошлаго года, кончинѣ протоіерея Александра Васильевича Іартынова—бывшаго ректора нашей Харьковской духовной еминаріи.—„Такіе люди, какъ почившій о. протоіерей А. В.,—казалъ въ своемъ надгробномъ словѣ Н. Заозерскій,—долго вязуютъ отдѣльныхъ лицъ въ нравственное общеніе, создаютъ сферу благодарнаго воспоминанія, остающуюся долго по мерти ихъ". Никогда не забуду и я много дорогого добраго накомаго о. протоіерея А. В. Мартынова: почтившаго меня ъ день празднованія моего пятидесятилѣтняго 4 мая 1894 г. служенія въ священническомъ санѣ нижеслѣдующимъ письмомъ „Ваше Высокопреподобіе, Высокопреподобнѣйшій и Достопочтеннѣйшій Отецъ Протоіерей Іоаннъ Лукичъ! Къ лику голосовъ, привѣтствующихъ Васъ въ настоящій знаменательный день полувѣкового служенія Вашего св. Церкви присоедините и мой слабый голосъ. Не мнѣ разумѣется,—новому и юнѣйшему въ сонмѣ пастырей харьковскихъ,—говорить о высокихъ доблестяхъ Вашего духа и благихъ плодахъ долголѣтняго пастырскаго подвига Вашего. Всю правду объ этомъ повѣдаютъ сегодня открыто ближайшіе свидѣтели-очевидцы Вашей жизни и дѣятельности. Я буду лишь

3-го декабря Академія лишилась другого своего почетнаго члена профессора-протоіерея, редактора-издателя „Душеполезнаго Чтенія“ *Д. Ѳ. Касицына.* Профессоромъ Академіи покойный состоялъ съ 1867 года по 1893 учебный годъ включительно. По выслугѣ 25 лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя въ Академіи, Совѣтомъ Академіи Д. Ѳ. удостоенъ званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора, съ каковымъ званіемъ и вышелъ въ отставку изъ Академіи.

внимать этому поучительному повѣствованію и обращу его въ назиданіе для себя самого: въ долговременномъ опытѣ Вашего добраго пастырства поучусь, какъ слѣдуетъ итти тѣмъ путемъ пастырскимъ, которымъ Вы шли цѣлые полвѣка съ такою честью и славой. Живой образъ доблестнаго воина Христова, являемый въ лицѣ Вашемъ, можетъ много одобрить насъ на этомъ многотрудномъ и многоотвѣтственномъ пути. Лично отъ себя я могу внести въ нынѣшній праздникъ небольшую долю участія это выраженіе глубочайшаго къ Вамъ уваженія и самыхъ искреннихъ благожеланій, которыя и прошу Васъ досточтимый о. протоіерей, принять съ полною увѣренностію. Десница Всевышняго, охранявшая Васъ въ теченіи долгихъ лѣтъ минувшихъ, — да сохранитъ Васъ еще на многія и многія лѣта ко благу Церкви Православной и къ утѣшенію духовныхъ чадъ и почитателей Вашихъ! Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга и искреннѣйшій благожелатель, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Александръ Мартыновъ“. Прот. Іоаннъ Унжевскій.

Пишущій эти строки помнитъ Д. Ѳ., какъ профессора по каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій. Покойный не оставался безъ слушателей никогда. Къ нему приходили на лекціи не только съ того курса, которому онъ читалъ, но и съ другихъ курсовъ. Не инструкція и не сухой долгъ влекли студентовъ къ нему въ аудиторію, а то нѣчто весьма особенное, что можно было видѣть, слышать и чувствовать тамъ. Лекціи Д. Ѳ. не отличались ораторскими достоинствами. Въ нихъ не было внѣшняго блеска, обыкновенно весьма на недолгое время останавливающаго вниманіе слушателя. Не поражали онѣ слушателей и массою учености. Несмотря на все это, Д. Ѳ. все-таки нужно назвать талантливымъ профессоромъ, умѣвшимъ вліять на молодежь, приковать къ себѣ не только вниманіе своихъ слушателей, но и сердца ихъ, что самое главное во всякомъ дѣлѣ. Лекціи его были оригинальны, интересны. Обычно кратко, но необыкновенно колоритно, живо имъ отмѣчались существенныя стороны ученія того или другого инославнаго исповѣданія. Д. Ѳ. никогда не былъ злостнымъ обличителемъ различныхъ религіозныхъ реформаторовъ Запада, кто бы они не были и что бы они не проповѣдывали. Никогда онъ не смотрѣлъ на

западныя исповѣданія, какъ на одну только какую-то сплошную тьму, вѣчную ошибку и непоправимое заблужденіе. Въ его лекціяхъ реформаторы не являлись предъ нами какими-то обманщиками, проходимцами, своего рода мошенниками. Онъ всегда умѣлъ указать въ ихъ дѣятельности весьма свѣтлыя симпатичныя стороны, достойныя всякаго вниманія. Немало свѣтлыхъ сторонъ указывалъ онъ и въ западныхъ исповѣданіяхъ. Мало того, самые недочеты въ томъ или другомъ западномъ вѣроученіи въ его положеніи являлись скорѣе печальными ошибками ума немощной воли человѣческой, стремившейся къ добру и дѣлавшей вмѣсто добра зло, чѣмъ какими-либо другими злонамѣренными соображеніями. И невольно въ душѣ слушателя возникало скорѣе чувство сожалѣнія по отношенію къ извѣстному реформатору, чѣмъ чувство осужденія его или глумленія надъ нимъ. А какою увѣренностью звучала рѣчь профессора, когда онъ переходилъ къ изложенію православнаго ученія по тому или другому вопросу сравнительно съ ученіемъ западныхъ исповѣданій. Пріятно было слышать, какъ мѣрно лилась рѣчь изъ устъ Д. Ѳ., говорившаго съ необыкновенной увѣренностью въ правотѣ своихъ словъ, высказывавшаго всег-

да свое убѣжденіе, выстраданное и часто вымученное продолжительною борьбою и страданіями за или противъ извѣстнаго идеала. Можно смѣло сказать о немъ, что онъ не торговалъ словами. Да это и понятно—почему. Д. Ѳ. ѣздилъ за границу и тамъ въ теченіе года въ шумныхъ городахъ и бѣдныхъ деревенькахъ изучалъ инославныя исповѣданія. Это изученіе религіозной жизни западныхъ людей не по книгамъ, а по живымъ душамъ бѣдныхъ и богатыхъ западныхъ классовъ, живыя бесѣды съ людьми различныхъ западныхъ исповѣданій дали профессору ту увѣренность, съ какою онъ всегда говорилъ своимъ слушателямъ съ каѳедры. Это-то глубокое убѣжденіе въ каждомъ своемъ словѣ, чувствовавшееся на лекціяхъ Д. Ѳ. необыкновенно ясно, и влекло къ нему молодежь, которая жаждетъ слышать отъ своего профессора слово живой правды, слово своей личной вѣры и своего убѣжденія.

Д. Ѳ. былъ весьма опытнымъ руководителемъ студентовъ въ ихъ юныхъ работахъ по вопросамъ западной догмы. Онъ никогда не обременялъ нѣкою лишнею и непроизводительною работой. Отъ студента, работающаго у него, онъ требовалъ какъ можно больше правды и дѣла, и какъ можно меньше ри-

торизма и лженауки, лжеучености, часто прикрывающей свое убожество безчисленными цитатами и многочисленными выписками.

Оставивъ академическую службу, Д. Ѳ. несъ на своихъ уже старческихъ плечахъ нелегкое бремя пастырства и редакторства. Тамъ и здѣсь онъ былъ опять необыкновеннымъ человѣкомъ, а выдающимся, на которомъ останавливались взоры многихъ. Къ пастырскимъ своимъ обязанностямъ онъ относился весьма строго. Богослуженіе всегда совершалъ истово, съ глубокимъ благоговѣніемъ, которое невольно передавалось молящимся вмѣстѣ съ нимъ. Накануне совершенія литургіи онъ хранилъ строгое воздержаніе. Несмотря на то, что приходъ его былъ небольшой, по пятницамъ великаго поста, когда его прихожане исповѣдывались, онъ возвращался домой иногда послѣ полуночи. Весьма многое онъ сдѣлалъ для благолѣпія своего храма и для повышенія религіозно-нравственнаго настроенія своихъ прихожанъ. Прихожане, движимые къ своему въ Бозѣ почившему пастырю любовію, въ день погребенія Д. Ѳ. и въ 9-й день, на свои средства выдали бѣднымъ людямъ 1500 билетовъ для полученія въ дешевыхъ городскихъ столовыхъ безплатныхъ обѣдовъ.

Глубокорелигіозное настроеніе, любовь къ церкви были какъ бы постоянной стихіей покойнаго. Вотъ почему и предъ смертію мысли о храмѣ не оставляли Д. Ѳ. Передъ смертію потерявъ ясность сознанія, какъ бы перенесясь изъ своего жилища въ храмъ, къ Престолу Божію, онъ сначала произнесъ возгласъ: „Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа“, а потомъ прочиталъ по порядку всю литургію, помянулъ на память всѣхъ усопшихъ, которые поминались въ приходской церкви. Окончивъ чтеніе литургіи, онъ сказалъ, что панихиду надо попросить отслужить о. Ѳеодора, и все спрашивалъ: „гдѣ записка о новопреставленныхъ?“ Успокоившись мало по малу, онъ сталъ засыпать, повторяя: „Да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами“.

Вскорѣ по произнесеніи этихъ словъ Д. Ѳ. тихо почилъ, почилъ безболѣзненно, съ тихой улыбкой на устахъ, съ какой онъ отошелъ и въ могилу. Какъ правдиво и хорошо было сказано Преосвященнымъ Виссаріономъ, Епископомъ Костромскимъ, на поминальной трапезѣ по Д. Ѳ.: „Воспроизведши чинъ литургіи, онъ заснулъ и черезъ нѣсколько минутъ тихо испустилъ духъ, воспарившій къ небес-

ному престолу славы отъ престола благодати, предъ которымъ мысленно предстоялъ онъ, вознося литургійныя молитвы"...

Дѣятельность Д. Ѳ., какъ редактора у всѣхъ предъ глазами. Свой журналъ онъ сумѣлъ такъ хорошо поставить и такъ широко распространить въ читающей русской публикѣ, какъ не распространенъ, кажется, ни одинъ изъ русскихъ духовныхъ журналовъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какую пользу принесъ всему русскому обществу журналъ Д. Ѳ. Десяткамъ тысячъ людей онъ помогъ разобраться въ путаницѣ современныхъ понятій, идеаловъ, запросовъ. Десяткамъ тысячъ людей далъ возможность сохранить свои христіанскіе идеалы, которые такъ открыто отрицались многими въ печати, которые замѣнялись идеалами и Ницше и Спенсера и всякихъ другихъ представителей и выразителей свободной философской морали. Понятно, поэтому, что вѣсть о смерти Д. Ѳ. наполнила великою скорбію сердца многихъ. У его гроба было четыре архипастыря, много архимандритовъ, все высшее бѣлое духовенство г. Москвы, множество его знакомыхъ, прихожанъ, духовныхъ дѣтей, сослуживцевъ-профессоровъ. На гробъ его возложено немало вѣнковъ отъ различныхъ лицъ и учрежденій.

Памяти Д. Ѳ. Голубинскаго.

За Лаврой, на полугорѣ, въ довольно живописной мѣстности, стоитъ небольшой флигель. Не блещетъ онъ затѣйливостью архитектурнаго плана, богатствомъ отдѣлки. Не вѣетъ отъ него даже свѣжестью и новизной. Годы наложили свою печать на всю эту простую, незатѣйливую постройку. Все въ ней почернѣло и начало ветшать отъ времени...

Бѣденъ и убогъ этотъ домикъ. Но десять-пятнадцать лѣтъ назадъ едва ли въ Посадѣ былъ такой человѣкъ, который не зналъ бы, кто живетъ въ этомъ домикѣ. Здѣсь жилъ заслуженный ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Димитрій Ѳеодоровичъ Голубинскій, генералъ Голубинскій.

Въ жизни мы нерѣдко наблюдаемъ, что правда Божія, огонекъ, манящій путника вдаль, полную чарующей прелести, ютятся не въ пышныхъ хоромахъ, а въ незатѣйливыхъ хижинкахъ, да лачужкахъ. Свѣтъ Христовъ

иногда свѣтитъ изъ такихъ убогихъ домиковъ, мимо которыхъ мы проходимъ, не останавливаясь на нихъ своею мыслію ни на одну минуту. Христосъ бываетъ небеснымъ Гостемъ въ хижинахъ бѣдняковъ и простецовъ иногда даже чаще, чѣмъ въ великолѣпныхъ палатахъ гордыхъ богачей и напыщенныхъ мудрецовъ.

Пойдемте въ этотъ домикъ и посмотримъ, что тамъ...

Предъ нами старое покачнувшееся крыльцо, съ почернѣвшими отъ времени, деревянными некрашеными дверями. Ручекъ у дверей нѣтъ. Нѣтъ также и звонка не только въ видѣ электрическаго, но и хотя бы даже въ видѣ старинныхъ, первобытныхъ звонковъ съ желѣзной ручкой и системой проволокъ, привязанныхъ за простой мѣдный колокольчикъ. Если кому нужно было попасть къ хозяину въ домъ, то онъ долженъ былъ стучаться и тогда на стукъ выходила „ветхая денми“ старица, которая и открывала предъ нимъ завѣтныя двери.

По деревянной некрашеной лѣстницѣ, устроенной самобытнымъ русскимъ архитекторомъ-мужичкомъ, по своимъ собственнымъ планамъ и архитектурнымъ соображеніямъ, вы поднимаетесь наверхъ. Вотъ вы, нако-

жецъ, вошли въ самое святилище. Ничего особеннаго, выдающагося, замѣчательнаго не встрѣчаете вы и здѣсь. Прежде всего вы входите въ небольшое зальце. Передній уголъ весь занятъ иконами съ теплящейся предъ ними лампадкой. Простая старинная мебель, и то въ незначительномъ количествѣ, украшаетъ его. Старый диванъ, нѣсколько старыхъ стульевъ, два стола, да старомодный комодъ,—вотъ и вся мебель этой самой парадной комнаты въ этомъ замѣчательномъ флигелькѣ. Впрочемъ, въ двухъ углахъ стоятъ книжные шкафы, наполненные книгами сверху донизу. Они устроены въ стилѣ разборныхъ американскихъ шкафовъ и представляютъ собою рядъ небольшихъ деревянныхъ ящичковъ, поставленныхъ одинъ на другой, вплоть до самаго потолка. О простотѣ этихъ сооруженій, сдѣланныхъ мужичками - столярами, нѣтъ нужды и говорить...

Кромѣ залы, намъ остается теперь осмотрѣть еще двѣ комнаты. Это — кабинетъ и столовую. Кабинетъ представляетъ собою небольшую очень узкую комнату, стѣны которой до потолка заставлены шкафами съ книгами и различными инструментами. Тутъ помѣщается токарный и столярный станокъ.

Здѣсь же находится небольшая аптечка. Тут и рабочій кабинетъ. Кромѣ того, эта комнат или вѣрнѣе какое-то Өермопильское ущелі служитъ хозяину вмѣстѣ съ тѣмъ и спал ней. Противъ рабочаго стола, стоитъ дер вянная старинная кровать съ высоким спинками, крашеная въ красную краск Кровать покрыта простымъ старымъ ситц вымъ одѣяломъ. Его несомнѣнно нужно на звать убогимъ. На письменномъ столѣ — письменные приборы незапамятныхъ временъ Тутъ вы видите гусиныя перья, старательн очиненныя. Хозяинъ писалъ еще гусиным перомъ. На стѣнѣ висятъ замѣчательные в своемъ родѣ часы. Это такіе ветераны, что могутъ собою украсить стѣны и витрины даже музея. Эти часы были подарены покойному родителю въ 1818 году..., по наслѣдству отъ котораго они и перешли къ Д. Ө. Но часы были куплены еще значительно раньше восемнадцатаго года прошлаго столѣтія. Можетъ быть, имъ теперь уже больше ста лѣтъ... Время положило и на нихъ свой отпечатокъ. Пеньковыя веревочки, на которыхъ висѣли мѣдныя гири, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, перетерлись и были замѣнены металлическими цѣпями. И гири отъ времени стали не въ состояніи

своею тяжестью приводить въ движеніе старый, скрипѣвшій механизмъ часовъ. Поэтому на каждой изъ нихъ навѣшано было немало различныхъ металлическихъ пластинокъ, для увеличенія ихъ тяжести и для увеличенія ихъ вліянія на неслушавшійся механизмъ. Стрѣлки отъ времени также впали въ нѣкотораго рода анархизмъ. Онѣ совершенно не хотѣли подчиняться механизму и показывали весьма часто далеко не то, что должны были показывать. Ихъ строптивость тоже пришлось смирять сторонними средствами, такъ какъ домашнихъ, своихъ собственныхъ не хватало уже. На кончикахъ стрѣлокъ были привѣшены металлическіе кружки различнаго размѣра и вѣса. Эти кружки и приводили дѣятельность стрѣлокъ въ возможную гармонію съ дѣятельностью и планами внутренняго механизма.

Къ часамъ былъ придѣланъ электрическій звонокъ. Звонокъ этотъ также былъ необыкновенный. Онъ звонилъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не прерывалъ токъ. А для этого нужно было встать и подняться къ часамъ, отвинтить осторожно одинъ винтикъ. Иначе звонокъ сталъ бы звонить безъ перерыва цѣлые дни и ночи. Такъ ветераны-часы должны были не только показывать хозяину

время, но еще и служить будильникомъ. Все это сдѣлано было самимъ владѣльцемъ этихъ замѣчательныхъ часовъ.

Въ углу разсматриваемой комнаты „кабинета-библіотеки-спальни-столярной“ стоятъ два старыхъ-старыхъ громадныхъ зонта. Они прикрѣплены къ стѣнѣ большими толстыми мѣдными проволоками. Одинъ изъ этихъ зонтовъ купленъ еще въ 44-мъ году прошлаго столѣтія. Я не разъ видѣлъ хозяина этого зонта идущимъ подъ нимъ въ сырую погоду. Зонтъ такъ великъ, что напоминаетъ собою небольшую полотняную раскинутую палатку. Кто шелъ подъ этимъ зонтомъ, разсмотрѣть было совершенно нельзя. Со стороны были видны только шагающія чьи-то ноги, и можно было даже думать, что зонтъ движется чудесно...

Столовая комнатка еще меньше по размѣрамъ, чѣмъ „кабинетъ-библіотека-спальня-столярная“. Здѣсь все такъ старо, что трудно уже и опредѣлить время происхожденія различныхъ вещей. По крайней мѣрѣ теперь ни одного подобнаго предмета не встрѣтишь въ продажѣ. Чайные бокалы, чашки, выцвѣтшіе отъ времени, какихъ-то необыкновенныхъ фасоновъ, чайники, молочники также необыкновенные, — все это свидѣтель-

ствуетъ о глубокой старинѣ и далекомъ, далекомъ прошломъ...

Напрасно бы мы стали здѣсь искать богатаго гардероба. Два ситцевыхъ халата, съ старинными рисунками, испещренные различными необыкновенными цвѣтами или рисунками огурцовъ или огурчиковъ, почти одна смѣна одежды, отличающаяся необыкновенной скромностью и простотой, — вотъ и все, что мы найдемъ въ гардеробѣ покойнаго. Одѣвался онъ необыкновенно просто и необыкновенно старомодно. Кто не зналъ лично Д. Ѳ., тотъ, встрѣтившись съ нимъ, никогда не могъ подумать, что предъ нимъ извѣстный профессоръ Академіи. Въ своемъ оригинальномъ костюмѣ онъ скорѣе напоминалъ собою какого-либо болѣе или менѣе зажиточнаго мѣщанина 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Недаромъ по Академіи распространенъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ семинаристикъ, пріѣхавшій держать экзамены, встрѣтивши у подъѣзда Д. Ѳ., принялъ его за слугу и попросилъ внести свои вещи въ Академію. Д. Ѳ. въ своихъ убогихъ и старомодныхъ костюмахъ такъ былъ оригиналенъ, что многіе старались „живописать“ его въ этомъ видѣ. Академія до сихъ поръ помнитъ заботы и хлопоты Д. Ѳ. о „сооруженіи новаго

пальто“ для поѣздки въ Петроградъ... Пальто долго „сооружалось“ въ Москвѣ и все-таки вышло изъ рукъ портного очень необыкновеннымъ...

47 лѣтъ тому назадъ взошелъ покойный въ эту квартиру и съ тѣхъ поръ ни одного раза не мѣнялъ ее. 47 лѣтъ — почти полустолѣтіе, большой періодъ времени. Въ теченіе этого времени многое можно сдѣлать. Но Д. Ѳ. не отличался внѣшней кипучей обширной дѣятельностью. Результаты его дѣятельности не такъ велики и поразительны, какими бы они могли быть въ дѣйствительности. Даже его ученые труды, обнимающіе собою въ общемъ не болѣе 400 страницъ, не представляютъ собою по размѣрамъ чего-либо удивительнаго. Въ теченіе полустолѣтія можно было бы и большее сдѣлать.

Мы часто въ жизни судимъ поверхностно о людяхъ. Мы часто расцѣниваемъ людей, прикладывая къ нимъ мѣрку внѣшнихъ дѣлъ. Но едва ли эта оцѣнка всегда справедлива и всегда выражаетъ и исчерпываетъ собою всю душу человѣка. Кромѣ внѣшней жизни, есть еще внутренняя жизнь... Можно много въ теченіе жизни написать, много сдѣлать. Міръ явленій, подлежащихъ изученію человѣка, необъятенъ. Милліоны людей тысяче-

[л]ѣтія сидятъ за изученіемъ тайнъ внѣшней [и] внутренней жизни міра, и все-таки до сихъ [п]оръ они остаются почти еще ничего незнающими въ этой необъятной безднѣ знаній. [Ч]еловѣчество до сихъ поръ успѣло прочи[т]ать изъ этой книги едва лишь нѣсколько [с]траницъ. Что даетъ человѣку подобное зна[н]іе? Такой многознающій человѣкъ можетъ [б]ыть въ дѣйствительности настоящимъ невѣждой. Знать въ необъятной кладовой міра тысячи явленій — это почти еще ничего не [з]нать.

Кромѣ внѣшняго міра, есть еще внутренній міръ, полный такихъ глубинъ, такихъ тайнъ, [к]акихъ мы не найдемъ нигдѣ въ мірѣ внѣшней дѣятельности, какою бы кипучестью она [н]е отличалась. Въ этомъ мірѣ—зерно вѣчной жизни. Здѣсь само небо. Этотъ міръ не занимаетъ никакого мѣста, но какъ бы мы не углублялись въ него, все онъ кажется необъятнымъ, ничѣмъ не заполнимымъ. Міросозерцаніе дитяти и глубокаго старца разнятся между собою почти безконечно. Но о нихъ нельзя сказать, что развитіе, углубленіе ихъ закончено. Нѣтъ, и цѣлая вѣчность не заполнитъ ихъ...

Въ этомъ внутреннемъ мірѣ заключается основа всей нашей жизни. Изъ этого вну-

тренняго міра освѣщается весь строй личной жизни, жизнь окружающихъ насъ людей, видимый міръ съ его тысячами самыхъ разнообразныхъ явленій. Въ этомъ мірѣ можетъ быть немного внѣшнихъ знаній, фактовъ внѣшней дѣятельности. Но въ немъ, при этой видимой скудости дѣлъ, можетъ быть глубина постиженія себя и всего окружающаго насъ. Здѣсь драгоцѣнная евангельская жемчужина. Многознающій, выдающійся ученый можетъ быть слѣпымъ въ сравненіи съ такимъ человѣкомъ. И Спаситель говорилъ, что Его ученіе непонятно внѣшне мудрымъ людямъ. И апостолъ засвидѣтельствовалъ, что проповѣдь о крестѣ для этой внѣшней мудрости представляетъ собою или только соблазнъ, или только безуміе. Можно видя не видѣть и слыша не слышать...

Вотъ эта-то жизнь духа и была жизнью Д. Ѳ. съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго вздоха. Ею онъ былъ силенъ и славенъ. Она придавала особый отпечатокъ всей его жизни и дѣятельности. Она создала для него такія твердыни, которыя были для другого положительно немыслимы. Изъ этого внутренняго своего міра радостно смотрѣлъ онъ на весь внѣшній міръ съ тысячами его многообразныхъ, простыхъ и сложныхъ явле-

нiй. Этотъ мiръ давалъ ему возможность устоять тамъ, гдѣ другiе безъ всякаго боя сдавались и падали... Онъ освѣщалъ для него все такимъ свѣтомъ, какого напрасно домогались внѣшними усилiями другiе люди. Тамъ, гдѣ люди были и слѣпы, и черствы, и скорбны, Д. Ѳ. находилъ возможнымъ быть и радостнымъ, и безконечно участливымъ. Тамъ, гдѣ многiе какъ слѣпые ничего не видѣли, онъ все прозрѣвалъ своимъ внутреннимъ окомъ. И получалась невольно любопытная картина. Въ однихъ и тѣхъ же явленiяхъ онъ и другiе люди видѣли совершенно различныя стороны до полной противоположности. Читали одну и ту же книгу, а чтенiе получалось совершенно другое. Читали какъ бы какiя еще никому невѣдомыя клинообразныя надписи.

Проникнемъ же хотя на нѣсколько мгновенiй въ этотъ внутреннiй мiръ Д. Ѳ. и посмотримъ, что тамъ...

Д. Ѳ. былъ необыкновенно религiозный, „набожный“ человѣкъ. Его вѣра въ Бога не опредѣлялась сухими формулами и различными философскими опредѣленiями. Это была живая вѣра въ живого Бога, столь постоянно близкаго къ человѣку, что это трудно и передать человѣческимъ языкомъ. Онъ пред-

ставлялъ Его ближе въ отношеніи къ человѣку, чѣмъ окружающій насъ воздухъ, ближе нашей одежды, наконецъ, ближе даже нашего тѣла. Онъ представляетъ Его обитающимъ въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ нашей души. И въ природѣ вездѣ отъ послѣдней ничтожной пылинки до грандіозныхъ явленій, онъ видѣлъ и созерцалъ Его. Это постоянное ощущеніе близости къ человѣку Бога выражалось прежде всего въ молитвѣ.

Молитва для многихъ—пустой звукъ. Для Д. Ѳ. она была восторженнымъ гимномъ въ честь Того, Кто все держитъ въ своей всемогущей, премудрой и благой десницѣ. Молитва это живая бесѣда человѣка о томъ, что для него всего дороже на свѣтѣ и въ цѣлой вѣчности. Вотъ почему мы и видимъ Д. Ѳ. часто молящимся. Дома ежедневно онъ совершаетъ молитвы утромъ и вечеромъ. Весьма часто читаетъ самъ акаѳисты различнымъ святымъ, прочитываетъ вечерни, утрени, шестопсалміе и другія различныя церковныя службы. Для меня теперь стало ясно, почему въ его библіотекѣ при описи мы нашли собраніе почти всѣхъ акаѳистовъ, почти полный кругъ богослужебныхъ книгъ. Это все — живые свидѣтели его молитвенныхъ трудовъ.

Въ дневникѣ Д. Ѳ. есть немало весьма любопытныхъ страницъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ онъ пріучалъ себя къ молитвѣ и какъ онъ боролся съ своими молитвенными немощами. Многіе на молитву смотрятъ весьма поверхностно и думаютъ, что она дается легко. Это—глубокій предразсудокъ. Кто жилъ хотя только немного духовной жизнью, кто хотя только отчасти знакомился съ нею по твореніямъ древнихъ подвижниковъ, тотъ прекрасно знаетъ, какой это трудъ..., и трудъ великій. Молитва не дается сразу. Она—результатъ постоянной напряженной борьбы съ собой.

Холодное желѣзо, если ударять его молотомъ, накаливается до-красна. И „хладная" къ молитвѣ душа, если ее напрягать, утруждать, послѣ настойчиваго молитвеннаго труда, дѣлается пламенѣющей. Поэтому ошибаются тѣ, которые думаютъ, что молиться нужно только тогда, когда есть молитвенное настроеніе. Если мы будемъ гоняться за настроеніемъ, то часто, часто молитвенный часъ, призывъ къ церковной молитвѣ застанетъ насъ безъ настроенія, и мы останемся безъ молитвы. Да и не принять бы намъ за молитвенное настроеніе то, что въ дѣйствительности ничего общаго не имѣетъ съ мо-

литвой?.. У одного выдающагося русскаго уже покойнаго святителя есть очень дорогія и цѣнныя строки о молитвѣ. Молитвенное настроеніе,—говоритъ онъ,—подобно морскому приливу и отливу. То оно наполняетъ всю душу человѣка, увлекая ее въ горній міръ, то отливаетъ изъ души, наполняя душу тоской, унынiемъ, упадкомъ нравственной дѣятельности. Но человѣкъ долженъ молиться и въ эти страшные моменты внутренняго боренія. Уже одно сознаніе своей немощи и безпомощности имъ въ эти минуты многое привнесутъ въ его душу...

И Д. Ѳ., этотъ рѣдкій молитвенникъ, много боролся съ собою, пріучая себя къ молитвѣ. Заглядывая въ его душу возможно глубже, мы въ данномъ случаѣ видимъ цѣлую картину его громадной борьбы съ собою. Какъ стражъ, стоящій на опасномъ сторожевомъ посту, зорко слѣдитъ всюду за всѣмъ, что совершается кругомъ него; такъ каждый день изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, слѣдилъ за собой Д. Ѳ. Когда мысленно только представляешь себѣ все это, то невольно поражаешься грандіозностью картины внутренняго его боренія...

Приведемъ хотя нѣсколько строкъ о молитвѣ, заимствуя ихъ изъ различныхъ мѣстъ

его дневника. Вотъ что мы здѣсь читаемъ.

„Молился торопливо. На молитвѣ было смутно въ душѣ. Молитву не докончилъ: прервали, а потомъ кончалъ молитву торопливо. Довольно искренно молился. Молился немного. Молился сокрушенно. Молитвы почти опущены. Во время молитвы замѣчалось стремленіе къ покаянію. На молитвѣ склонялся къ жалобамъ. При чтеніи акаѳиста было возбужденіе страха и благоговѣнія. Сегодня читалъ акаѳистъ поздно. Молился исправнѣе прежняго. Акаѳистъ. Исправно молился. Сокрушенная молитва. Молился неисправно. О молитвѣ не старался. На молитвѣ покаяніе было недостаточное. Сегодня молитвъ не докончилъ. На молитвѣ замѣчалась холодность. Сегодня, кажется, молился нѣсколько исправнѣе, чѣмъ вчера. Повечеріе было читано. При чтеніи акаѳиста для тетеньки сначала смущеніе, воспоминаніе о грѣхахъ, послѣ сильное чувство покаянія. Молился немного. При молитвѣ движеніе покаянія, но недостаточное. Молился медленно и крайне сокрушенно. При чтеніи акаѳиста развлекался заботами. Читалъ покаянный канонъ. Смущеніе при чтеніи канона. Великое повечеріе читалъ дома. Правило

окончилъ къ полночи. Читалъ вечерню сегодня дома. Недостаточно доброе расположеніе при чтеніи акаѳиста. Вечерню и всенощную читалъ дома. Читалъ канонъ Пасхи. Молитва сегодня была довольно продолжительная и отчетливое стремленіе къ покаянію. Читалъ акаѳистъ всѣмъ святымъ. Молился поискреннѣе прежняго. Читалъ акаѳистъ св. Онуфрію. Послѣ обѣда читалъ праздничные каноны. Послѣ обѣда сегодня было чтеніе службы свят. Тихону. Вечеромъ читалъ акаѳистъ св. ангеламъ. Читалъ дома шестопсалміе"...

Такъ тянутся изъ года въ годъ длинной, почти нескончаемой вереницей замѣтки Д. Ѳ. о домашней молитвѣ. Эти лаконическія замѣтки много проливаютъ свѣта на тайну жизни, что совершалось въ этой душѣ. О какой силѣ и чистотѣ духа свидѣтельствуютъ онѣ. То, что для многихъ не существуетъ, совершенно ускользаетъ съ поля ихъ зрѣнія, то здѣсь замѣчается со всѣми мельчайшими подробностями и оттѣнками. Я назвалъ бы эти записки протоколомъ самаго строгаго слѣдователя, который безбоязненно записываетъ все, что бы онъ не замѣтилъ. И понятно почему. Нужно бояться не грѣха, а непризнанія грѣха, невѣдѣнія и невидѣнія

грѣха и опасности. Если врагъ нашъ понятенъ намъ и замѣченъ нами, то мы поборемся съ нимъ и выйдемъ изъ борьбы побѣдителями... А какъ часто большинство его даже не видитъ, не замѣчаетъ или, замѣчая, не считаетъ даже своимъ врагомъ.

Д. Ѳ. молился не дома только. Онъ молился, можно сказать, вездѣ. Молился онъ въ физическомъ кабинетѣ среди своихъ любимыхъ приборовъ. Объ этомъ онъ пишетъ и въ своемъ дневникѣ. „Въ физическомъ кабинетѣ исправно молился", „Молился въ физическомъ кабинетѣ"... Я и самъ однажды засталъ его тамъ за молитвой. Любопытно, страшные приборы, которые мысли и чувства многихъ отвлекали совершенно отъ Бога и неба, душу Д. Ѳ. всецѣло обращали къ небу и Богу. Такъ важно умѣть читать и понимать грамотно окружающія насъ явленія. Какъ много въ данномъ случаѣ зависитъ отъ чтеца и его внутренняго настроенія...

Молился онъ, идя въ Академію. Многіе видали, какъ въ лѣтніе хорошіе дни безъ шапки проходилъ онъ всю Лавру, сгорбленный. Уста его въ это время что-то шептали, взоръ былъ сосредоточенъ на чемъ-то внутреннемъ. Онъ стоялъ неподвижно на какой-то незримой внутренней точкѣ. Есть и въ

дневникѣ объ этомъ замѣтки. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: „доканчивалъ молитву у собора Троицкаго“...

Молился Д. Ѳ. въ академическомъ, благоухающемъ, цвѣтущемъ садикѣ. Я и самъ, гуляя по саду, не одинъ разъ совершенно неожиданно наталкивался на него и заставалъ его за молитвой. Живо помнятся мнѣ эти минуты. Вотъ онъ стоитъ за кустомъ густо разросшагося жасмина, скрытый въ его вѣтвяхъ почти совершенно. Солнце заливаетъ всю землю своимъ свѣтомъ. Чистый прозрачный воздухъ дрожитъ. Кругомъ тишина. Природа какъ бы священнодѣйствуетъ. А вотъ среди этого священнодѣйствія природы и служитель природы, какъ бы ея пастырь и священникъ, обнаживъ свою сѣдую голову, съ книжкою въ рукахъ стоитъ и читаетъ хвалы и благодаренія Тому, Кто такъ мудро все устроилъ и Кто такъ близокъ къ намъ, чье дыханіе слышится въ каждомъ кустикѣ, листикѣ, травкѣ, благоухающемъ цвѣткѣ... Взоръ молящагося устремленъ къ небу, а уста шепчутъ молитвы. Какъ бы въ тактъ сильному внутреннему настроенію, мѣрно и плавно склоняется голова сѣдовласаго старца...

Если Д. Ѳ. замѣчалъ, что его видятъ, то

онъ быстро складывалъ свою книжку и принималъ свой обычно озабоченный дѣловой видъ, не давая понять, что онъ дѣлалъ. Я всегда въ подобныхъ случаяхъ старался незамѣтно скрыться куда-нибудь, чтобы не нарушить священнодѣйствія старца...

Молился онъ и идя дорогой. Особенно молился онъ, отправляясь въ тотъ или другой монастырь. Въ одномъ мѣстѣ дневника мы читаемъ: „молился исправно, идя дорогой къ скиту". Несмотря на то, что ему предстоялъ длинный путь, несмотря на необыкновенную медленность всѣхъ его движеній, онъ все-таки не успѣвалъ прочитывать всѣ свои молитвы до скита и принужденъ былъ доканчивать ихъ уже въ скиту. Въ дневникѣ своемъ объ этомъ онъ пишетъ: „торопливо доканчивалъ молитву въ пещерной церкви".

Мнѣ думается, что дневникъ со временемъ укажетъ и другія мѣста, которыя были освящены его молитвой. Едвали я много погрѣшу, если скажу, что онъ молился вездѣ и всюду, гдѣ находилъ удобнымъ и гдѣ заставало его молитвенное настроеніе.

Особеннымъ же, любимымъ мѣстомъ молитвы былъ для него храмъ. Да это и понятно. Въ храмѣ—мѣсто особеннаго присут-

ствія Божія. Здѣсь постоянно слышится проповѣдь и ученіе Христа Спасителя. Вся обстановка храма, полная глубокаго смысла, заключающая въ себѣ преданія и завѣты св. людей всѣхъ минувшихъ вѣковъ, способна высоко настраивать душу человѣка. Мнѣ думается, нигдѣ на землѣ, ни въ какомъ земномъ учрежденіи, не собрано столь великихъ образцовъ вѣры, мученичества, святости, поразительнаго самоотверженія, какъ въ христіанскомъ храмѣ. Нигдѣ мы не встрѣтимъ столькихъ св. героевъ, гигантовъ духа, какъ здѣсь. А сила общественной молитвы? Она и немощного въ молитвѣ дѣлаетъ сильнымъ, и холоднаго—пламенѣющимъ, и колеблющагося—твердымъ. Какъ волна на своемъ гребнѣ поднимаетъ разбитый челнъ и несетъ его въ даль; такъ и общая молитва и общее молитвенное настроеніе, захватывая человѣка вовлекаетъ въ свой водоворотъ слабую душу, поднимаетъ ее и несетъ на своихъ неземныхъ крыльяхъ въ высь небесъ...

Д. Ѳ. былъ необыкновенно усерднымъ посѣтителемъ церкви. Трудно пока точно сказать, какъ часто онъ бывалъ въ храмѣ. Но едва-ли мы много преувеличимъ, если скажемъ, что онъ почти ежедневно посѣщалъ храмъ. Во всякомъ случаѣ, изъ дневника

его видно, что нѣсколько недѣль подъ рядъ онъ неопустительно посѣщалъ церковь. Во всякомъ случаѣ, мы нигдѣ въ его дневникѣ пока не встрѣтили, чтобы онъ былъ менѣе четырехъ дней въ теченіе недѣли въ церкви. Пропускалъ онъ богослуженія большею частію въ четвергъ и вторникъ. Какъ строгъ былъ къ себѣ Д. Ѳ. во время домашней молитвы, такъ строгъ онъ былъ и во время молитвы въ храмѣ. И здѣсь онъ слѣдилъ за каждымъ своимъ шагомъ, отмѣчая всѣ самыя малыя уклоненія отъ молитвеннаго настроенія. Онъ ходилъ въ храмъ за молитвой, а не съ молитвой. И часто, часто онъ получалъ тамъ то, что искалъ. Какъ вѣрно понималъ онъ молитву и въ данномъ случаѣ, и какъ превосходилъ тѣхъ, которые оправдываютъ свое отсутствіе въ храмѣ отсутствіемъ у нихъ религіознаго настроенія. Вотъ нѣсколько любопытныхъ строкъ изъ той части дневника покойнаго, гдѣ онъ говоритъ о своемъ хожденіи въ храмъ и о своихъ настроеніяхъ въ храмѣ.

„Къ литургіи пришелъ послѣ Евангелія. Во время литургіи и водосвященія развивались грустныя мысли о дѣлахъ, но вообще сознаніе пробуждается замѣтно. Къ литургіи пришелъ нѣсколько поздно и притомъ раз-

сѣяннымъ. Опоздалъ къ утрени. Былъ въ соборѣ при окончаніи литургіи. Молился. Пришелъ въ храмъ при окончаніи литургіи, за поздней литургіей былъ въ нашей академической церкви. Во время литургіи замѣчалось у меня легкомысліе. Къ заутренѣ не всталъ. При литургіи стремился къ покаянію. Слышалъ звонъ и не всталъ. За всенощнымъ у меня сознаніе было неглубокое. Во время литургіи въ академической церкви былъ склоненъ нѣсколько къ унынію. Къ службѣ пришелъ нѣсколько поздно. Опять въ Академію не попалъ къ началу службы. За службой въ Академіи были грустныя мысли и воспоминанія. Во время повечерія очень стремился къ покаянію. За всенощной садился. Во время проскомидіи замѣтно было движеніе жалобъ. За всенощной стоялъ разсѣянно. За литургіей было возбужденіе страха. Въ церкви сначала стоялъ неблагоговѣйно и разговаривалъ. Поздно шелъ въ Троицкую церковь, былъ легкомысленъ, склоненъ къ ропоту и унынію и нечестивымъ мыслямъ. Къ часамъ пришелъ поздно. Былъ въ церкви. Сначала смутно было въ душѣ, потомъ стало нѣсколько лучше, наконецъ, молился усердно. Молился сегодня въ Академической церкви благоговѣйно... За все-

нощнымъ было вниманіе отчетливое, но сознаніе неглубокое и неясное“...

Въ церкви ничто не ускользало отъ его вниманія. Пропущенная стихира, забытый угодникъ на отпустѣ, противорѣчіе какое-либо въ томъ или другомъ пѣснопѣніи, какая-либо неясность въ богослуженіи,—все это замѣчалъ онъ. Иногда онъ не только говорилъ объ этомъ, но и даже писалъ письма. У меня до сихъ поръ хранится одно его письмо, въ которомъ онъ просилъ меня пропускать 44-ый стихъ въ Евангеліи, читаемомъ на великой вечернѣ въ великую пятницу, Безъ пропуска этого стиха, писалъ онъ, получается слишкомъ замѣтное противорѣчіе...

Нужно ли говорить о томъ, что многое изъ перечисленнаго Д. Ѳ. многими не только не считается грѣхомъ, но даже и не сознается... Если даже упрекаетъ себя за недостаточность своего молитвеннаго настроенія, за опозданіе въ церковь, то что сказать о большинствѣ людей...

О силѣ и глубинѣ молитвы Д. Ѳ. разсказываютъ слѣдующее. Одинъ инокъ Лавры видѣлъ о немъ такой сонъ. „Видитъ онъ себя въ Успенскомъ соборѣ Лавры, идетъ литургія; всѣ стоятъ съ вѣтвями, какъ въ вербное воскресенье. У большей части бого-

мольцевъ вѣтки почти сухія: кое-гдѣ листикъ, изрѣдка—цвѣточекъ. Но вотъ въ южную дверь собора входитъ Д. Ѳ., и въ его рукахъ ваія, вся благоухающая бѣлыми, чудными цвѣтами. И по всему собору пошло отъ этой ваіи благоуханіе, а старецъ Божій радостно прошелъ въ алтарь..." [1])

Говѣлъ Д. Ѳ. не менѣе четырехъ разъ въ годъ.

Къ исповѣди и причастію готовился особенно внимательно. Въ одномъ мѣстѣ дневника мы читаемъ: „окончилъ приготовленіе къ исповѣди" Д. Ѳ. возвращался въ этотъ день изъ храма обыкновенно воодушевленнымъ и восторженнымъ. Въ дневникѣ въ эти дни мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: „слава Богу! Господь сподобилъ меня сегодня причастія Св. Таинъ".

Въ церкви онъ часто служилъ панихиды, молебны. Особенно дорога и цѣнна его поразительная заботливость о поминовеніи „Братчиковъ" [2]). Онъ поминалъ ихъ въ несколь-

---

[1]) Церк. Вѣдом. 1903 г. № 49 стр. Ст. Памяти Д. Ѳ. Голубинскаго.

[2]) Членовъ Академическаго Братства во имя преп. Сергія, учрежденнаго для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ.

кихъ церквахъ. Постоянно слѣдилъ за точнымъ выполненіемъ поминовенія. Если кто-либо умиралъ изъ братчиковъ, Д. Ѳ. немедленно сообщалъ объ этомъ священнику и самъ вносилъ имя почившаго въ диптихи. Въ дневникѣ его по этому поводу мы читаемъ: „послано письмо о поминовеніи Макарія, Архіепископа Донскаго, только что умершаго“. Или еще: „Возбудить вопросъ въ Братствѣ о необходимости поминать такихъ-то (слѣдуютъ далѣе имена)“. За поминовеніе братчиковъ онъ платилъ свои деньги. Въ его дневникѣ мы читаемъ: „причту дано для поминовенія членовъ Братства 3 р.“. Потомъ тянутся длинной вереницей рубли, какіе онъ давалъ тому же причту. Это все расходы по поминовенію за одинъ годъ. Поминовеніе „Братчиковъ“ совершается въ Академическомъ храмѣ всегда неопустительно круглый годъ, такъ какъ службы въ Академическомъ храмѣ совершаются почти ежедневно. Но Д. Ѳ. не удовлетворялся этимъ. Онъ поминалъ всѣхъ „Братчиковъ“ еще отъ себя на свой счетъ.

Не говоримъ уже о томъ, что онъ поминалъ ихъ всегда на своихъ домашнихъ молитвахъ. Послѣ Д. Ѳ. осталось много такихъ помянниковъ. Всѣ онѣ необыкновенно ветхи и

желты; видно, очень часто они бывали въ рукахъ Д. Ѳ.

Немало денегъ расходовалъ Д. Ѳ. на поминовеніе родныхъ и знакомыхъ. Такъ въ его дневникѣ мы читаемъ: „въ Филаретовскую церковь послано 14 руб. для поминовенія родныхъ“. „Въ Виѳанскій монастырь на поминовеніе дадено 3 руб.“. „Для поминовенія родныхъ и знакомыхъ въ ...... церковь 2 руб. и причту 10 руб.“. „По дѣлу поминовенія Горчаковыхъ и родныхъ послано 12 руб. ...... и 8 руб.“. „Въ ..... церковь за поминовеніе 6 руб. 50 коп., причту 5 руб.“. „Въ церковь ....., за поминовеніе 1 руб. 50. коп.“ Всѣ эти расходы на поминовеніе Д. Ѳ. были сдѣланы въ теченіе одного года. Такъ какъ мы не просматривали дневникъ Д. Ѳ. систематически хотя бы за одинъ годъ, то нужно думать, что и эта довольно солидная цифра его расходовъ на поминовеніе еще не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительности.

Посѣщая такъ часто храмъ, Д. Ѳ. не ограничивался только молитвой... Не было ни одной службы, за которой бы онъ не оставилъ порядочной суммы въ храмѣ. Его расходы въ данномъ случаѣ распредѣляются по слѣдующимъ рубрикамъ: „въ церковь, въ кружку, на свѣчи, причту“. Всюду онъ жертвовалъ

далеко не копейками или самыми мелкими серебряными монетами для виду... Такъ подъ рубрикой „въ церковь“ мы встрѣчаемъ слѣдующія цифры: „1 руб. 50 коп., 3 руб. 10 коп., 3 руб., 3 руб. 60 коп., 56 коп., 2 руб. 15 коп.“ Подъ рубрикой „на свѣчи“ читаемъ: „свѣчей на панихиду на 79 коп.“ Въ общемъ расходы на церковь всегда выражаются рублями каждый разъ... Но особенно много денегъ расходовалъ Д. Ѳ. въ дни говѣнія. На однихъ извозчиковъ въ теченіе недѣли у него выходило 7 руб. 50 коп. Присоедините къ этому еще ежедневные различные расходы въ церкви. Расходы въ самый день пріобщенія Св. Таинъ обычно были больше 8 рублей.

Изъ храма Д. Ѳ. уходилъ почти всегда послѣднимъ. Когда многіе изъ присутствовавшихъ были уже на половинѣ пути къ дому, онъ все еще находился въ храмѣ, уста его все еще творили молитву. Къ кресту послѣ богослуженія, подходилъ послѣднимъ. Возвратившись изъ храма домой, Д. Ѳ. долгое время находился подъ впечатлѣніемъ богослуженія. О многомъ разсуждалъ, многое передумывалъ. Въ одномъ мѣстѣ его дневника мы читаемъ: „были вспоминанія изъ читанной пареміи. См. Исаія гл. 13, ст. 2—13“. Или еще. „Раз-

мышлялъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ о сильныхъ средствахъ, побуждающихъ къ покаянію человѣка, находящагося въ великомъ нравственномъ разстройствѣ".

У Д. Ѳ. былъ обычай ежедневно прочитывать главу или нѣсколько главъ изъ Новаго и Ветхаго Завѣта. Выбравши себѣ извѣстныя книги для чтенія изъ Библіи, Д. Ѳ. не отступалъ отъ своего плана. Его дневники до сиръ поръ даютъ возможность судить о порядкѣ этихъ чтеній. Такъ въ его дневникѣ мы читаемъ: „днемъ читалъ 1-ю главу Евангелія Луки и книг. Премудр. гл. 10—14". Далѣе каждый день отмѣчаются прочитанныя главы. Постоянное чтеніе Св. Писанія Д. Ѳ. дало возможность прекрасно знать Св. Писаніе не только по духу, но и по буквѣ. Своими познаніями, большими выдержками изъ Писанія на память, онъ обыкновенно поражалъ всѣхъ. На экзаменахъ Св. Писанія экзаменующіеся особенно побаивались Д. Ѳ. Я помню, какъ не разъ обращались къ Д. Ѳ. за справками указать то или другое мѣсто изъ Св. Писанія, и всегда получали скорый и точный отвѣтъ. Онъ въ данномъ случаѣ съ удобствомъ замѣнялъ собою самую обширную и ученую симфонію.

Послѣ Св. Писанія онъ читалъ, кажется,

также почти ежедневно книги духовнаго содержанія. Пересматривая прочитанное имъ въ этой обширной области, трудно сказать, чего онъ не прочиталъ на своемъ вѣку. Онъ читалъ: творенія Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, блаж. Θеодорита, Григорія Богослова, житія святыхъ, дѣяпія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, проповѣди—Иннокентія, Филарета, Макарія, Евсевія и т. д., и т. д.

Нельзя при этомъ не отмѣтить слѣдующей весьма любопытной и цѣнной черты Д. Θ. Будучи столь церковнымъ и религіознымъ человѣкомъ, онъ нисколько не стѣснялся читать и свѣтскую литературу. Многое изъ прочитаннаго онъ зналъ также на память. Особенно много зналъ стихотвореній изъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Державина. Гоголя онъ перечитывалъ за полторы недѣли до своей смерти. Я самъ его видѣлъ за этимъ чтеніемъ. Онъ жаловался мнѣ, что нѣкоторыя повѣсти Гоголя не понимаетъ, такъ какъ слишкомъ загадочны ихъ сюжеты. Объ одной повѣсти говорилъ, что она Гоголю не принадлежитъ. А Шекспира онъ попросилъ изъ библіотеки всего за полтора дня до своей смерти. Нельзя безъ чувства глубокой отрады отмѣтить этотъ фактъ отношенія Д. Θ. къ

свѣтской литературѣ, особенно въ виду гоненій на эту литературу, которыя проповѣдуются въ послѣднее время многими обскурантами, выдающими себя за ревнителей православія...

Всю свою домашнюю жизнь Д. Ѳ. старался расположить по церковному уставу; отступленія отъ предписаній устава считалъ великимъ грѣхомъ. Когда по немощи или по другимъ какимъ-либо причинамъ онъ не соблюдалъ уставъ, то обыкновенно отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ: „сегодня я погрѣшилъ противъ устава“ или „сегодня я нарушилъ уставъ“. Д. Ѳ. праздновалъ свои имянины 21 сентября. Однажды этотъ день приходился на пятницу. Я сказалъ Д. Ѳ.:

— Какъ вы теперь будете угощать корпорацію рыбой: въ пятницу вѣдь рыбы не полагается.

На это Д. Ѳ. мнѣ отвѣчалъ:

— Я спрашивалъ дьячка объ этомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что можно рыбу ѣсть и въ пятницу. У насъ въ приходѣ праздникъ въ этотъ день, а по главѣ такой-то въ праздники полагается братіи утѣшеніе на трапезѣ.

Итакъ, конфликтъ былъ разрѣшенъ мирнымъ путемъ.

Д. Ѳ. такъ старательно избѣгалъ наруше-

нія устава, что съ большимъ трудомъ упросили его ѣсть рыбное и мясное во время болѣзни. Впрочемъ, это рыбное было такъ скудно и подозрительно, что иной и здоровый не сталъ бы его ѣсть...

Не могу не вспомнить изъ отношеній Д. Ѳ. къ уставу и слѣдующаго. Несмотря на свое благочестіе и полное послушаніе церкви, онъ все-таки не разъ высказывалъ мысль, что уставъ пора бы исправить, потому что онъ сталъ теперь непосильнымъ не только для мірянъ, но даже и для монаховъ! Не разъ онъ даже обращался къ Преосвященному Ректору Академіи съ такою просьбой:

— Когда будете въ Синодѣ присутствовать, непремѣнно возбудите вопросъ объ исправленіи устава.

Дѣйствительно, вполнѣ добросовѣстный человѣкъ не можетъ иначе относиться къ этому серьезному дѣлу. Открыто нарушать уставъ онъ не можетъ, и жить по уставу цѣликомъ онъ также не въ состояніи. Отсюда совершенно понятна просьба Д. Ѳ. пересмотрѣть уставъ. Не говорю уже о томъ, что онъ находилъ различныя неустранимыя противорѣчія въ уставѣ, которыми обыкновенно всѣхъ ставилъ втупикъ.

Д. Ѳ. въ своей жизни не ограничивался

только хожденіемъ въ церковь, да молитвенными подвигами и созерцаніями. Свою вѣру въ живого Бога, Которому имя Любовь, онъ постоянно старался доказать и дѣломъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ поразительно высокъ, такъ что едва ли многіе съ нимъ могутъ сравниться не только изъ міряпъ, но и изъ монаховъ. Онъ былъ безсребренникомъ въ буквальномъ и полномъ смыслѣ этого слова. Все, что онъ имѣлъ, всегда раздавалъ бѣднымъ и убогимъ.

Дневникъ Д. Ѳ. въ данномъ случаѣ весь испещренъ записями безчисленныхъ его пожертвованій. Не было въ его жизни ни одного дня, когда бы онъ не оказалъ нѣсколькимъ людямъ матеріальной помощи. Вотъ почему, гдѣ бы онъ не появлялся, около него всегда быстро собиралась толпа различныхъ просителей. Просители обыкновенно поджидали его у различныхъ воротъ, калитокъ, гдѣ онъ долженъ былъ въ извѣстный часъ непремѣнно пройти, осаждали его со всѣхъ сторонъ. Д. Ѳ. всѣмъ давалъ, часто не считая, сколько онъ даетъ. Однажды бѣдняку, который былъ босъ, отдалъ съ себя галоши и принужденъ былъ итти домой въ однихъ сапогахъ. Его домъ нищіе и бѣдняки такъ осаждали, что не разъ приходилось полиціи спа-

сать Д. Ѳ. отъ усердныхъ просителей. Мало того, за послѣднее время онъ долженъ былъ завести у себя особый свистокъ для вызова полицейскаго, когда назойливые просители не оставляли его убогую квартиру. Здѣсь и разгадка того, почему у квартиры Д. Ѳ. не было звонка. Когда былъ звонокъ, то онъ звонилъ почти безъ перерыва съ ранняго утра до поздней ночи. Не было никакой возможности справиться съ множествомъ нуждающихся особенно же „босяковъ“, которые въ Посадѣ, благодаря его близости къ Москвѣ, появляются въ большомъ количествѣ.

Для характеристики Д. Ѳ. въ этомъ отношеніи приведу нѣсколько строкъ изъ его дневника. Всѣ его кліенты раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ. Одни изъ нихъ получали отъ него постоянное пособіе изъ года въ годъ, другіе временное, третьи были случайные просители. Были такіе, которымъ приходилось посылать пособіе далеко за предѣлы Посада и пособіе въ очень значительныхъ размѣрахъ. Долгое время изъ года въ годъ онъ выдавалъ пособіе, наприм., одному иноку, жившему въ монастырѣ...

Большею частію Д. Ѳ. записывалъ общимъ счетомъ, сколько дано нищимъ и бѣднымъ въ тотъ или другой день. Вотъ нѣсколько

подобныхъ ежедневныхъ записей: 1 р. 29 к., 1 р. 1 к., 1 р. 44 к., 1 р. 10 к., 1 р. 42 к., 1 р. 50 к., 1 р. 12 к., 90 к., 1 р. 50 к., 73 к., 1 р. 56 к. и т. д. А вотъ небольшая справка о томъ, кому въ отдѣльности онъ давалъ ежедневно: „у калитки двоимъ, вдовѣ, лишенному зрѣнія, другимъ бѣднымъ, старушкѣ, неизвѣстному, въ долгъ, бывшему сторожу, сосѣдямъ, погорѣвшимъ, на храмъ, бывшему служителю графа, для погребенія бѣдной, бѣдному, бывшему пономарю, больной, бывшему часовщику, собиравшей на станціи, лишившемуся зрѣнія, бѣдному священнику, встрѣтившемуся неизвѣстному, неизвѣстному бѣдному, бѣдному офицеру, ученику, послушнику, неизвѣстному работнику, послушникамъ, бывшему преподавателю математики, изъ .... пустыни послушнику, бывшему преподавателю, двумъ трудившимся при могилѣ, подарены (22 р. 23 р.) вдовѣ портного, артисту, дочери бочара, неизвѣстному бѣдному по фамиліи Иванову, для бѣдной невѣсты“ и т. д. Словомъ, никому Д. Ѳ. не отказывалъ. Каждому изъ поименованныхъ просителей онъ давалъ не менѣе 15 коп., а нѣкоторымъ и рублями.

Очевидно, въ числѣ кліентовъ Д. Ѳ. было немало и „бывшихъ“ людей. Видно было,

что многіе изъ нихъ сочиняли себѣ особыя положенія, выдумывали различные чины, занятія, фамиліи. Но рука Д. Ѳ. не разбирала никого, а давала всякому, кто бы не просилъ у него. Мнѣ не разъ думалось, когда возражали противъ этого рода благотворительности, что люди, подобные Д. Ѳ., спасаютъ общество отъ краха. Если „бывшіе" люди не превращаются окончательно въ звѣрей, если они не устремляются на людей, какъ дикари, то только потому, что въ ихъ душахъ поддерживается вѣра въ людей и добро этими добрыми людями, призрѣвающими и ласкающими ихъ.

Постоянно жертвовалъ Д. Ѳ. и различнымъ учрежденіямъ. Едва ли когда въ своей жизни прошелъ онъ мимо какой-либо кружки, не опустивши въ нее нѣсколько не только лептъ, а иногда даже рублей. Онъ клалъ „отай" рубли туда, куда люди, привыкшіе, чтобы ихъ видѣли, бросаютъ обыкновенно лишь ненужные грошики да копѣйки... Такъ, наприм., въ кружки казначейства онъ опускалъ слѣдующія суммы сразу: 1 р. 50 к., 1 р. 40 к., 1 р. 15 к., 1 р. 10 к., 2 р. 20 к., 3 р. 40 к."... Въ кружки сберегательной кассы: „60 к., 2 р. 48 к.". Жертвовалъ во всевозможныя благотворительныя общества: Миссіонерское,

Посадскій пріютъ, пріютъ Маріи Магдалины и т. д. Покупалъ билеты на различные благотворительные концерты, спектакли и т. п.

Какъ бы не удовлетворяясь тѣмъ, что приходилось отдавать свои послѣднія лепты въ различныя благотворительныя учрежденія, Д. Ѳ. старался еще помогать имъ различными вещами. Для одного учрежденія въ Москвѣ, на дверяхъ котораго написано: „пожертвуйте ненужныя вамъ вещи“, онъ собиралъ различные предметы и, накопивши ихъ въ достаточномъ количествѣ, отвозилъ въ Москву. Этимъ, мнѣ думается, объясняется то громадное скопленіе всякихъ предметовъ и вещей, иногда очень ничтожныхъ по своей цѣнности, которое мы нашли по смерти Д. Ѳ. Онъ все собиралъ, начиная отъ небольшой жестянки и кончая старыми самоварами. Всѣ эти вещи тщательно перевязаны, упакованы и разсортированы. Глядя со стороны на это, можно даже смѣяться. Но въ дѣйствительности тутъ весьма много хорошаго. За границей изъ этихъ ненужныхъ вещей, говорятъ, находятъ возможнымъ составлять большія суммы. Эти суммы представляютъ собою, конечно, деньги, поднятыя, такъ сказать, съ улицы. Сколько же бы подобныхъ денегъ

можно было поднять, если бы всѣ подражали въ данномъ случаѣ Д. Ѳ.

Д. Ѳ. помогалъ не только бѣднымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но и людямъ, имѣющимъ возможность кое-какъ существовать на свѣтѣ. У него былъ обычай не отпускать безъ денежной награды ни одного человѣка, оказавшаго ему ту или другую самую мелкую и ничтожную услугу. Перечислимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: „академическимъ служителямъ, принесшему дрова, ночному сторожу, служащимъ при желѣзной дорогѣ, привратникамъ, столярамъ, швейцару, насосникамъ, кучеру, банщику, принесшему замокъ, принесшей письмо отъ просительницы, служащимъ въ музеѣ, за размѣнъ денегъ, супругѣ 2 го сторожа, работавшимъ въ нашемъ храмѣ, трудящемуся въ нашемъ храмѣ, шарманщику, колодезникамъ и т. д. Въ дни великихъ праздниковъ и имянинъ къ нему приходили съ поздравленіями едва ли не со всего Посада, и никто не уходилъ безъ вознагражденія.

Зная, какъ бѣдный людъ нуждается въ средствахъ, за всякую работу Д. Ѳ. платилъ необыкновенно щедро. Такъ, наприм., за „стриженіе“ онъ платилъ 40 к., хотя у него, строго говоря, ничего было стричь. Извозчикамъ онъ

платилъ отъ 70 до 90 коп. Вотъ почему он
всегда окружали его, какъ только онъ п
казывался изъ воротъ Лавры, предлагая ем
свои услуги. Не даромъ послѣ его смерт
многіе изъ нихъ говорили, что Д. Ѳ. был
ихъ кормильцемъ и поильцемъ. Служащим
при желѣзной дорогѣ давалъ болѣе 70 ко
Платилъ за каждое письмо, принесенное ем
съ почты. Платилъ за каждое письмо и па
кетъ, откуда бы ихъ онъ не получалъ.

Обширная ежедневная благотворительност
требовала особой системы и выработки нѣ
котораго плана. Д. Ѳ. особенно нужны был
мелкія деньги. Возникалъ вопросъ о хране
ніи ихъ и о сортированіи. Для помѣщені
ихъ существовали у Д. Ѳ. слѣдующія вещи
„ящикъ для мѣдныхъ денегъ, большой ко
шелекъ, напоминающій собой почти сакъ-во
яжъ, пять меньшихъ кошельковъ различно
величины, сѣрый мѣшокъ, другой мѣшокъ
коробокъ 20, шерстяной кошелекъ“. Для хра
ненія серебра существовалъ особый ящикъ
раздѣленный на перегородки, по которымъ
раскладывалась монета одного достоинства
рубли съ рублями, полтинники съ полтин
никами и т. д. Когда онъ выходилъ на ули
цу, то карманы его наполнялись деньгами
Деньги и по карманамъ раскладывались не

безъ разбора, а по своему достоинству: въ одномъ лежали гривенники, въ другомъ—двугривенные. Въ кошелькахъ нѣсколькихъ была мѣдь: въ одномъ пятикоп. монеты, въ другомъ трехкоп. и т. д. Встрѣчая бѣднаго, Д. Ѳ. отправлялся въ извѣстный карманъ и оттуда доставалъ опредѣленую сразу сумму, и давалъ ее, уже не считая. Это въ значительной степени облегчало для него нелегкій трудъ раздаванія милостыни просящимъ. Трудно точно сказать, сколько Д. Ѳ. истрачено на бѣдныхъ денегъ.

Одно только нужно сказать, что послѣ его смерти денегъ осталось около 34 рублей. Изъ нихъ было найдено 4 руб. 50 к. мѣдью, 16 р. 75 к. мелкимъ серебромъ, прочее золотомъ и на сберегательной книжкѣ. Очевидно и это небольшое богатство Д. Ѳ. предназначалось бѣднымъ же. Если оно осталось послѣ него, и только потому, что онъ не успѣлъ его раздать.

Итакъ, почти все его жалованіе (за послѣдніе годы онъ получалъ ежемѣсячно болѣе 200 рубл.) шло на бѣдныхъ. Къ этимъ 200 р. нужно еще прибавить деньги, которыя онъ получалъ за свои литературные труды.

Правда, по дневникамъ можно видѣть, что Д. Ѳ. не разъ собирался копить деньги. За-

водились у него и серіи. Но не долго онѣ лежали. То и дѣло встрѣчаются замѣтки „размѣна“ тогда-то и деньги отданы тому-то. Деньги отдавались подъ вексель. До сихъ поръ сохранилось нѣсколько векселей по 200 рубл. каждый, но бравшіе по нимъ давно уже умерли, не уплативши, конечно, своего долга. Пытался Д. Ѳ. при помощи Сберегательной кассы скопить что-либо для себя. Многіе видали его въ кассѣ. Нѣкоторые на этомъ основаніи высказывали даже предположеніе, что у него осталось много денегъ. Но на сберегательной книжкѣ оказалось всего лишь около 8 рублей. Изъ книжки видно было, что въ кассу нерѣдко онъ приносилъ 1 руб. 75 коп., а бралъ изъ нея по 8 рублей. Неудивительно, что при такихъ вкладахъ немного сбережешь... Былъ у него одинъ выигрышный билетъ. Каждогодно Д. Ѳ. покупалъ старательно выигрышныя таблицы и записывалъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ. Очевидно, ему хотѣлось получить солидный выигрышъ. Но, увы, и этотъ выигрышный билетъ подъ конецъ былъ имъ проданъ, а деньги израсходованы... Интересно было бы знать, на что онъ хотѣлъ употребить эти будущія выигрышныя деньги. Конечно, на все и на всѣхъ, только не на себя.

Какъ нуждался Д. Ѳ. въ деньгахъ, несмотря на то, что получалъ весьма приличное содержаніе, видно изъ слѣдующаго. При жизни онъ не разъ занималъ, наприм., у меня деньги по 5 и 10 руб. Несмотря на то, что суммы были очень незначительны, онъ страшно затруднялся выплачивать ихъ, и былъ всегда благодаренъ, если мнѣ удавалось уговорить его не платить хотя бы какую-либо часть ихъ. Иногда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не желая брать денегъ въ долгъ, онъ предлагалъ мнѣ купить у него изъ библіотеки ту или другую книгу. Я покупалъ... Однажды я забылъ по полученіи книги тотчасъ послать ему деньги. Вскорѣ мнѣ принесли отъ него письмо, изъ котораго я понялъ, почему книга была продана и какъ нужны были Д. Ѳ. эти три рубля — цѣна книги...

Но можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что онъ много тратилъ денегъ на себя?

Его личные расходы такъ скромны, что трудно это и представить. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ. Въ дневникѣ мы читаемъ о расходахъ Д. Ѳ. на себя слѣдующее: „манная крупа 6 коп., гречневая 40 коп., коровье масло 2 ф. 74 коп., лимонъ 5 коп., пропускная бумага 50 к. и рядомъ съ этимъ

значится „извощику“ 75 коп., подсолнечное масло 3 ф. 36 к., 1 ф. горчицы 40 к., апельсины 16 к., и служащимъ при желѣзной дорогѣ 85 к., сахарный песокъ 2 ф. 26 к., уксусъ 5 к., сельди 24 к., а на марки 1 р. 98 к., ситники 30 к., ржаная мука 40 к., керосинъ 6 ф. 21 к., соль 5 к., а на бумагу писчую 1 р. 5 к., подправочная мука 4 ф. 20 к., а за починку нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ 2 р. 55 к., рисъ 10 к., баранки 2 ф. 20 к., изюмъ 30 к., спички 7 к., 10 яблоковъ 20 к., мѣра картофелю 40 к., 2 кочня капусты 12 к., снетки 12 к.“ и т. д. Вотъ расходы Д. Ѳ. на себя. Объ одеждѣ его мы уже говорили... У меня до сихъ поръ хранится росписаніе кушаній Д. Ѳ., написанное имъ для меня собственноручно. Какъ все бѣдно и убого здѣсь...

При этомъ нужно помнить, что физическій кабинетъ онъ содержалъ исключительно на свои средства. На свои средства пріобрѣталъ всевозможные инструменты, выписывалъ иностранные журналы, русскія и иностранныя книги по своему предмету. Въ различныхъ мѣстахъ его дневника можно немало найти данныхъ для сужденія о расходахъ Д. Ѳ. на физическій кабинетъ. Какъ ни былъ онъ бережливъ, все-таки физическій кабинетъ

поглощалъ у него не копейками, а рублями.

Итакъ, можно смѣло сказать, что онъ отдавалъ почти все свое состояніе, всѣ свои деньги другимъ, оставляя на содержаніе себя самую незначительную часть. Все другимъ и почти ничего себѣ — вотъ его жизненный девизъ.

Христіанское міросозерцаніе положило глубокій отпечатокъ и на всю личную жизнь. Гдѣ бы онъ ни былъ, всюду внимательно слѣдитъ за собою. Онъ старается уловить каждый диссонансъ, который прозвучитъ въ его душѣ, отмѣтить каждый свой личный недостатокъ, промахъ, каждое неосторожное слово. И въ данномъ случаѣ вся его жизнь представляетъ собою одну почти непрерывную борьбу съ собою. Какъ неподражаемо высокъ онъ и здѣсь. Вотъ какіе недочеты отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. „Неоснователенъ былъ въ разговорахъ. Неосторожность въ выраженіяхъ. Неблагоговѣйная мысль пришла. Смущена совѣсть. Осуждалъ высшихъ. Неразумная шутка. Мое самохвальство, а можетъ быть и гордость. Тщеславіе. Упрямство въ исканіи расходной книжки. Раздражительность и неосторожность съ просителемъ. Бойкость въ разговорахъ. Моя не-

осмотрительность относительно о. Ректора. Опять тщеславіе. Опять неосторожное слово. Неискренность въ разговорѣ о дѣлахъ. Въ разговорѣ съ Н. А. было движеніе гордости. Грѣхъ нерадѣнія о письмѣ къ .... Нечувствіе грѣха. Легкомысліе. Увлеченіе пустыми разговорами. Излишнія заботы о себѣ, не по совѣсти, можетъ быть — слѣдствіе забытаго на исповѣди грѣха. Странное самооправданіе противъ совѣсти добывалъ кислоту въ физическомъ кабинетѣ. Говорилъ о моемъ преподаваніи и впалъ въ самохвальство. Неосторожный разговоръ о твореніи міра. Дорогой презрительно отнесся къ какой-то нищей" и т. д. Дневники Д. Ѳ. испещрены перечнемъ подобныхъ грѣховъ. Какъ автоматическій какой аппаратъ, онъ все записывалъ за собой. Онъ съ такою строгостью записывалъ все, съ какой, кажется, не будутъ истязать людей даже на мытарствахъ. Едва ли многіе такъ строги къ себѣ, какъ былъ строгъ Д. Ѳ. Многіе, можетъ быть, улыбнутся, прочитавши эти строки. Имъ странной покажется такая придирчивость человѣка къ себѣ. Но для того, кто имѣетъ чистое око, все это казаться будетъ не только страннымъ, но и самымъ естественнымъ, необходимымъ явленіемъ. Христіанская аскетика именно этого и тре-

буетъ отъ каждаго христіанина. Даже въ молитвенникѣ написано, что каждый христіанинъ, отходя ко сну, долженъ перебрать въ своей памяти все — доброе и злое, что онъ совершилъ въ теченіе дня. Такимъ образомъ, мнѣ думается, что приведенныя выше строки свидѣтельствуютъ не о духовныхъ недочетахъ Д. Ѳ., а о его великой внутренней силѣ, о его необыкновенномъ нравственномъ благообразіи.

Христіанское настроеніе заставляло Д. Ѳ. и къ лекціямъ своимъ относиться необыкновенно внимательно. Онъ влагалъ въ свою науку всю душу. Дневники Д. Ѳ. наполнены записями о томъ, какъ онъ готовился къ лекціямъ, сколько онъ переживалъ при этомъ страховъ, волненій, радости. Вотъ нѣсколько подобныхъ строкъ. „Приготовленіе усердное къ лекціямъ. Увлеченіе опытами. Въ классѣ неудача со струею водорода и кислорода, отъ чего я пришелъ въ смущеніе. Успѣхъ на лекціи о преломленіи, и на другой о газѣ. Въ банѣ разговаривалъ о благонаправленіи преподаванія. Нерадѣніе о лекціяхъ". Д. Ѳ. почти никогда не пропускалъ лекцій. Мало того, онъ обыкновенно настойчиво просилъ о прибавкѣ ему лекцій сверхъ обычныхъ четырехъ. Если ему отказы-

вали въ этомъ, то онъ обыкновенно волновался.

Со студентами Д. Ѳ. иногда занимался еще и математикой и, конечно, занимался безплатно. Въ своемъ физическомъ кабинетѣ онъ проводилъ время почти цѣлыми днями, готовясь къ той или другой лекціи. Особенно много времени отнимали у него опыты, которые почти всегда проходили у него блестяще.

Въ отношеніи къ сослуживцамъ Д. Ѳ. былъ необыкновенно внимателенъ, добръ и участливъ. У него не было враговъ и недоброжелателей. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи.

О десятилѣтнемъ служеніи Д. Ѳ. въ качествѣ предсѣдателя Братства въ дневникахъ можно встрѣтить также очень много матеріала. Но не буду говорить объ этомъ, потому что дѣятельность его, какъ предсѣдателя у всѣхъ еще жива до сихъ поръ. Кромѣ самоотверженныхъ трудовъ по удовлетворенію многочисленныхъ просьбъ студентовъ, онъ много иногда даже тайно отъ начальства помогалъ студентамъ, когда Совѣтъ Братства почему-либо не находилъ возможнымъ удовлетворить просьбу того или другого студента. У него до сихъ поръ немало хранится

подобныхъ долговыхъ студенческихъ росписокъ. Иногда, не имѣя никакой возможности лично помочь нуждавшемуся, онъ обращался съ просьбой о помощи имъ къ различнымъ московскимъ благотворителямъ. Нерѣдко эти просьбы имѣли успѣхъ, и онъ такимъ образомъ получалъ возможность помочь бѣдному студенту. Мнѣ точно извѣстно, какъ однажды на Ваганьковскомъ кладбищѣ была выпрошена чугунная старая могильная рѣшетка. Она была продана за 18 рублей, а деньги посланы въ Одессу одному студенту, лѣчившемуся на лиманѣ и страшно бѣдствовавшему (М. Ѳ-му).

Честность Д. Ѳ. была положительно поразительна. Самъ онъ разсказалъ мнѣ какъ-то совершенно случайно слѣдующее.

Однажды онъ повезъ въ Москву самоваръ, чтобы отдать его туда, гдѣ принимаютъ всѣ старыя и ненужныя вещи, превращая ихъ въ деньги на благотворительныя дѣла. Отдалъ онъ благополучно свой самоваръ. Но возвращаясь оттуда домой, вспомнилъ, что на самоварѣ была желѣзная старая крышка. Крышка взята имъ когда-то съ отдушника печки въ своемъ домѣ. Домъ былъ церковный, слѣдовательно и крышка была церковная, а не его собственная. Итакъ, возникалъ

вопросъ, какимъ образомъ онъ пожертвовалъ чужую вещь, выдавши ее за свою. Вопросъ еще болѣе осложнялся тѣмъ, что крышку вернуть было уже нельзя. Вотъ какъ Д. Ѳ. вышелъ изъ этого затрудненія. Изъ своихъ средствъ онъ опустилъ въ церковный ящикъ цѣлый рубль, хотя крышка не стоила и пяти копеекъ. Только тогда онъ успокоился. Мысль о совершенномъ имъ преступленіи болѣе не смущала его. Въ физическомъ кабинетѣ до сихъ поръ сохраняется одинъ свертокъ на которомъ рукою Д. Ѳ. написано: „забытое студентомъ 1858 года".

Можно бы говорить о многомъ и другомъ весьма любопытномъ и замѣчательномъ, что совершалось въ этомъ убогомъ флигелькѣ, въ который мы заглянули. Но время и мѣсто не позволяетъ намъ заглянуть болѣе подробно въ тайны человѣка, жившаго здѣсь. Да это сдѣлаютъ и другіе. Мы вѣримъ, что придетъ время, когда снова не разъ пересмотрятъ все, что совершалось въ этомъ домикѣ, и о всемъ повѣдаютъ міру. Нравственный обликъ Д. Ѳ. еще болѣе тогда выростетъ и еще болѣе заставитъ склониться предъ собою не только благочестивыя головы и сердца, но и сердца гордыхъ, много думающихъ о себѣ людей...

Итакъ, угасла жизнь, полная такой живой, дѣятельной любви къ Богу и людямъ. Догорѣлъ елей въ лампадѣ, порвана жизненная ткань, угасъ свѣтильникъ...

Пастырско-Просвѣтительное Братство при Академіи.

Въ 1905—6 годахъ сильно всколыхнулась въ Россіи церковная жизнь. Современная общественная жизнь поставила предъ Церковью рядъ неотложныхъ задачъ и жгучихъ запросовъ. Между церковными дѣятелями въ обществѣ и въ печати началось горячее обсужденіе различныхъ вопросовъ церковной жизни, указывали и указываютъ самыя различныя направленія, по которымъ должна итти церковная жизнь. Не всякій въ этомъ дѣлѣ можетъ удовлетвориться мелкимъ политиканствомъ, пустыми и злобными иногда разсужденіями о внѣшнихъ только формахъ церковной организаціи. Нѣкоторые и изъ студентовъ Академіи обратили свое вниманіе на внутреннюю сторону церковной жизни, на

сферу вѣры и любви, и искали разрѣшенія всѣхъ вопросовъ въ возстановленіи истинно-христіанской общественной жизни. Чтобы поддержать и укрѣпить среди нихъ церковное настроеніе и воодушевленіе, я объединилъ ихъ вокругъ себя въ организацію подъ именемъ Пастырско-Просвѣтительнаго Братства.

Въ основѣ Братства легла идея служенія Христу словомъ и дѣломъ. Частнѣе цѣль и задачи Братства были отмѣчены въ рефератѣ іеродіакона Христофора, прочитанномъ на одномъ изъ первыхъ собраній. Вотъ этотъ рефератъ.

„Мы пріѣхали въ Академію для того, чтобы приготовить себя къ служенію Христу, всѣ мы надѣемся быть въ свое время работниками Христовой Церкви, пастырями, проповѣдниками, преподавателями учебныхъ заведеній. Академія даетъ намъ теоретическую подготовку, предлагая курсы нравственнаго и практическаго богословія; теорію должны мы будемъ прилагать къ жизни.

При вступленіи на общественное служеніе каждый изъ насъ встрѣтитъ массу вопросовъ, теоретическихъ и практическихъ, которые потребуютъ своего разрѣшенія. Поэтому весьма важно для будущаго пастыря Церкви подумать объ этихъ вопросахъ еще на студенче-

ской скамьѣ, познакомиться съ разными сторонами практической пастырской дѣятельности, поучиться у опытныхъ и свѣдущихъ людей; главное же необходимо пріобрѣсти пастырскій духъ, проникнуться идеей, составляющей сущность пастырства, понять и уяснить сущность и задачи пастырства, наконецъ, воспламениться желаніемъ быть пастыремъ Христовой Церкви, т.-е. продолжать дѣло Христа въ созиданіи Царства Божія, призывать грѣшныхъ къ покаянію, утѣшать скорбящихъ, наставлять заблудшихъ, ободрять унывающихъ, укрѣплять слабыхъ, исцѣлять больныхъ душою, поднимать падшихъ, и указывать всѣмъ истинный смыслъ и истинный путь жизни. Этотъ путь есть слѣдованіе за Христомъ, жизнь въ Немъ и съ Нимъ, жизнь въ нѣдрахъ Его Церкви въ любви и единеніи съ братьями во Христѣ.

Назначеніе пастыря весьма высокое, трудное, отвѣтственное, но и плодотворное; въ виду важнаго значенія пастырства необходимо серьезно подготовить себя къ этой дѣятельности; конечно, для того, чтобы быть достойнымъ пастыремъ, надо самому твердо стоять въ вѣрѣ и въ религіозно-нравственной жизни; необходима съ одной стороны теоретическая работа: надо выработать себѣ опредѣленную

точку зрѣнія, уяснить основныя истины христіанства; съ другой стороны, подвижничество—работа надъ собой, борьба съ пороками и грѣхомъ—должно служить основаніемъ для пастырской дѣятельности. Прежде всего необходима помощь свыше, благодать св. Духа, очищающая, просвѣщающая, укрѣпляющая и обновляющая. Всѣ эти факторы вмѣстѣ образуютъ пастыря.

Братство, организуемое нами, можетъ служить весьма полезнымъ и важнымъ дополненіемъ теоретической подготовки къ пастырской дѣятельности; оно должно помочь каждому изъ насъ разобраться въ вопросахъ, относящихся къ пастырской дѣятельности, а также дать возможность еще въ студенческіе годы поработать практически и пріобрѣсти извѣстный опытъ.

Мнѣ кажется, что наше Братство должно поставить своей цѣлью подготовку къ пастырской дѣятельности, которая слагается кромѣ священнодѣйствія изъ трехъ сторонъ: проповѣдничества, душепопеченія и просвѣтительной дѣятельности.

Общія собранія Братства должны служить обсужденію различныхъ вопросовъ пастырской дѣятельности; поэтому необходимо чтеніе рефератовъ на разнообразныя темы, ка-

сающіяся пастырства, и бесѣда по поводу нихъ.

Для выполненія своей практической цѣли Братство должно организовать 1) проповѣдничество и собесѣдованіе въ различныхъ видахъ, 2) непосредственную работу надъ человѣческими душами или душепопеченіе, 3) нѣкоторыя учрежденія, служащія просвѣтительной задачѣ.

Для того, чтобы дѣятельность Братства была планомѣрна и плодотворна, необходима извѣстная организація его; эта организація нужна лишь для порядка и единства работы и не должна стѣснять личной иниціативы; цѣлое не должно поглощать отдѣльной личности; рамки устава должны ограничивать дѣятельность членовъ Братства лишь въ необходимой мѣрѣ; единство въ пониманіи задачъ и направленіи Братства и взаимная любовь, соединенная съ тактомъ и терпимостью, должны способствовать тому, чтобы въ Братствѣ царило гармоничное сочетаніе личной самодѣятельности и организаціи.

Въ виду разнообразія задачъ было бы желательно раздѣленіе кружка на отдѣльныя группы или отдѣлы, преслѣдующіе спеціальныя задачи, но объединенные одной цѣлью; нѣтъ необходимости строго разграничивать

эти отдѣлы; каждый членъ Братства можетъ принимать участіе въ дѣятельности нѣсколькихъ отдѣловъ; для успѣха работы важно лишь, чтобы во главѣ каждаго отдѣла стоялъ руководитель, около котораго, какъ объединяющаго центра отдѣла, сосредоточилась хотя бы небольшая группа членовъ, интересующихся въ особенности дѣятельностью даннаго отдѣла, и сознательно и ревностно преслѣдующихъ цѣли его; въ дѣятельности отдѣловъ могли бы принимать участіе въ качествѣ соревнователей и лица, сочувствующія дѣлу, но не желающія вступать въ число дѣйствительныхъ членовъ Братства.

Каждый отдѣлъ вырабатываетъ планъ своей дѣятельности, выясняетъ способы осуществленія его, и приводитъ свои предположенія въ осуществленіе, распредѣляя работу между своими сотрудниками.

Дѣятельность каждаго отдѣла должна находиться въ согласіи съ общимъ направленіемъ и дѣятельностью Братства.

Общее веденіе дѣлъ всего Братства должно находиться въ рукахъ совѣта Братства, состоящаго изъ предсѣдателя, секретаря, казначея и руководителей отдѣловъ.

Наконецъ, общее руководство и наблюденіе должно принадлежать Его Преосвященству

Преосвященнѣйшему Ректору Академіи, какъ Почетному Предсѣдателю Братства.

Программа дѣятельности Братства представляется мнѣ приблизительно въ слѣдующемъ видѣ:

1) проповѣдничество и собесѣдованіе въ Академической церкви; въ приходскихъ церквахъ Сергіева посада и въ другихъ пунктахъ, гдѣ это окажется возможнымъ;

2) изданіе проповѣдей, брошюръ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія;

3) распространеніе книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго характера и по возможности безплатная раздача листковъ и книжекъ;

4) организація общества дѣтей съ цѣлью дать возможность бѣднымъ и безпріютнымъ дѣтямъ находиться подъ христіанскимъ вліяніемъ;

5) организація общества юношей съ чтеніемъ бесѣдъ и рефератовъ на различныя темы;

6) организація общества трезвости для борьбы противъ пьянства;

7) организація духовной и матеріальной помощи бѣднымъ;

8) устройство бесѣдъ въ тюрьмѣ, ночлежныхъ домахъ и т. п.;

9) организація убѣжища для порочныхъ людей, ищущихъ нравственнаго возрожденія.

Пусть Братство начнетъ свою работу съ малаго и сдѣлаетъ то, что осуществимо въ настоящее время, а затѣмъ развиваетъ свою дѣятельность въ зависимости отъ наличныхъ рабочихъ силъ и средствъ. Это—живое дѣло, работа надъ живыми душами, страдающими и заблуждающимися; если Братству удастся сдѣлать хоть что-либо для людей, гибнущихъ въ порокахъ и заблужденіяхъ, страдающихъ отъ соціальныхъ бѣдствій и личныхъ недостатковъ, то Братство выполнитъ и общественное дѣло; служеніе же живымъ людямъ растворяетъ сердца, возвышаетъ духъ и даетъ глубокое удовлетвореніе; пусть стремленіе послужить людямъ словомъ и дѣломъ, вытекающее изъ внутренней потребности притти на помощь нуждающимся, страдающимъ и заблуждающимся одушевляетъ членовъ Братства въ ихъ работѣ.

Но пусть при всемъ томъ Братство имѣетъ въ виду прежде всего служеніе Христу, работу во имя Его и для Него; тогда Христосъ благословитъ Братство и его дѣятельность.

Братствомъ былъ выработанъ слѣдую
„проектъ устава Пастырско-Просвѣтительн
Братства при Московской Духовной А
деміи“.

§ 1. Цѣль Братства.

a) Цѣль Братства состоитъ въ теорети
ской и практической подготовкѣ къ паст
скому и просвѣтительному служенію въ ду
православной Церкви.

b) Теоретическая работа Братства закл
чается въ обсужденіи на общихъ собранія
Братства вопросовъ пастырства (пропов
ничества и душепопеченія) и организа
просвѣтительныхъ учрежденій.

c) Практическая дѣятельность Братства
стоитъ въ пастырствѣ (проповѣдничествѣ
душепопеченіи) и организаціи просвѣтите
ныхъ учрежденій.

§ 2. Дѣятельность Братства.

Для выполненія своихъ задачъ Братст
a) издаетъ брошюры, книги и листки; b) орг
низуетъ проповѣди и собесѣдованія въ р
личныхъ пунктахъ какъ въ Сергіевомъ п
садѣ, такъ и за предѣлами его; c) заботит
о распространеніи въ обществѣ сочине
религіозно-нравственнаго характера; d) орг

низуетъ различныя учрежденія для укрѣпленія религіозно-нравственныхъ началъ среди дѣтей, юношей и т. д. (союзъ дѣтей, общество трезвости и т. д.).

§ 3. Отдѣлы Братства.

Соотвѣтственно различнымъ отраслямъ своей дѣятельности Братство раздѣляется на отдѣлы: 1) проповѣдническій, 2) издательскій и другіе.

§ 4. Составъ Братства.

a) Дѣйствительными членами Братства состоятъ студенты Московской Духовной Академіи.

b) Почетными членами Братства состоятъ: 1) члены Братства, окончившіе курсъ Академіи и 2) лица, избранныя Братствомъ за ихъ труды на пользу Братства.

c) Соревнователями Братства считаются студенты Московской Духовной Академіи, принимающіе участіе въ дѣятельности Братства, но не принимающіе на себя всѣхъ обязанностей дѣйствительныхъ членовъ.

d) Постороннія лица могутъ принимать участіе въ учрежденіяхъ Братства въ качествѣ соревнователей.

§ 5. Выборы и увольненіе членовъ Братства.

a) Студенты Московской Духовной Акаде міи, желающіе вступить въ число дѣйстви тельныхъ членовъ Братства, записываютс соревнователями по рекомендаціи одного из членовъ, съ одобренія общаго собранія.

b) Соревнователи выбираются въ дѣйстви тельные члены на общихъ собраніяхъ.

c) Члены Братства, заявившіе о своем желаніи выйти изъ состава Братства, а такж нарушающіе его уставъ или не исполняющі его постановленій, выбываютъ изъ состав Братства.

§ 6. Обязанности членовъ Братства.

a) Дѣйствительные члены Братства обя заны посѣщать общія собранія и принимат активное участіе въ дѣятельности его.

b) Соревнователи участвуютъ въ дѣятел ности Братства по желанію.

§ 7. Управленіе дѣлами Братства.

a) Почетнымъ Предсѣдателемъ Братств состоитъ Его Преосвященство, Преосвящен нѣйшій Ректоръ.

b) Всѣ дѣла подлежатъ вѣдѣнію: 1) общихъ собраній и 2) Совѣта Братства.

§ 8. Общія собранія Братства.

a) Общія собранія Братства происходятъ еженедѣльно.

b) Руководство общими собраніями принадлежитъ Почетному Предсѣдателю Братства или, съ согласія или въ отсутствіи послѣдняго, предсѣдателю Братства.

c) Предметы занятій: 1) разсмотрѣніе вопросовъ по организаціи Братства; 2) пріемъ новыхъ членовъ; 3) выборъ должностныхъ лицъ Братства; 4) чтеніе рефератовъ по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Братства; 5) обсужденіе вопросовъ, касающихся пастырской и просвѣтительной дѣятельности; 6) разборъ проповѣдей.

§ 9. Совѣтъ Братства.

a) Совѣтъ Братства состоитъ изъ предсѣдателя, секретаря, казначея и предсѣдателей отдѣловъ.

b) Предсѣдатель, казначей, секретарь и предсѣдатели отдѣловъ съ помощниками къ нимъ избираются изъ среды дѣйствительныхъ членовъ Братства.

c) Предметы занятій Совѣта: 1) обсужденіе

программы занятій для предстоящихъ общи
собраній; 2) разработка вопросовъ по ор
низаціи и дѣятельности Братства для пр
ставленія ихъ въ общее собраніе; 3) при
деніе въ исполненіе постановленій общи
собраній Братства.

§ 10. Обязанности должностныхъ лицъ Братств

a) Предсѣдатель Братства: 1) руководи
общими собраніями, 2) назначаетъ засѣдан
Совѣта Братства и руководитъ ими, 3) в
детъ сношенія съ предсѣдателями отдѣлов
и другими лицами по дѣламъ Братства.

b) Секретарь составляетъ протоколы о
щихъ собраній и засѣданій Совѣта и ведет
все дѣлопроизводство Братства.

c) Казначей ведетъ приходо - расходну
книгу денежныхъ суммъ Братства.

§ 11. Денежныя средства Братства.

a) Денежныя средства Братства склады
ваются: 1) изъ добровольныхъ пожертвова
ній; 2) сбора съ членовъ Братства (по же
ланію); 3) дохода отъ изданія и распростране
нія книгъ и др. изданій; 4) сбора съ чтеній
и духовныхъ концертовъ,

b) Денежныя суммы контролируются Реви-
іонной Комиссіей, избираемой Братствомъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ прекращенія дѣя-
ельности Братства всѣ денежныя суммы
юступаютъ въ кассу Академической церкви.

12. Организація и дѣятельность отдѣловъ Братства.

a) Каждый отдѣлъ дѣйствуетъ на основа-
іи инструкціи, утвержденной общимъ собра-
іемъ Братства.

b) Отдѣлъ состоитъ изъ дѣйствительныхъ
иленовъ Братства и соревнователей; сорев-
юватели отдѣловъ приглашаются предсѣ-
цателями ихъ съ согласія общаго собранія
Братства.

c) Всѣ вопросы, касающіеся дѣятельности
этдѣла, рѣшаются на общихъ собраніяхъ
цѣйствительныхъ членовъ отдѣла и соревно-
зателей, которые принимаютъ участіе въ
нихъ съ правомъ рѣшающаго голоса.

d) Для непосредственнаго завѣдыванія дѣ-
лами отдѣла избираются на общихъ собра-
ніяхъ Братства предсѣдатель, секретарь,
казначей и другія должностныя лица отдѣла.

e) Отдѣлъ представляетъ предположенія
относительно своей дѣятельности на утвер-
жденіе общаго собранія Братства.

f) Каждый отдѣлъ представляетъ общему собранію Братства письменный годичный отчетъ о своей дѣятельности и еженедѣльно краткіе отчеты.

g) Отдѣлъ представляетъ Братству отчеты о денежныхъ суммахъ отдѣла, которыя контролируются ежемѣсячно чрезъ назначенныхъ членовъ Братства.

Проектъ устава чрезъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшаго Ректора Академіи Епископа Евдокима былъ представленъ въ Совѣтъ Академіи. Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ 12 апрѣля 1907 года, по разсмотрѣніи устава, опредѣлилъ:

Привѣтствуя данное проявленіе самодѣятельности студентовъ, какъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для подготовки ихъ къ просвѣщенному служенію Церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности, — представленный Преосвященнымъ Ректоромъ проектъ устава „Пастырско-просвѣтительнаго Братства при Московской Духовной Академіи“ утвердить, о чемъ и объявить учредителямъ этой организаціи.

Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ Владиміромъ, проектъ устава 3-го мая 1907 г. былъ

представленъ на благоусмотрѣніе Св. Синода [1]).

Жизнь и дѣятельность Кружка—Братства за періодъ моего ректорства подробно изображена въ печатавшихся въ ж. „Христіанинъ" ежегодныхъ отчетахъ. Вотъ что говорилось между прочимъ въ отчетѣ—за первый годъ (1906—7) существованія.

„Съ внѣшней стороны дѣятельность Пастырско-Просвѣтительнаго Братства очень несложна. Члены Братства проповѣдывали слово Божіе въ храмахъ, издали нѣсколько листковъ религіозно-нравственнаго содержанія, писали и читали на общихъ собраніяхъ рефераты, семейно обсуждали различные вопросы, выдвинутые текущей жизнью. Вотъ внѣшняя сторона дѣятельности нашего пастырско-просвѣтительнаго кружка.

Мы постараемся, насколько сумѣемъ, раскрыть внутреннюю сторону этой дѣятельности. Начнемъ съ первыхъ шаговъ.

Идея Братства зародилась на собраніи студентовъ-проповѣдниковъ у Пр. Ректора 4 ноября 1906 г. На этомъ собраніи студ. 2 курса В. А. Л. въ иночествѣ о. Хри-

---

1) Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи за 1907 годъ, стр. 67—73.

стофоръ прочелъ рефератъ, въ которомъ съ чрезвычайной ясностью показалъ собранію, какъ мы сильно отстали въ дѣлѣ духовнаго служенія ближнему. Насъ поразило то, что на Западѣ уже давно лучшіе благороднѣйшіе люди, сплотившись, энергично ведутъ борьбу со все болѣе развивающимся невѣріемъ и развратомъ, а у насъ о подобныхъ организаціяхъ совсѣмъ и неслышно. Правда, отдѣльныя личности берутъ на себя этотъ подвигъ и у насъ, но ихъ подвигъ, какъ единичный, слишкомъ недостаточенъ для пораженія многоголовой гидры зла. Необходимъ союзъ людей доброй воли, чтобы въ случаѣ упадка энергіи въ одномъ, другой могъ бы его поддержать. Пришли на память намъ здѣсь южно-русскія Братства, энергично защищавшія православную вѣру и Церковь въ XVI и XVII в. отъ притязаній католицизма. Невольно, сама собою вставала въ сознаніи мысль о созданіи подобнаго Братства и въ нынѣшнія, неблагопріятныя для вѣры и Церкви, времена. Эта мысль была высказана однимъ изъ студентовъ и дружно всѣмъ собраніемъ поддержана. Рѣшено было немедленно приступить къ организаціи Братства. Организаціонный трудъ взялъ на себя студ. 2 курса о. Хри-

стофоръ. Пока шли подготовительныя работы, на общихъ собраніяхъ у Пр. Ректора 11 и 18 ноября 1906 г. велись горячія бесѣды о томъ, какой родъ дѣятельности избрать Братству. Проповѣдничество уже было настроено. Почти ни одна праздничная служба не проходила безъ проповѣди. Но нѣкоторымъ казалось, что этого недостаточно. „Мало говорить“, говорили нѣкоторые: „надо взять на себя какое-нибудь живое практическое дѣло, которое было бы оправданіемъ нашихъ словъ“. Плодомъ такого рода бесѣдъ былъ „Союзъ дѣтей“. Так. обр. намѣчалось и выяснялось то дѣло, за которое должно было взяться Братство. Естественно, что на первыхъ порахъ каждый понималъ задачу Братства по своему. При такомъ условіи не могло быть дружной работы. Нужно было объединить всѣхъ не только дѣломъ, но однимъ пониманіемъ задачъ и цѣлей этого дѣла. Идя на встрѣчу этой назрѣвшей потребности, студ. 2 курса о. Христофоръ 25 ноября предложилъ рефератъ на тему: „Цѣли и задачи Братства“ [1]). Съ предложеннымъ пониманіемъ задачъ и цѣлей Братства собраніе согласилось. Оставалось выработать и окончательно редак-

---

[1]) Напечатанъ выше, стр. 294.

тировать уставъ Братства. Ожидать Устава долго не пришлось. 9 декабря на общемъ собраніи о. Христофоромъ проектъ устава, выработанный Совѣтомъ Братства, былъ предложенъ на разсмотрѣніе общаго собранія и съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями принятъ. Выработкой Устава Братства закончена была формальная сторона дѣла.

Время съ 9 декабря до конца года прошло въ дружной работѣ по проповѣдыванію слова Божія въ академическомъ храмѣ и по обученію дѣтей въ „Союзѣ дѣтей". Хотѣло Братство приняться и за изданіе листковъ, но недостатокъ средствъ тормозилъ дѣло. На общихъ собраніяхъ въ январѣ 1907 г. много времени посвящалось бесѣдамъ по поводу основаннаго Пр. Ректоромъ журнала „Христіанинъ". Братство искренно радовалось этому событію, потому что „Христіанинъ" предназначенъ былъ служить тѣмъ же задачамъ и цѣлямъ, которыя на своемъ знамени написало и Братство. Онъ долженъ былъ насаждать и поддерживать все доброе и свѣтлое, что сберегла еще русская народная душа, пробуждать и воспитывать религіозную вѣру, непоколебленную въ послѣднее время разными лжеучителями. Какъ было не радоваться возможности подѣлиться своими

мыслями о христіанской вѣрѣ и жизни со всею обширною нашей родиной! Одна скорбь была у Братства. За недостаткомъ средствъ никакъ нельзя было приступить къ изданію листковъ религіозно-нравственнаго содержанія, тѣмъ болѣе, что матеріалъ былъ.

28 января 1907 г. внесъ большое оживленіе въ жизнь Братства своимъ посѣщеніемъ Академіи и общихъ собраній Братства Н. Н. Неплюевъ[1]). Общеніе съ Н. Н. въ смыслѣ поднятія энергіи въ членахъ Братства принесло большую пользу. Когда мы смотрѣли на этого человѣка, отдавшаго всего себя подвигу дѣятельной любви, дышалось легко, легко. Рождалась въ душѣ какая-то особенная увѣренность въ томъ, что столь желанное для всѣхъ единеніе придетъ скоро, что недолго придется ждать того счастливаго момента, когда враждѣ и раздѣленію будетъ произнесенъ окончательный приговоръ, и русская земля исполнится мира и единодушія.

Вскорѣ, именно 3 февраля, появился рефератъ, посвященный вопросамъ христіанскаго единенія. Рефератъ былъ прочитанъ

---

[1]) Пребываніе Н. Н. описано въ статьѣ „Дорогой гость въ Академіи". „Христ.", № 2-ой за 1907 г.

на тему: „Христіанство и война“ студ. 2 курса А. П. Введенскимъ.

Еще слышны были отголоски пушечныхъ выстрѣловъ, еще стояли въ глазахъ донесенія съ театра войны съ цифрами убитыхъ и раненыхъ. Вставалъ мучительный и вѣчный вопросъ, какъ примирить Христіанство и войну. Первое проповѣдуетъ любовь — всепрощеніе, вторая — фактически всѣ эти христіанскіе принципы ниспровергаетъ. Не одинъ вечеръ былъ посвященъ обсужденію этого вопроса.

Надо замѣтить, что съ 3-го февраля рефераты стали частымъ, почти обычнымъ явленіемъ на общихъ собраніяхъ Братства. Они были прямо необходимы для того, чтобы останавливать вниманіе на опредѣленномъ кругѣ предметовъ—не разбрасываться.

10 февраля тоже предложенъ былъ рефератъ на тему: „Нравственность и кусокъ хлѣба“. Рефератъ читалъ студ. 2 курса Н. Концевичъ [1]). Тема для реферата взята была въ виду обостренія въ послѣднее время борьбы за существованіе, благодаря чему вопросы чести и совѣсти отступили на задній планъ предъ вопросомъ о кускѣ хлѣба.

---

[1]) Нынѣ священникъ Александро-Невскаго собора г. Уфы.

Еще на конгрессѣ религій въ Америкѣ было брошено по адресу христіанскихъ богослововъ обвиненіе въ томъ, что христіане хвалятся своей религіей, но почему же не живутъ они по ней, если она хороша. Этотъ упрекъ не только не теряетъ своей силы, но чѣмъ дальше, тѣмъ все острѣе и жгуче становится. О христіанахъ нашего времени трудно сказать, что они христіане. Если по нынѣшнимъ христіанамъ судить о самомъ христіанствѣ, то придется спросить, чѣмъ же тогда христіанство лучше язычества. Напр. христіанство совершенно чуждо сознательныхъ компромиссовъ съ демономъ зла, а у насъ они—обычное явленіе. Извиняются они очень простымъ соображеніемъ—жизнь того требуетъ. Требованіемъ жизни извиняютъ убійство, воровство, прелюбодѣяніе, однимъ словомъ, все. Но въ такомъ случаѣ выходитъ, что христіанство существуетъ не для жизни, что оно представляетъ одну пустую, неосуществимую мечту. Разборъ этой коллизіи и послужилъ содержаніемъ реферата. Когда началось обсужденіе реферата, было поднято много соприкосновенныхъ вопросовъ, напр. вопросъ о культурѣ, о государствѣ. Бесѣда была живая и закончилась поздно.

24 февраля вниманію Братства былъ пред-

ложенъ новый рефератъ на тему: „О Церкви“. Рефератъ читалъ студ. Ст. Ѳеод. Заслоновскій. Авторъ поставилъ своей цѣлью выяснить понятіе о Церкви, чтобы при свѣтѣ этого понятія легче было отвѣтить на вопросъ о состояніи Церкви въ нынѣшнее время. Кому изъ православныхъ христіанъ не доставляетъ скорби нынѣшнее положеніе Церкви? Намъ указываютъ недостатки, а мы не заботимся о томъ, чтобы ихъ устранить. Иногда, наоборотъ, сами, смѣшивая или отождествляя понятіе Церкви и государства, представляемъ неразумныя требованія къ учащей Церкви и тѣмъ вносимъ путаницу и хаосъ въ церковную жизнь, еще только болѣе увеличивающій нападки враговъ Церкви. На обязанности всѣхъ ревнителей достоинства Церкви лежитъ долгъ — бороться съ т. н. церковнымъ анархизмомъ. Въ церковной жизни личность пастыря является центральной; въ немъ, какъ въ какомъ-нибудь фокусѣ, отражается вся жизнь его пасомыхъ, которую онъ обязанъ поднимать до Христовой жизни. Все горе Церкви не въ томъ, что міринянинъ лишенъ правъ, а въ томъ, что у насъ слишкомъ мало достойныхъ пастырей; нужны пастыри энергичные, ревностные. Пока же пастырство будетъ ремесломъ, доставляю-

щимъ кусокъ насущнаго хлѣба, не видѣть намъ Церкви въ славѣ. Другая бѣда наша— въ разрозненности пастырскихъ силъ. Въ то время какъ враги Церкви дѣйствуютъ по плану и дружно, борцы за Христову правду дѣйствуютъ разрозненно. Нужно сплотиться и тѣсной стѣной выступить за Христа и Церковь.

Вотъ итогъ мыслей, высказанныхъ въ рефератѣ и особенно во время обсужденія его.

Дополненіемъ къ реферату С. Ѳ. Заслоновскаго былъ рефератъ студ. 2 курса Н. Концевича на тему „Христосъ и Церковь", прочитанный 10 марта 1907 г. [1]).

Церковь, какъ основанная Христомъ, въ Немъ имѣетъ свою опору. Жизнь Церкви — Христосъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто насъ манитъ въ церковную ограду, какъ не этотъ Божественнѣйшій Страдалецъ!

Кто почувствовалъ въ себѣ благодатныя движенія Христовой жизни, тотъ не можетъ уже оставить Христа, не можетъ забыть Его, какъ не могли забыть Его апостолы, несмотря на весь позоръ и ужасъ страданій Христа. Такъ дорогъ Христосъ для христіанина. Въ центрѣ міровой жизни стоитъ личность, какъ

---

[1]) Рефератъ напечатанъ въ № 10 „Христіанина" за 1907 г.

сосудъ божественнаго Духа. Исторія не представляетъ намъ другой личности, подобной Христу. Въ этой Личности, какъ воплощеніи Божества, заключено все богатство возможной для человѣка духовной жизни. Церковь, питаясь изъ этого источника, никогда не взалкаетъ и не взжаждетъ. Съ другой стороны, какъ основанная на любви, она всегда будетъ выше всякихъ другихъ союзовъ. Вотъ основныя мысли реферата.

17-го марта Братство было обрадовано однимъ отраднымъ фактомъ. Въ это время голодъ во многихъ губерніяхъ уносилъ съ лица земли жертву за жертвой. Горько было читать телеграммы о томъ напр., что отцы голодомъ вынуждены были продавать своихъ дочерей. Братство рѣшило хотя что-нибудь сдѣлать для голодающихъ. Въ Академическомъ храмѣ была произнесена проповѣдь, въ которой изображалось тяжелое положеніе голодающихъ и сдѣланъ былъ призывъ къ посильнымъ пожертвованіямъ. Послѣ проповѣди устроенъ былъ сборъ, давшій нѣсколько десятковъ рублей. Кромѣ того, однимъ изъ студентовъ былъ написанъ листокъ, изданный Братствомъ, который приглашалъ всѣхъ христіанъ сдѣлать хоть что-нибудь для бѣдствующихъ отъ голода братьевъ. Въ итогѣ

пожертвованія начали течь со всѣхъ сторонъ, начиная съ копеекъ, кончая десятками рублей. Особенно поразилъ насъ всѣхъ одинъ случай. Послѣ одной изъ воскресныхъ всенощныхъ Преосв. Ректора остановила одна простая старушка и, отдавая въ руки ему мѣшочекъ, сказала: „возмите это и помогите голодающимъ, это мои сбереженія". Когда въ квартирѣ своей Пр. Ректоръ открылъ мѣшочекъ, въ немъ оказалось свыше 100 рублей. Вотъ какъ умѣютъ отзываться на чужое горе православныя христіанскія сердца. Примѣръ старушки, отдавшей все, что она имѣла, устыдилъ насъ всѣхъ. Это ли не подвигъ христіанской воли!

17 марта же о. А. Крупкинымъ былъ предложенъ рефератъ на тему: „объ условіяхъ современнаго пастырскаго служенія". Идея реферата такая: для того, чтобы не быть въ тягость своей паствѣ съ матеріальной стороны, пастырь можетъ и даже долженъ искать постороннихъ занятій, которыя бы давали ему лишнія средства къ существованію. Рефератъ вызвалъ оживленнѣйшій обмѣнъ мыслей. Большинство склонялось въ пользу того, что пастырю лучше всего всецѣло отдаваться пастырскому служенію, не разбиваясь и не отрываясь отъ задачъ своего служенія.

Въ этотъ же день Братство имѣло еще одно утѣшеніе. Было получено съ Барановской фабрики приглашеніе проповѣдывать въ мѣстной церкви.

Въ истекшемъ году Братство имѣло не только очередныя собранія, но собиралось и по случайнымъ поводамъ, чисто семейно. Такъ, бывало, кто-либо изъ членовъ Братства въ день своихъ имянинъ приглашалъ всѣхъ членовъ на чашку чаю. Члены Братства собирались, но и здѣсь старались проводить время идейно. Первое такого рода собраніе было 22 марта 1907 года въ день именинъ предсѣдателя Проповѣдническаго Отдѣла (В. П. Виноградова). Привѣтствовавъ именинника, Братство поднимало какой-нибудь живой вопросъ, по поводу котораго сейчасъ же завязывалась общая бесѣда. Всякій говорилъ, что могъ по данному вопросу. 22 марта напр. бесѣда захватила всѣхъ до такой степени, такъ всѣ были приподняты, что 5 часовъ протекли, какъ одна минута. Иногда на этихъ семейныхъ собраніяхъ предлагались и рефераты. 22 марта рефератъ былъ предложенъ о. Христофоромъ на тему: „объ основахъ единенія“. Страшно сказать, какъ мы разъединены другъ съ другомъ! Часто бываетъ, живемъ подъ одной кровлей, ѣдимъ

изъ одной тарелки, а въ душахъ ничего общаго. Этотъ фактъ, свидѣтельствующій объ упадкѣ любви къ людямъ и усиленіи эгоистическихъ началъ, весьма печаленъ. Его не должно быть. Тамъ, гдѣ самъ Христосъ — Братъ намъ, гдѣ Отецъ общій у всѣхъ, любящій и милующій, нормально-ли, чтобы существовало такое разъединеніе? Надо созидать единеніе. Основой христіанскаго единенія является Христосъ. Только любовь къ Нему, вѣра въ Него, воспитываемая словомъ Божіимъ и богослуженіями, можетъ возстановить столь желанное и необходимое среди насъ и въ церковной оградѣ единеніе. Вотъ мысль реферата.

24 марта было очередное собраніе. Въ виду того, что служба была длинная и кончилась поздно, рѣшено было провести время въ братской бесѣдѣ. Реферата не было. На очень короткое время Преосв. Ректоръ занялъ вниманіе собравшихся чтеніемъ двухъ писемъ, присланныхъ ему изъ провинціи. Письма были очень характерны и довольно ярко обрисовали нѣкоторыя темныя стороны жизни нашихъ захолустныхъ уголковъ. Горькое чувство пришлось пережить по поводу этихъ двухъ писемъ. Они свидѣтельствовали, что есть у насъ много единичныхъ борцовъ за

свѣтлыя начала жизни, но одинъ въ полѣ не воинъ. Каждый изъ нихъ работаетъ самъ по себѣ безъ всякой поддержки; потому онъ борется до тѣхъ поръ, пока не изсякаютъ источники энергіи. Энергія падаетъ, и все дѣло, стоившее многихъ хлопотъ и трудовъ, погибаетъ. Была высказана мысль о томъ, какъ бы и для дѣла, и для добрыхъ работниковъ было полезно объединить ихъ. Руководство могла бы взять на себя Академія.

На этомъ же засѣданіи было доложено объ изданіи нѣсколькихъ листковъ подъ заглавіями: „Нашъ великій грѣхъ", „Добрый обычай", „Въ чемъ наше горе", „Небесная Путеводительница", „Божественный Скиталецъ", „Радость на вѣки".

Вскорѣ послѣ этого, 28 марта, было новое чисто семейное собраніе. Прошло оно такъ же живо, какъ засѣданіе 22 марта. Рефератъ былъ предложенъ М. М. Чубаровымъ на тему: „О реформѣ Церкви". Церковь нуждается въ обновленіи и это несомнѣнно. Но въ чемъ должно состоять это обновленіе? Можно ли измѣненіемъ чисто юридическихъ сторонъ жизни церковной исправить дѣло? Отвѣчаютъ, что можно, но такой взглядъ въ основѣ своей содержитъ взглядъ на Церковь, какъ на юридическое учрежденіе. Цер-

ковь обновляется или падаетъ не въ зависимости отъ измѣненія внѣшнихъ формъ. Жизнь Церкви — Христосъ. Если вѣра во Христа усиливается, оживляется, отъ Церкви начинаетъ вѣять прохладой. Если вѣра падаетъ, священники становятся обрядовыми исполнителями. Церковь начинаетъ неудовлетворять живыхъ запросовъ людей и падаетъ. Надо начинать въ дѣлѣ обновленія съ корня. Вдохните вѣру въ людскія сердца, зажгите ревность о славѣ Божіей, и церковный организмъ воскреснетъ.

Очередное засѣданіе 31 марта было отголоскомъ 28 января. Вольнослушатель Академіи діаконъ о. Ѳеодоръ Марковъ предложилъ свои впечатлѣнія отъ встрѣчи съ нашимъ гостемъ Н. Н. Неплюевымъ. Н. Н. Неплюевъ извѣстенъ всему образованному обществу не только у насъ, но и за границей. Его дѣло встрѣчаетъ различную оцѣнку. Было время, когда начинанія Н. Н. закидывали грязью. Въ настоящее время печать оцѣнила дѣло Н. Н. Самая личность инициатора Трудового Братства стала предметомъ интереса. Когда началась бесѣда по поводу прочитаннаго реферата о. діакона Маркова, отъ сужденій о личности Н. Н. Неплюева скоро перешли на Трудовое Братство вообще. Членамъ Брат-

ства хотѣлось выяснить нѣкоторые вопросы, связанные съ дисциплиной Трудового Братства и, между прочимъ, вопросъ объ отрицательномъ отношенiи Н. Н. къ безсистемной благотворительности. Въ обмѣнѣ мыслями по этимъ вопросамъ прошло все засѣданiе.

Весьма оригинально и необычно прошло засѣданiе 7 апрѣля. По приглашенiю Преосв. Ректора братское собранiе посѣтилъ странникъ Серафимъ. Отъ 9 до 12 ч. ночи онъ былъ центромъ общаго вниманiя. Сначала онъ молчаливо выслушивалъ то, что у насъ говорилось, а затѣмъ, по просьбѣ Братства, сталъ разсказывать свою жизнь. Съ ужасомъ мы выслушали разсказъ о борьбѣ со зломъ въ мiрѣ. Расходясь, всѣ испытывали сильный подъемъ духа.

Спустя недѣлю, Братство опять собралось на засѣданiе, на этотъ разъ для него историческое. Дѣло въ томъ, что уставъ Братства рѣшено было просить утвердить. Для этой цѣли, по окончательномъ его редактированiи, онъ былъ представленъ въ ближайшую инстанцiю — Совѣтъ Академiи. Совѣтъ Академiи утвердилъ уставъ Братства 12 апрѣля. 13 апрѣля объ этомъ радостномъ событiи было доложено Братству. Радость была великая. Братство торжествовало по-

бѣду. Мысль невольно переносилась въ прошлое. Вспомнили, какъ начинали дѣло, какъ вели, сколько трудовъ вложили въ него, сколько отрадныхъ минутъ пережили. Отрадно было на душѣ. Уходя съ этого засѣданія, члены Братства уносили въ своей душѣ твердое намѣреніе работать съ удвоенной энергіей на пользу дѣла, начатаго Братствомъ.

30 мая 1907 года было заключительное собраніе. Окончились экзамены. Предстояла разлука съ Академіей и Братствомъ. Хотѣлось послѣдній разъ собраться для дружескихъ прощальныхъ бесѣдъ, тѣмъ болѣе что оканчивающіе Академію члены Братства совершенно оставляли ее. Братство просило ихъ не забывать Академію. Тѣ обѣщали поддерживать съ мѣстъ своей службы общеніе съ Братствомъ. Всѣ окончившіе Академическій курсъ были объявлены почетными членами Братства. Послѣ этого предсѣдатель Братства о. Христофоръ [1]) далъ общій очеркъ дѣятельности Братства за истекшій годъ, а секретарь Братства студ. Н. В. Концевичъ [2])

---

[1]) Нынѣ архимандритъ, настоятель московскаго подворья Россійской Миссіи въ Китаѣ.

[2]) Нынѣ священникъ Александро-Невскаго собора въ г. Уфѣ.

болѣе детальный. Предсѣдатель проповѣдническаго Отдѣла Братства студ. В. П. Виноградовъ [1]) представилъ отчетъ о состояніи проповѣдничества за истекшій годъ. Подобные же отчеты дали также завѣдующіе и другими отраслями дѣятельности Братства, Казначей студ. В. Ставицкій [2]) и библіотекарь студ. Т. Богоявленскій [3]). Побесѣдовавши другъ съ другомъ, выяснивъ итоги дѣятельности Братства, собравшіеся члены Братства тепло простились съ радушно открывавшимъ для нихъ двери своей квартиры Пр. Ректоромъ, и, напутствуемые его благословеніемъ, разошлись. Съ благодарнымъ чувствомъ разъѣзжались, братчики по домамъ. Оглядывая пройденный Братствомъ жизненный путь, они испытывали чувство удовлетворенія. Общія собранія Братства выступали предъ нашимъ сознаніемъ, какъ свѣтлыя точки въ жизни Братства. Много на нихъ было пережито, еще болѣе передумано. Ни одинъ членъ Братства не

---

[1]) Нынѣ доцентъ по каѳедрѣ Пастырскаго Богословія и Гомилетики Императорской Московской Дух. Академіи.

[2]) Нынѣ архимандритъ Филиппъ, ректоръ Нью-Іоркской Духовной Семинаріи.

[3]) Нынѣ архимандритъ Ѳеофилъ, членъ Саратовской Дух. консисторіи.

могъ сказать, что даромъ имъ было потрачено время и энергія. Горячія обсужденія разныхъ вопросовъ невольно будили мысль и заставляли пытливо искать отвѣтъ на нихъ, а, главное, одушевляли всѣхъ горячимъ желаніемъ—послужить матери Церкви".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Имѣются въ редакціи ж. „Христіанинъ“

(*въ ограниченномъ количествѣ*)

труды того - же автора:

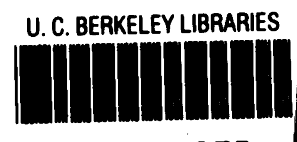
По церковно-общественнымъ вопросамъ. Т. I. Забытый Братскій Уставъ. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

По церковно-общественнымъ вопросамъ. Т. II. Причины моего молчанія. Нашимъ читателямъ и друзьямъ. Пастырь - учитель. (По запросамъ современнаго общества). О христіанскомъ бракѣ. (По поводу современныхъ толковъ въ печати о бракѣ и безбрачіи). Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

Св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Его жизнь и благовѣстническіе труды. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 35 к.

Дневникъ прот. Родіона Путятина. Цѣна 75 к.

Цѣна 80 k., съ перес. 1 руб.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C046164175

